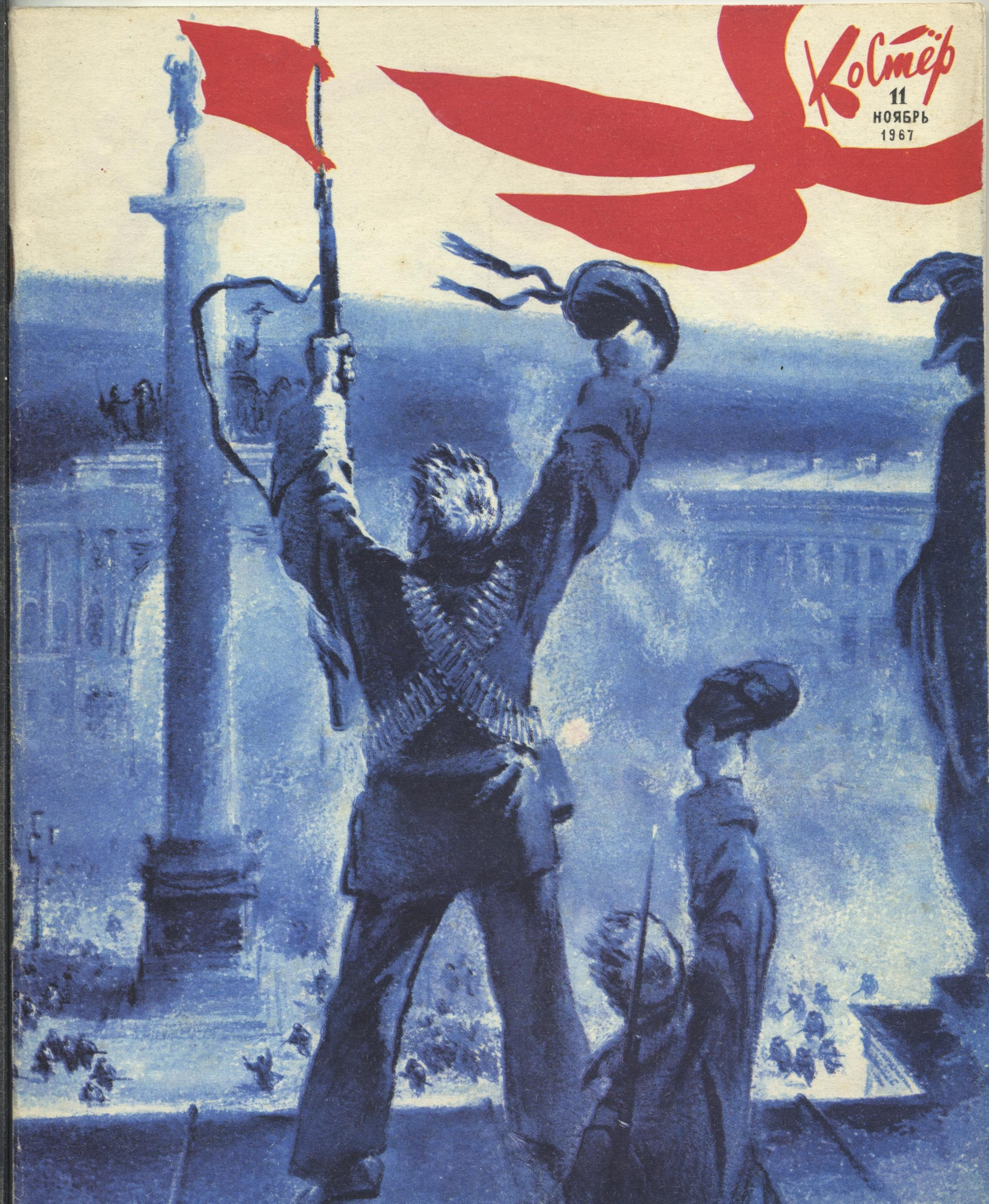
Костёр

11
НОЯБРЬ
1967

Костёр
11
НОЯБРЬ
1967

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

50 ЛЕТ ОКТЯБРЯ

Къ Градскимъ Ратн

ШТУРМ ЗИМНЕГО

Н. Ходза

Рисунки А. Пахомова

На этих страницах вы прочтете отрывок из повести о Джоне Риде, мужественном американском журналисте, авторе замечательной книги об Октябрьской революции — «10 дней, которые потрясли мир».

Рид и Вильямс вышли из Смольного. Только что закончилось заседание Второго съезда Советов, где меньшевики потерпели поражение.

— Этого нужно было ожидать, — сказал Рид.

Они стояли на широких ступенях Смольного, стараясь запечатлеть в памяти эту никем и никогда не виденную картину. Зловеще горели в ночи маленькие костры. Холодный сырой ветер заставлял красногвардейцев жаться к огню, и почти все они держали винтовки не за плечами, а приставленными к ноге, точно ожидая каждую секунду команду «К бою товсь!»

Далекая артиллерийская пальба, неумолчный гул, который доносился из коридоров Смольного, — все это неоспоримо говорило об одном: восстание разгорается! Времена митинговых сражений кончились, судьбу революции решат не слова, а пули.

Отдаленную перестрелку перекрывал грохот моторов: броневики, стоявшие под оголенными деревьями сада, готовы были сорваться с места по первому приказу Военно-революционного комитета. Множество легковых и грузовых автомобилей прорезали светом фар темную октябрьскую ночь, мотоциклисты, с пугающим стрекотом, похожим на пулеметный, мчались с очередным заданием. Появилась машина, груженная ружьями. Ружья немедля стали раздавать рабочим. Стоящий поблизости воинский грузовик включил фары и затрясся мелкой вибрирующей дрожью. Освещенные фарами, красногвардейцы загружали машину связками листовок.

Рид поспешно сошел со ступенек.

— Куда едете, товарищи? — спросил он красногвардейца, лица которого в темноте нельзя было рассмотреть.

— А мы — по всему городу, — ответил красногвардеец, и даже в темноте было понятно, что он широко улыбается.

За спиной Рида появился Вильямс.

— Мы — американские журналисты, — сказал Рид. — Вот наши удостоверения. Возьмите нас в машину. Мы должны рассказать всему миру, как русские рабочие бьются за свободу...

— А садись! — не глядя на документы, разрешил рабочий. — А только знайте, в нас могут и стрелять, очень даже свободно!

Едва они перемахнули через борт, грузовик рявкнул клаксоном, рванулся со скрежетом вперед и все повалились друг на друга. Огромный Вильямс придавил низкорослого матроса, и тот с трудом вывернулся из-под него.

Грохоча по булыжной мостовой, машина миновала освещенную кострами площадь и оказалась на Суворовском проспекте. Красногвардейцы срывали с листовок тонкую перевязь и швыряли их вверх. Подхваченные ветром, листовки неслись вслед за грузовиком, оседая постепенно на мостовой и панели. Рид сунул несколько листовок в карман.

Машина пронеслась по всему Суворовскому, и за ней, на всем пути, точно стая голубей, кружили в воздухе листы бумаги.

На повороте к Невскому двое патрульных вскинули винтовки и заорали:

— Сто-о-ой! Кто такие?

Не сбавляя скорости, шофер промчался мимо. Раздались выстрелы — грузовик не остановился. Рид даже подумал, что стреляли не в них. Теперь стреляли везде. Больше всего в эту минуту Рида интересовал текст листовки. «Черт возьми! Если рискуешь жизнью, то хоть знать во имя чего!»

Вильямс, говоривший по-русски лучше своего друга, отважился спросить низкорослого матроса:

— Прошу очень сказать, что напечатано здесь...

Должно быть, матрос и сам не знал, что там напечатано. Он постучал прикладом винтовки в шоферскую кабину, а когда машина сбавила ход, свесился через борт к водителю:

— Давай к свету!

Грузовик остановился у фонаря. Рид вытащил из кармана листовку, и три головы — два американских журналиста и русский матрос — склонились над первым сообщением Советской власти. Водя пальцем по строчкам, пахнущим типографской краской, матрос медленно и торжественно читал:

«К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

— Все! — сказал матрос. — Буржуям амба! Так и напишите, товарищи мериканцы!

Рид бережно сложил листок пополам и спрятал в бумажник.

По Невскому машина шла замедленным ходом. Здесь было людно и оживленно. Какой-то броневик стоял неподвижно на трамвайных рельсах. Водитель, яростно ругаясь, тщетно пытался завести мотор. Лошади тянули пушку в сторону Зимнего. Вдали, точно корабль в океане, переливалась огнями окон Городская дума. Интересно, что творится сейчас в этой башне?

Рид бывал не раз в Городской думе, знал городского голову Шрейдера, массивного человека с барскими манерами и холеной бородой.

Грузовик приблизился к Екатерининскому каналу. Дорогу ему преградила большая толпа. Машина остановилась. Рид и Вильямс спрыгнули на мостовую.

То, что поначалу американские журналисты приняли за беспорядочную толпу, оказалось демонстрацией. Не менее четырехсот человек стояли по четыре в ряд и, не нарушая строя, переругивались с цепью матросов, преградивших дорогу к Зимнему. Вид демонстрантов поразил американцев. Здесь были мужчины в котелках, в пальто с меховыми воротниками, некоторые держали в руках дорогие трости. Женщины стояли в центре демонстрации. Модные пальто, шляпы, вуали — все это в такую ночь походило на какое-то неуместное театральное представление.

— Смотри, смотри, это Шрейдер! — воскликнул Рид. — Подойдем поближе.

— Именем демократии мы требуем, чтобы нас пропустили к Зимнему дворцу! — сорванным голосом кричал Шрейдер.

Стройный молодой матрос — бушлат его был перекрещен патронными лентами — с интересом взирал на багрового от крика Шрейдера.

— Зачем вам, папаша, к Зимнему? — матрос потянул носом: от городского головы исходил легкий запах духов. — У нас приказ — никого к Зимнему не допускать!

— Мы не признаем ваших приказов! Мы идем в Зимний, чтобы умереть вместе с законным правительством, чтобы отдать свои жизни за святую свободу!

— Чего придумали! — матрос искренне рассмеялся. — Идите, граждане, домой, вишь, какой ветер — застудитесь...

Из рядов демонстрантов понеслись яростные выкрики:

— Узурпаторы!

— Насильники!

Шрейдер, сжимая кулаки, двинулся к матросам:

— Стреляйте. Смерть во имя долга нам не страшна!

Сильный порыв ветра заставил Шрейдера поспешно поднять бархатный воротник английского пальто.

Матрос усмехнулся:

— Уши не отморозьте, папаша. Ступайте лучше домой.

— Что они говорят? Что они говорят? — Рид испытывал сейчас просто физическую боль оттого, что не понимал русской речи.

Вильямс наскоро переводил то немногое, что улавливал сам.

Матросу надоела перебранка. Он начинал сердиться, не зная, что же ему делать, если эта огромная крикливая толпа двинется на цепь матросов. Не стрелять же в безоружных...

На выручку пришел другой матрос с угрюмым тяжелым взглядом.

— А ну, поворачивай, — рявкнул он и стукнул прикладом винтовки по мостовой. — Живо!

— Это насилие! — надрывался Шрейдер, придерживая от ветра котелок. — Смерть за идею нам не страшна!

— Ах, вот что! Не страшна! — Угрюмый матрос повернулся к цепи и подал раскатистую команду: — Взвод! К бою товсь!

Матросы вскинули винтовки.

Шрейдер испуганно попятился в ряды демонстрантов. Какой-то полный господин, стоявший в первом ряду, выбежал из строя и, размахивая массивной тростью, вскочил на тумбу.

«Это — Прокопович! — узнал Рид. — Министр!»

Прокопович патетически рванул на себе пальто.

— Товарищи! — закричал он, косясь на вскинутые винтовки. — Граждане! Не допустим, чтобы совесть этих заблудших людей была

отягощена нашей смертью! Они не ведают, что творят! Быть расстрелянными подобными людьми — ниже нашего достоинства!

— Испугался! — коротко перевел Вильямс речь министра.

— Товарищи! — продолжал дрожащим голосом Прокопович. — Долг повелевает нам вернуться в Думу, срочно обсудить в спокойной обстановке, как спасти русскую революцию!

— Кто про что — шелудивый про баню! — прогудел мрачный матрос. — Обсуждать будет! Без него не знаем, что делать! А ну — полный назад!

Демонстранты сделали поворот кругом и молча двинулись в сторону Думы.

Воспользовавшись тем, что матросы отвлеклись перебранкой с думской делегацией, Рид и Вильямс проскользнули через патрульную цепь и зашагали дальше.

Эта часть Невского утопала во тьме. Здесь уже не было никаких случайных прохожих. От Казанского собора до Морской горело всего два фонаря. На каждом углу стояли патрули, у многочисленных подъездов несли охрану солдаты.

Американцам пришлось трижды показать свои документы, прежде чем они дошли до Морской улицы. В глубоком мраке по мостовой молча двигались люди — несколько сот солдат и красногвардейцев. Ночную напряженную тишину прерывал топот сапог о торцовую мостовую и редкие слова команды.

— Слушай, они идут к Зимнему! — восторженно прошептал Вильямс.

— Отлично! Мы будем с ними! Мы обязаны, мы должны все увидеть своими глазами!

Они сошли на мостовую и зашагали вместе со всеми. «Интересно, сколько сейчас времени», — соображал Рид. Он вытащил часы, но в темноте не видны были даже стрелки. «Должно быть, около часу, не меньше».

Отряд повернул с Невского к арке, и американцы увидели Дворцовую площадь. Рид рассмотрел тяжелое орудие, направленное в центр Зимнего.

Едва они ступили на площадь, как раздался оглушительный выстрел. Восставшие ринулись к Зимнему. Ринулись так же молча, как стояли в ожидании сигнала к штурму. Именно в этой немой атаке, без криков «ура», без возгласов, без воинской команды, именно в этом молчании таилась устрашающая ярость. Тишина продолжалась лишь несколько мгновений. Юнкера встретили атаку пулеметным и ружейным огнем. В воздухе противно и тонко завизжали пули.

Рид и Вильямс бежали вместе со всеми. Рид поймал себя на том, что он тоже бежит в позе атакующего: левая полусогнутая рука его была выдвинута вперед, правая, согнутая в локте, отставлена назад. Можно было подумать, что в руках его — невидимая винтовка.

Баррикады выросли из темноты внезапно. Риду казалось, что до них еще далеко, что надо бежать и бежать под гнусный визг незримых пуль, и вдруг он скорее ощутил, чем увидел, в нескольких шагах от себя невысокие баррикады — длинные поленницы дров.

— Джон, я здесь! — Это кричал Вильямс. — Вперед, старина, только вперед!

Красногвардейцы карабкались на баррикады, кто-то бил прикладом по поленьям, кто-то, просунув ружье между поленьями, вслепую стрелял по юнкерам. Рид вспомнил свою спортивную юность, ринулся к поленнице, легко вскарабкался на нее и спрыгнул вниз. По эту сторону баррикады валялись брошенные юнкерами винтовки. И тогда раздалось солдатское «ура». Схватив с земли винтовку, Рид устремился к дворцу. Увлеченный толпой, он вбежал в распахнутые настежь двери одного из подъездов Зимнего. Рид ожидал, что сейчас начнется жестокий рукопашный бой, но в огромной сводчатой комнате никого не оказалось. Можно было подумать, что дворец пуст.

Восставшие растекались по бесчисленным лестницам. Только теперь Рид уловил — где-то в отдалении прогремели выстрелы, послышались крики.

— Брось винтовку! — крикнул на бегу Вильямс. — Из-за нее ничего не увидишь!

Рид понял Вильямса. Журналист с оружием в руках становится не свидетелем, а участником событий. Ему уже некогда наблюдать, запоминать. Он должен делать то, что полагается делать солдату, быть там, где положено, беспрекословно подчиняться команде. Рид прислонил винтовку к стене и кинулся догонять Вильямса. Они слышали выстрелы и крики, но не зная всех переходов этого огромного дворца, американцы так и не увидели коротких яростных схваток на центральной лестнице Зимнего.

Перебегая из комнаты в комнату, они очутились в западном крыле дворца. В углу одного из залов жались юнкера. Красногвардейцы хотели убедиться, что у них нет оружия. Начался обыск. Револьверов ни у кого не оказалось, но карманы некоторых юнкеров были набиты золотыми табакерками, чарками, миниатюрами и даже серебряными подсвечниками. Юнкера стояли бледные, испуганные, они не сомневались, что «восставшая чернь» тут же подымет их на штыки.

Юнкеров отвели в соседний зал.

— Я хочу знать, что с ними сделают, — сказал Рид Вильямсу. — Пойдем.

Недавние «защитники» Зимнего теснились по углам, избегая смотреть друг на друга, тщетно стараясь скрыть свою растерянность и страх.

Распахнулась дверь, в комнату вошел высокий молодой солдат, из-под его фуражки выбивались темные волнистые волосы, шинель была распахнута, он еще не остыл от горячки боя. Рид узнал Григория Чудновского — одного из руководителей штурма Зимнего.

Чудновский взглянул на юнкеров и понял, что они ждут расправы, жестокой расправы победителей над побежденными. Он обвел хмурым взглядом бледные лица юнкеров и сказал громко, чтобы слышно было во всех углах большой комнаты:

— Кто обещает никогда отныне не подымать оружия против народа, тот может покинуть дворец и вернуться домой!

— Обещаем!

— Нас обманули!

— Нас пригнали сюда насильно! — выкрикивали, не веря своему счастью, юнкера.

Через несколько минут в комнате не осталось ни одного юнкера.

Рид вышел из дворца через подъезд у Зимней канавки. С залива дул холодный ветер, по набухшей Неве перекатывались черные вспененные волны. На том берегу угадывался силуэт Петропавловской крепости, куда час назад отвели под конвоем арестованных министров.

Шагая вдоль бесконечного дворцового фасада, Рид не замечал, что спотыкается в темноте о куски обвалившейся штукатурки — следы от обстрела Зимнего. Рид торопился — в Смольном шел Съезд Советов. На Съезде выступит Ленин! Надо спешить!

Эстафета Октября

Г. Александрович

„Для народа Эллады учение Ленина — то же, что долгожданный дождь для опаленной солнцем земли“.

Этими словами заканчивается одна из статей в бюллетене греческих коммунистов, нелегально издающемся в Афинах.

...Остров Юра, затерявшийся в водах Эгейского моря, — голая скала без единого дерева. Каторжная тюрьма, построенная там еще в 1947 году, напоминает каменную галеру, неподвижно стоящую среди моря. Ее бетонные казематы вмещают десять тысяч узников.

Для коммунистов и для национального героя Греции Манолиса Глезоса, члена партии ЭДА, на острове создан особенно тяжелый режим. Их заставляют с утра до вечера таскать камни для строительства новых корпусов тюрьмы. Пища состоит из гнилой фасоли и селедки, а вода выдается в микроскопических дозах.

Одного за другим заключенных вызывают к коменданту «острова смерти» и предлагают свободу в обмен на «чистосердечное раскаяние». Это делается по инструкции министра внутренних дел генерала Патакоса, который внушает своим подчиненным: «Мертвый коммунист — хорошо, но раскаявшийся коммунист — для нас еще лучше».

Комендант и рад бы угодить своему шефу, но не может этого сделать — отступников среди патриотов нет.

Страница французской коммунистической газеты „Юманите“: „Жизнь Глезоса в опасности!“

— * —

„В нашей семье мы ежегодно празднуем годовщину Октябрьской революции. Если бы не было Советского Союза, Англия без сомнения проиграла бы войну Гитлеру“,—

говорит рабочий коммунист Боб Эллиот, цеховой староста большого машиностроительного завода на юге Лондона.

Боб живет в доме, где квартирная плата настолько же велика, насколько малы квартиры. В прошлом году, когда один из жильцов заболел и не смог вовремя расплатиться, домовладелец попытался было выбросить его вместе с семьей на улицу. Боб тотчас же собрал соседей: «Этого нельзя допустить!»

Предъявили ультиматум: «Либо Симпсон остается, либо все мы выезжаем!» Домовладелец отступил.

В другой раз Боб собрал подписи под петицией в муниципальный совет с требованием открыть в районе новую школу. И снова добился своего.

Боб пользуется среди соседей большим уважением. К его словам внимательно прислушиваются. За последние три месяца ему удалось привлечь в партию восемь новых членов.

— * —

„Неразрывная связь с народом — залог нашей победы. Именно эта связь помогла русским революционерам защищать страну от иностранной интервенции; она же дала возможность советским партизанам успешно противостоять гитлеровской военной машине...“

Когда Нгуен Ван Чой писал эти строки для газеты партизанского соединения, он находился под обстрелом. Между тем, его жена Фан Тхи Кюйен была уверена, что муж отправился в одну из своих частых командировок по делам торговой фирмы, в которой он числился коммивояжером. Молодая женщина и не подозревала, что под вывеской этой фирмы скрывается бюро связи между партизанами и сайгонским подпольем. Чой был отличным конспиратором и даже жену не посвящал в свои партийные дела.

Вскоре «командировки» прекратились и Кюйен была очень довольна, что ей не приходится оставаться одной. Она не знала, что именно теперь жизнь ее мужа подвергается особой опасности.

Партия поручила Нгуен Ван Чою организовать покушение на американского министра Макнамару, совершающего частые визиты в Сайгон. Во всем Вьетнаме, как в Южном, так и ДРВ имя этого человека считается бранным словом. По его приказу американские летчики сжигают напалмом мирные села, убивают людей, уничтожают ядовитыми газами посевы.

Последние минуты Нгуен Ван Чоя

К сожалению, план партизанской операции стал известен сайгонской контрразведке.

Кюйен навсегда запомнит бесстрашные слова мужа на суде: «Я хочу перебить всех американских бандитов. Я хочу, чтобы Юг был свободен. Я не желаю жить, склонив голову, когда американцы истребляют мой народ!»

— * —

„Я с Лениным встречался в Мадриде“, — рассказывает испанец Маркос Ана.

«...Однажды утром в «волчок» моего карцера влетел аккуратно сложенный лист бумаги... Чтобы вы поняли мое состояние, я попросил бы вас подумать о человеке, который давно заточен, годами мучается среди четырех каменных стен, лишен бумаги, книг, неба, солнца, общения с родными, с друзьями... И вдруг этот человек получает снимок Ленина, некогда сфотографированного в далекой Москве на знаменитой Красной площади вместе с двумя русскими мальчуганами. В то памятное утро все изменилось. Мне стало легче от мысли, что именно в это время Ленин был с нами, испанскими коммунистами...»

«...Портрет все время был при мне, — говорит далее Маркос Ана, — и никакая сила не заставила бы меня расстаться с ним, если бы не одно обстоятельство. По соседству со мной, в карцере № 21 появился новый узник. Видимо, тоже испанский рабочий. И его, конечно, пытали. Силы покидали его. Однажды утром, когда меня вели коридором на очередной допрос, я ухитрился заглянуть к нему в «волчок». Сосед лежал полумертвый на бетонном полу. Тогда-то я и решил, что портрет товарища Ленина может помочь ему так же, как он помог мне. И я незаметно забросил свернутый портрет в камеру соседа тем же способом, каким получил его сам...»

— * —

„Мы будем продолжать борьбу. Нас не остановит террор. На нашем горизонте—мачты „Авроры“!“

Так заявил португальский коммунист Франсиско Мигель на заседании лиссабонского трибунала. Фашистские судьи приговорили его к длительному заключению в крепости Кашиас, известной своим суровым, жестоким режимом.

Подпольный стаж Франсиско Мигеля превышает три с половиной десятилетия. Около двух лет он провел в тюрьмах, не раз совершал дерзкие побеги. Сумел бежать и из крепости Кашиас. Но еще раньше вырвались оттуда его стихи:

«Ты, чернокожий, брат мне! Да!
Не брат
Я белому тому, кто негров
угнетает...»

— * —

„Первым декретом Октябрьской революции был декрет о мире. С тех пор КПСС и Советское правительство рассматривают защиту мира во всем мире как одну из своих главных задач...“

Публицист Арт Шилдс заканчивает очередную статью для газеты американских коммунистов «Уоркер». Он работает в этой газете с первых дней ее существования. По поручению редакции ему не раз приходилось выполнять самые сложные задания.

Некоторое время тому назад ему поручили расследовать дело об убийстве в штате Джорджия двух негров-батраков. Они и их семьи подверглись суду Линча только за то, что требовали платы за собранный ими хлопок. Шилдс с риском для жизни провел расследование и опубликовал в «Уоркере» подробный отчет о преступлении расистов.

В последние годы главная тема выступлений Шилдса — разоблачение грязной войны, которую Пентагон ведет во Вьетнаме.

— * —

„Сейчас, когда солнце Октября осветило нам дорогу, ни один честный человек не захочет свернуть с нее...“

Так писал Архимиро Габальдон еще в ту пору, когда был журналистом, прежде чем путь борца привел его в горы, к партизанам.

Архимиро Габальдона часто называют «венесуэльским Котовским». Как и о Котовском, о Габальдоне еще при жизни слагались легенды, причем, по правде сказать, легенды эти мало чем отличались от реальных событий.

Однажды в Лас-Тринчерас Габальдон с шестью бойцами вступил в бой с отрядом правительственных войск численностью в 60 человек. Партизаны попали в засаду, но кончилось дело тем, что каратели, потеряв 23 человека убитыми и ранеными, с трудом спаслись бегством. В изложении крестьян окружающих деревень эпизод этот выглядел так: командир карателей сообщает по радио своему начальству: «Поймал Архимиро Габальдона». «Немедленно доставьте его в штаб!» — следует приказ. «Да он не идет». «Ну, тогда сами возвращайтесь за подкреплениями». «Да он не пускает».

Габальдон погиб в одном из боев, но и сейчас сражаются в горах штата Лара партизанские отряды, названные его именем.

Итальянский предвыборный плакат: „Кто голосует против богачей, тот голосует за коммунистов“

— * —

„Быть коммунистом — значит, быть продолжателем дела героев Зимнего и антифашистов „Красной капеллы“...“

Прокурор города Мюнхена, нахмурившись, читал листовку, обнаруженную при обыске у известного комсомольского активиста Юппа Ангенфорта. «В следственную тюрьму», — приказал он.

А на другой день западногерманские газеты запестрели сенсационными заголовками: «Дерзкий побег», «Безуспешные поиски комсомольского лидера», «Ангенфорт провалился сквозь землю». На мюнхенской площади Ленбахплатц Юпп сбросил наручники, связывавшие его с полицейским агентом, и нырнул в толпу. Ищейки потеряли след — беглец словно в воду канул.

«Шерлок Холмсы» из буржуазных газет писали о «тайных коммунистических организациях», якобы помогавших беглецу, но в действительности все обстояло гораздо проще. «Я бежал сам, — рассказывал впоследствии Ангенфорт. — К знакомым коммунистам не обращался из соображений конспирации. Мне помогли простые граждане ФРГ, люди разных убеждений, профессий, возра-

Арест участника антивоенной демонстрации, организованной „Союзом молодых коммунистов“ ФРГ

стов. Они меня кормили, прятали, давали письма к своим друзьям с просьбой приютить на несколько дней...»

——— * ———

„Вы убиваете людей, но идеи Ленина, идеи коммунизма вам не убить“, —

написано в листовке.

Десятки тысяч таких листовок, призывающих к борьбе против расистского правительства Южно-Африканской республики, расклеиваются, передаются из рук в руки, путешествуют сотни километров в карманах рабочих курток.

За чтение журнала «Африканский коммунист» охранка без суда бросает людей в тюрьмы. Тем не менее его читают повсюду. Особенный интерес вызывают статьи, подписанные псевдонимом Джаланг Квен.

«Любопытно, кто бы это мог быть?» — спрашивает пожилой рабочий, обращаясь к своему товарищу. Тот подмигивает в ответ: «Ишь чего захотел узнать». И добавляет с нарочитой почтительностью: «Этого даже сам господин начальник тайной полиции пока не может установить».

А между тем, собравшись где-то на тайной квартире, члены национального комитета компартии ЮАР внимательно слушают докладчика — человека, скрывающегося под именем Джаланг Квен. На повестке дня вопрос о подготовке к празднованию 50-летия Октябрьской революции...

Так поступают люди, которые буквально выстрадали свои коммунистические убеждения в условиях буржуазной действительности. Этих людей невозможно свернуть с избранного ими пути.

В БЕЛУЮ НОЧЬ У КОСТРА

ПОВЕСТЬ

Юрий Коринец *Рисунки С. Островой*

— Молодец, Чангуша! — сказал дядя и потрепал Чанга по голове.

— Обидели хозяина! — засмеялся Порфирий. — Небось плачет...

— Разве медведи плачут? А что ты крикнул? — спросил я дядю.

— Просто крикнул... этвас... — улыбнулся дядя, пряча наган.

— Ну, дядя же!

— Это ихнее дело! — загадочно сказал Порфирий. — Не нашего ума.

— А почему ты в него не стреляешь?

— Зачем стрелять? Жалко! — сказал дядя.

— А если бы он кинулся?

— Не кинулся бы! Да и Порфирий справился бы с ним без выстрела.

— Как без выстрела? Вы бы справились без выстрела?

— Конечно, сподручный дак, — сказал Порфирий.

Мы уже стали спускаться с бугра, гуськом, по еле заметной тропинке.

— Почему сподручный?

— Потому что Порфирий мог запросто звездануть его по уху, — рассмеялся дядя.

— Смеешься! — сказал я. — Мне же интересно!

— Я не смеюсь. Скажи ему, Порфирий, скольких ты медведей взял?

— Почитай, шестьдесят будет, — сказал Порфирий.

Продолжение. См. „Костер" № 10, 1967 г.

— Кулаком?

— Иных кулаком, иных рогатиной, иных пулей. Это сподручных кулаком, маленьких, вот таких лоншаков, как этот.

— Каких лоншаков?

— Лоншак — годовалый медведь, — сказал дядя.

Мы уже подошли к костру. Он горел ровным сильным огнем, потому что с двух сторон на него была сдвинута перегоревшая в середине сосна.

Мы сели к столу, и дядя с Порфирием закурили. А я думал, я опять лихорадочно думал, потому что все это было необычайно.

— Загадочное существо — медведь! — сказал дядя. — Умен, дьявол. Ты видел, как он от Чанга отмахивался? Как человек, на ногах стоял и отмахивался.

— Медведи и на велосипедах, как люди, ездят, — сказал я. — В цирке в Москве.

— Он и был раньше человеком, — сказал Порфирий.

— Кто?

— *Ведмедь!*

Я засмеялся. Чудно́ мне показалось, что медведь раньше человеком был и что его Порфирий не «медведем», а «ведмедем» назвал.

— Не ведмедь, а медведь! — крикнул я. — И вовсе он не был никогда человеком. Сказки все это!

— А ты не лезь поперед батьки в пекло, — сказал дядя. — Это у нас говорят медведь, а в иных местах его называют ведмедем. От слова «ведать» — знать... потому что он много знает...

— Знамо, ведмедь, — кивнул Порфирий както уж очень серьезно, с достоинством. — И человеком был — это уж точно...

Не по себе почему-то стало мне от этих слов, да и дядя был совершенно серьезен. Порфирий курил огромную козью ножку, лежа на животе и глядя в огонь.

— А как он человеком был? — спросил я.

— Человек был такой — Михайла звали. А фамилии у него вовсе и не было, — сказал Порфирий. — Потому что бедный. Давно это было. Богатырь страшенный был этот Михайла. Хлебопашеством занимался: лес выжигал, пни из земли выворачивал и пахал под рожь.

Приглянулась ему раз на базаре дочь купца одного — красавица писаная! И под стать ему была: метра два ростом, дородная, в три обхвата! — Порфирий рассмеялся тихо, словно медведь его мог услышать в лесу. — Стал Михайла купцу в терем сватов засылать, а купец ни в какую. «Поди прочь! — говорит. — Слыхано ли дело, чтобы дочь моя за голодранца такого пошла. Не бывать тому, и все тут!» Важный был купец — с самою Индией да с Персией по далеким путям торговлю вел. А Михайла не унимается — раз за разом сватов засылает, хоть все мимо. Уж он отцу передал: все равно, мол, дочь твою умыкну, если добром не отдашь! А сам с горя запил. Из кабака не вылезал, все свое добро спустил и скотину. По базару страшный ходит, аки зверь рыкающий! Схватит подводу купцову за оглобли, перекинет, весь товар рассыплет да направо-налево ею — телегой-то! — все вокруг крушит! Весь базар разгонит, потом повалится в грязь и плачет... Скандал на весь город. Купцу и на улицу показаться стыдно. О дочери уж и говорить нечего: ее купец в тереме запер.

Порфирий плеснул в кружку горячего чаю и, прихлебывая его так, что пар смешивался с дымом самокрутки, из которой он все время затягивался, продолжал:

— Подговорил купец одного кабатчика, чтобы тот с товарищами подпоил Михайлу. А тогда его убить и в прорубь сбросить. Зимой было дело.

На рассвете Михайла в кабак пришел. Полушубок принес — опохмеляться. Черный совсем с себя, лица на нем нет. «Не надо мне твоего полушубка! — говорит кабатчик Михайле. — Гуляй сегодня и пей, — говорит, — сколько тебе влезет — жалею тебя. Пей, плачь, пой — может, полегшает!» Целый день Михайла пил, водки выпил — страсть! Уж вечер на дворе, в окнах сине — а он все не падает. Только песни поет да всех кроет!

— Как кроет? — не понял я.

— Ругается! Уж не знают, что делать, кабатчиковы-то дружки. Уговорил его тогда кабатчик спать лечь. «Утром — говорит, — опохмелиться дам». Ну, разделся он, лег. Вроде бы вскоре заснул. А сунулись к нему с топорами — он и не спит вовсе. Как заревет — и в дверь — только его и видели. Поранили, правда, маленько. А Михайла, голый, в лес подался. Мороз стоял лютый, пал Михайла в лесу на снег, плачет, зубами скрипит. Озлился он очень на весь род человеческий. И чует вдруг — что-то такое с ним происходит. Волосы на голове дыбом встали, и кожа будто шевелится — а это шерсть у него стала расти! Весь шерстью оброс, с головы до ног, в одну какую-нибудь минуту!

Порфирий помолчал.

— Вот ведь что бывает! — продолжал он, покачав головой. — Так и стал с той поры ведмедем. И то слава богу, что не замерз. И что

прикажешь делать — не домой же так воротчаться, к отцу да матери!

Тогда он в какой-то овраг залез, буреломом себя закидал, а сверху его снегом присыпало. В берлогу, значит. Думал поспать маленько, да так всю зиму и проспал! Лапу во сне сосал, чтобы с голоду не умереть.

Купец сначала ждал, ждал Михайлу, а потом успокоился. Решил, что замерз жених.

Сидят они раз с дочерью весной у окна с самоваром. Чаи распивают. В окно черемуха — благодать! Тут с улицы кто-то как рявкнет: «Скырлы-скырлы-скырлы!» Только было подумал купец: чтой-то такое? — а в окно ведмедь агромадный. Пасть разинул — ревет благим матом. Купец со страху повалился на пол и враз кончился! А ведмедь в окно влез, стол с самоваром опрокинул, невесту в охапку — и был таков! Вскорости и пошел вокруг по лесам род ведмежий... По всей земле распространился...

Порфирий замолчал.

— Все это сказки! — сказал я. — Так не бывает!

— Бывает ли, нет ли, а старые люди сказывают, — просипел Порфирий.

И тут я вдруг вспомнил про мальчика. О котором дядя в самом начале рассказывал. Все хотел я дяде об том напомнить.

— А мальчик? — спросил я дядю. — Сколько времени прошло, а ты все не доскажешь никак. Что с ним дальше было?

— Дел у нас все время по горло, — сказал дядя. — Дни, видишь, какие насыщенные.

— Но сейчас вечер...

— Сейчас в самый раз, — согласился дядя. — Если ты не устал.

— Я не устал, — сказал я. — Наоборот!

МАЛЬЧИК-МЕДВЕДЬ

Чанг лежал и выжидающе смотрел на дядю. И Порфирий выжидающе смотрел на дядю, и я. И всё вокруг придвинулось и замерло.

Солнце сползло к горизонту и стояло совсем рядом; незаметно выглянула луна и три бледные звездочки; ближе придвинулись сопки; мерцающие гранитные камни насторожились вокруг; неподвижно застыла возле костра береза; травы замерли; лес подошел к холму, наклонив темные макушки елей; невидимый нам, стоял в лесу Михайла, сгорая от любопытства, опираясь одной лапой о дерево, а другую приставив к уху; насторожились в своих гнездах птицы и мыши в норах; коршун распластался в воздухе, совсем низко, не двигаясь с места; рыбы в реке перестали плескаться, притаились под камнями и тоже слушали — все замерло, придвинулось, прислушалось: когда дядя начнет.

Одна только река шумела внизу, спеша к морю, но она никому не мешала.

Дядя тщательно прочистил ершиком свою трубку, набил ее табаком, раскурил, достав пальцами из огня красную головешку — дядины пальцы огня не боялись! — потом устроился между камней поудобнее и задумался...

— Мальчик исчез бесследно, — сказал дядя. — В тот момент, когда на него прыгнула рысь, а на нее сверху свалилось что-то черное, страшный рев потряс окрестности, и его услышали внизу, в долине, в доме смотрителя. Сотни кур и гусей поднялись в воздух, как белая метель, и вороны тучей сорвались с ветел. каркая и хлопая крыльями.

Смотритель и его жена выбежали во двор и хватились ребенка. Поиски ни к чему не привели. Напрасно отец обшарил все окрестности, напрасно расспрашивал проезжавших мимо ямщиков, напрасно подал розыск в полицию: пропажа ребенка обрушилась на стариков непоправимым несчастьем.

С утра отец уходил в горы с ружьем и собакой, иногда ночевал в горах и возвращался опять ни с чем. Так прошло лето и наступила зима. О ребенке не было ни слуху ни духу. Родители решили, что он или утонул, свалившись в реку, или задран зверем, или украден цыганами.

О пропаже мальчика знали в округе все жители: и русские хуторяне, и грузины, и абхазцы, населявшие этот край. Прослышал об этом и князь Шервашидзе — самый богатый в этих местах человек...

— Шервашидзе? — переспросил я. Мне показалось, что я уже слышал не раз это имя.

— Доннерветтер! — крикнул дядя.—Слушай меня!

Весной вдруг разнесся слух, что в округе творится неладное. Многие охотники утверждали, что видели в горах лешего. Он был совершенно голый. Как кошка, лазил он по деревьям, цепляясь за ветки руками и ногами. Некоторые утверждали, что у него был хвост. Завидев его, все в ужасе разбегались. Но самое странное — и это неизменно подтверждали все — самое странное, что леший всегда появлялся в обществе медведей.

Все эти слухи нагоняли страх на темных людей, волновали воображение. Князь решил в это дело вмешаться. Он понимал, конечно,

что никакого лешего не было, что тут что-то не то. Этот князь, между прочим, был очень образованным и обаятельным человеком...

— Князья тоже были хорошими? — спросил я.

— Разные бывали князья! — крикнул дядя. — Нельзя все понимать примитивно. Был, например, такой князь — Кропоткин! Крупнейший революционер. Правда, анархист!.. Но он боролся с царизмом. А декабристы! Ты слышал о них?

— Слышал, — сказал я. — Они разбудили Герцена...

— Вот именно! Но вернемся к Шервашидзе... Князь организовал целую экспедицию в горы. Из лучших охотников. И они-таки напали на след этого «лешего».

После долгих поисков они выследили одну необычную медвежью семью: старую медведицу с тремя медвежатами и таинственным лешим. Их всюду видели вместе.

И вот представь себе берег бурной горной реки — примерно, такой, как эта, — дядя кивнул на Ниву. — Река была меньше и природа другая, но обстановка, в сущности, та же: мутная горная река, крутые берега, поросшие лесом. Представь себе засаду на берегу — допустим, на этом. В засаде человек десять охотников. Они сидят, не шелохнувшись, в кустах, ветер дует им в лицо, а на другом берегу, на песчаной отмели, совершенно идиллическая картина: огромная медведица, мирно греющаяся на солнышке, а рядом с ней трое медвежат, которые лежат, задрав кверху лапы, подставив солнцу круглые животики, и на этих животиках, как на барабанчиках, наигрывает ладошками худенький смуглый мальчик!

— Как «наигрывает»?

— Вот так! — крикнул дядя, повалил на спину Чанга и стал выстукивать у него на животе веселую дробь.

Чанг извивался, пытаясь схватить дядю за руки.

— Охотники сразу признали сына смотрителя, все его знали, — сказал дядя, отмахиваясь от Чанга. — Медлить было нельзя. Охотники перемигнулись и дали залп по медведице... Раненная смертельно, она поднялась и шагнула в воду — навстречу врагу. Второй залп свалил ее и ранил двух медвежат. Вокруг медведицы забурлила окрашенная кровью вода с розовой пеной, и охотники бросились в реку, гортанно вскрикивая и размахивая старинными ружьями...

— А мальчик?

— Он упал на медведицу, обхватив ее руками. Мальчика с трудом оторвали от медведицы — он царапался и кусался. Как-никак, медведица была его приемной матерью! Она спасла его от смерти! Это она тогда бросилась на рысь!

Мальчишку вернули отцу, и все сбежались смотреть на него, как на чудо. У него отросли длинные кудрявые волосы, черные, как крыло ворона. Тело стало железным и гибким. Кожа на ногах и ладонях была толстой, как подошва.

Отца и мать он узнал, но вел себя сначала странно. Почти не разговаривал. Не хотел спать в кровати, а ложился в углу на пол, свернувшись калачиком, вместе со своим медвежонком. Медвежонка тоже привели к смотрителю, и он остался у них жить. Ел мальчишка руками, презирая ложки и вилки, любил сырое мясо. Родители долго держали его взаперти, никуда не выпуская.

Его счастье, что он попал к медведице не грудным младенцем, а четырехлетним ребенком, умевшим уже говорить. И что он пробыл в лесу недолго!

— А не то что? — спросил я.

— Его развитие остановилось бы! — сердито крикнул дядя. — Человек превратился бы

★★★

в зверя. Никогда не научился бы говорить. Рычал бы да ползал на четвереньках и так бы погиб!

— Почему?

— Налей-ка мне чаю! — сказал дядя и, пока я наливал ему чай, продолжал:

— Триста пятьдесят лет тому назад один индийский падишах — звали его, кажется, Акбар — решил произвести опыт. Он решил проверить: действительно ли каждому человеку дан его язык от рождения? Так он слышал от своих мудрецов. Они утверждали, что сын индийца заговорит в определенный срок на своем родном индийском языке, сын китайца — на китайском и так далее. Падишах решил выяснить это. Он отобрал нескольких грудных детей и запер их от всего мира... Прислуживали им слуги, которым отрезали языки...

— Им нарочно отрезали языки? — спросил я.

— Нарочно, — кивнул дядя, пыхнув мне в лицо дымом. — Акбар, как и многие другие восточные правители, вообще любил молчаливых слуг, таких, которые не выбалтывали бы семейных тайн. Понял?

И дядя пристально посмотрел мне в глаза.

— Понял. Я не выбалтываю, — добавил я, потому что подумал, что это относится непосредственно ко мне. — Когда ты был в Испании, я никому не сказал...

— Иного я от тебя и не ожидаю, — сурово сказал дядя. — Так вот! Семь лет держал падишах детей в полной изоляции. Ключи от помещения, в котором они находились, Акбар носил на груди, никогда их не снимая. Сам он тоже к детям никогда не заглядывал. Выдержка у него была восточная. А когда настал назначенный срок, он пошел туда в сопровождении своих мудрецов и отпер двери, и знаешь, что он услышал?

— Что? — прошептал я.

— Он услышал дикий вой, визг, мяуканье! Вот что он услышал! И тогда он отрубил мудрецам головы...

— Зачем?

— Затем, что они опозорились.

— А мальчик-медведь?

— А мальчик-медведь стал парнем что надо! — крикнул дядя. — Ему этот случай пошел только на пользу. Человеческая закваска уже была в нем заложена, а тут он вдобавок приобрел разные медвежьи знания и навыки и закалился, как никто! Среди мальчишек он стал богом, благодаря этой закалке. Ты меня понимаешь! И он знал многое, чего не знали другие люди. Впоследствии он стал удивительным охотником. И вообще ему после этого случая очень повезло в жизни. Он получил прекрасное образование только благодаря этому случаю... Попал в гимназию...

— Его медведи устроили? — сострил я.

Дядя засмеялся, и Порфирий, который все время молчал, тоже весело засмеялся.

— Вольтер! — крикнул дядя. — Ты у меня остроумен, как Вольтер. Однако мальчика устроили в гимназию не медведи — его Шервашидзе устроил. В нем принял участие князь Шервашидзе. Мальчик ему понравился, и он дал ему образование. Иначе мальчику бы не видать гимназии как своих ушей! Потому что его родители были бедными. Хотя можно сказать, что медведи тоже приложили к этому свою лапу. Так что ты прав! Недаром мальчишку прозвали Потапычем. И лучший его друг был тоже Потапыч — Михайла Потапыч — тот самый медвежонок, который остался цел. Мальчик в нем души не чаял.

— А откуда ты все знаешь? — спросил я.

— Потапыч рассказывал...

— Ты его знал?

— Знал.

— А где вы познакомились?

— Когда-нибудь расскажу.

— А что было дальше?

— А дальше залезаем в берлогу. То есть в палатку.

И дядя встал.

— Спать! — сказал он.

К сожалению, этим словом дядя часто кончал свои рассказы. Почти всегда, потому что, как правило, он всегда рассказывал вечером. И в Москве, и здесь, на Севере, у костра.

КТО ПРАВИЛ РОССИЕЙ?

И опять был вечер, и солнце опустилось к сопкам, и дядя опустился на землю возле костра, облокотившись о камень, с зажатой в зубах дымящейся трубкой, и я сразу почувствовал, что он сейчас что-нибудь выдаст, потому что он прищурился поверх костра и камней, поверх меня, и Порфирия, и Чанга — в себя самого.

Я смотрел на дядю, сгорая от нетерпения, как вдруг он сверкнул глазами, как молнией, так, что я вздрогнул, и заорал:

— КТО ПРАВИЛ РОССИЕЙ?

— Не знаю, — сказал я смущенно. — Царь?

Порфирий погрозил мне пальцем, а дядя опять заорал:

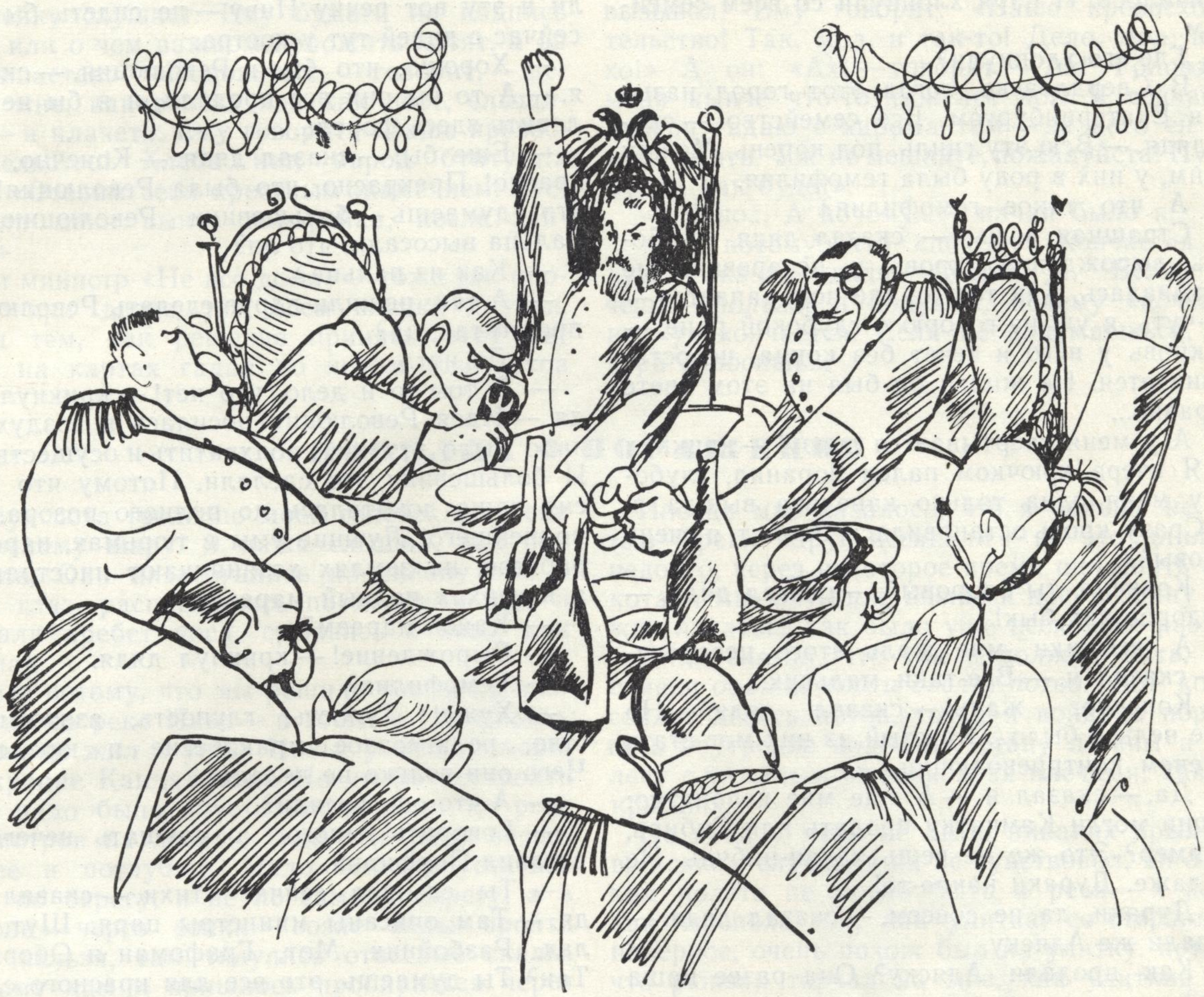
— Я тебя не спрашиваю, доннерветтер! Так стихи называются! Молчи и слушай!

И он опять громко повторил:

— КТО ПРАВИЛ РОССИЕЙ...

Потом отпил полкружки чаю, откашлялся, снова прищурился и продолжал, уже тихо:

Не сто лет тому, не встарь,
А намного ближе
Призадумался наш царь —
Николашка-рыжий,
Николай Второй Романов,
Предводитель хулиганов:
Как себя бы самого
Утвердить на троне?
Потому что у него
Было все в загоне:
Голодал крестьянский люд,
Голодал рабочий,
И страдал от жестких пут
Всякий третий прочий.
Взбаламучена страна —
Всюду взрывы, стачки,
И казна давно пуста,
Хоть проси подачки!
Николай Второй Романов,
Предводитель хулиганов,
Приглашает на обед
Государственный совет:
«Пировать, мол, не впервой,
Во дворце по-над Невой!»
«Приглашу их (мыслит он),
Не велик с того урон:
Хоть и много наедят,
Да чего-нибудь родят!»
Так и сделал, как сказал —
Всех к обеду приказал.
Гости сутки пили-ели,
Чуть с еды не осовели:
Шут, Палач, Разбойник, Мот,
Графоман и Обормот,
Вместе с ними свита,
Чтобы шито-крыто!
Шут сказал, набивши рот:
— Слушайте скорее,
Расскажу вам анекдот
Об одном еврее...
— Вешать всех! — взревел Палач. —
Гнуть, как этот вот калач!
— Лютой данью обложить! —
Заорал Разбойник. —
Всех раздеть, кто хочет жить,
Был бы не покойник!
— Нет, — сказал, прищурясь, Мот, —
Нищих грабить — не доход!
Надо земли продавать:
Сахалин, Камчатку!
Можно и Сибирь продать,
Все уж, без остатку!
Все деревни, города...
А самим остаться
Здесь — и будем мы тогда
В золоте купаться!
А министр-Графоман
В боковой полез карман
И с трудом извлек оттуда
Свой проект в четыре пуда...
Николай Второй Романов,
Предводитель хулиганов,
На проект едва взглянул,
Вилкой в зубе ковырнул:
— Все испробовали мы, —
Молвил он совету, —
От торгов и до тюрьмы.
Только толку нету.
Обормот, хлебнув вина,
(Уж конец обеда)
Говорит царю: — Нужна
Легкая победа!
Год бы с кем повоевать,
Выбить контрибуций!
А не то не миновать
Разных революций...
Николай Второй Романов,
Предводитель хулиганов,
С места встал и говорит:
— В бой хочу — земля горит!
Но не знаю, хоть убей,
Где найти страну слабей!
— Есть один такой народ, —
Отвечает Обормот, —
Ростом меньше кошки,
Прозвищем япошки...
Зашумел вокруг совет:
— У солдат обувки нет.
— Сгнили все шинели.
— Ружья отсырели.
Николай Второй Романов,
Предводитель хулиганов,
Белой ручкой подал знак:
— Мы япошек знаем!
Мы их шапками — вот так! —
Сверху закидаем!
Всех портянками увяжем
Безо всякой драки!
Через месяц им покажем,
Где зимуют раки!
Выдать войску сапоги
Завтра на рассвете!
Боже правый, помоги!
Расходитесь, дети...
Генералы под холмом

Утром для парада
Место выбрали с умом,
Лучше и не надо:
Пред царем пройдя, полки
За холмом скрывались:
Там другие в сапоги
Переобувались.
И опять полк за полком
Выступал, как надо,
Чтобы после босиком
В бой идти с парада!
Вместо пуль в обозах тех
Медные иконы,
И напутствовали всех
Колокольны звоны.
Ну и топали потом
Вспять войска босые...
Через год и грянул гром
Надо всей Россией!

— Ну, как стихи? — спросил дядя, наливая себе чай и одновременно посапывая трубкой, которая постепенно раскуривалась, обволакивая его дымом.

— Хорошие стихи, — сказал я. — Кто их написал?

— Один человек, — сказал дядя.

— Поэт?

— Один человек, — повторил дядя. — Мой хороший знакомый. Вообще-то, он не был поэтом, но иногда писал стихи. Так, между делом... Тебе нравятся?

— Очень! — сказал я. — Смешно! Одно меня только удивляет...

— Что?

— Поведение царя, — сказал я. — Неужели он такой дурак был?

— Умом не отличался, — хмыкнул дядя. — Самое интересное, что в этих стихах все описано совершенно точно, вплоть до переодевания за холмом. Очень точные стихи...

— И какой гром грянул? Революция?

— Революция! — сказал дядя. — В девятьсот пятом, а потом в семнадцатом. Тут-то все

и кончилось. И царя хлопнули со всем семейством...

— Где его хлопнули?

— В Свердловске, тогда этот город назывался Екатеринбургом. Все семейство! — сказал дядя. — Всю эту гниль, под корень. Между прочим, у них в роду была гемофилия.

— А что такое гемофилия?

— Страшная вещь, — сказал дядя. — Болезнь вырождения: кровь у цесаревича не свертывалась. Как только где поцарапается — чуть-чуть, я уж не говорю о глубокой ране, — так кровь у него и течет без конца, не останавливается. Не жилец он был на этом свете все равно...

— А у меня свертывается сразу! — крикнул я. — Я вчера крючком палец поранил, глубоко, у меня одна только капелька вышла, и все. Сразу кровь остановилась. Значит, я очень здоровый?

— Конечно, ты здоровый, — сказал дядя. — Ты здоров как бык!

— А все-таки мне жаль этого цесаревича! — сказал я. — Все-таки мальчик...

— Конечно, жаль! — сказал дядя. — Но иначе нельзя было... Каждый из них мог стать знаменем контрреволюции.

— Да, — сказал я. — А еще мне непонятно: как они могли Камчатку продать или Сибирь, например? Это же не вещь какая-нибудь. Не дом даже. Дураки какие-то!

— Дураки, да не совсем, — сказал дядя. — Продали же Аляску.

— Как продали Аляску? Она разве наша была?

— Аляска была наша, ее продало царское правительство Америке...

Мне даже страшно стало: а если бы они продали все, кроме своего дворца, — и Кавказ, и Сибирь, и Север, продали все наши земли и эту вот речку Ниву — не сидеть бы мне сейчас с дядей тут у костра.

— Хорошо, что была Революция, — сказал я. — А то бы они все продали, и я бы не мог ловить здесь форель.

— Еще бы! — сказал дядя. — Конечно, прекрасно! Прекрасно, что была Революция! Ты что думаешь — большевики Революцию из пальца высосали, что ли?

— Как из пальца?

— А так: решили вдруг сделать Революцию просто так, да?

— Да нет...

— В том-то и дело, что нет! — крикнул дядя. — Идея Революции носилась в воздухе, и надо было эту идею подхватить и осуществить. И большевики это сделали. Потому что Россия наша докатилась до полного позора. До полнейшего! Лучшие умы в тюрьмах, народ в рабстве, на землях хозяйничают иностранцы, а в верхах полный маразм!

— Какой маразм?

— Вырождение! — крикнул дядя.

— Гемофилия?

— Хуже! Тупость, глупость, взяточничество, религиозное мракобесие и юродство. Чего они только не делали!

— А что они делали?

— Говорить много, а слушать нечего, — вставил Порфирий.

— Ты слышал сейчас стихи, — сказал дядя. — Там описаны министры царя: Шут, Палач, Разбойник, Мот, Графоман и Обормот. Так? Ты думаешь, это все для красного словца, что ли, сказано? Для рифмы?

— Ничего я не думаю...

— Напрасно не думаешь! Надо думать! Ибо так все оно и было! Один, например, «Министр-лирик» был — так его при дворе прозвали. Сидит весь день в полутемной комнате —

★★★

канарейку слушает. Ему бумаги на подпись несут или о чем важном доложить хотят, а он отмахивается: «Подождите, — говорит, — некогда мне, канареечка вон как поет, слышите?» — и плачет... Ему говорят: «Ваше превосходительство! Хлеба нет, народ бунтует!» А он: «Осеним себя крестным знамением. Расстроила меня нынче канарейка, после зайдите!»

Или министр «Не все дома» — тоже так прозвали при дворе, там всем клички давали. Перед тем, как решение принять, этот министр на картах гадал по ночам или духов вызывал. Ему говорят: «Ваше превосходительство! Так, мол, и так-то! Дело, мол, плохо!» А он: «Ах! — говорит. — Ах! Голова у меня нынче что-то тяжелее ног. Я сейчас о дочери гадаю с хиромантом — за кого ей замуж выйти. Уж не мешайте, пожалуйста! Пусть будет, как будет».

— Ясно... А почему... — начал было я.

— А потому, что «почему» кончается на «у»! — сказал дядя. — Устал я. Если хочешь — полежи и подумай, почему «почему» на «у» кончается. Если не додумаешься, завтра спросишь...

НОВЕЛЛА О ПОРАЖЕНИИ

Струи пота текли по моей голове, как реки по земному шару. Я даже слышал, как они шумели. Они низвергались по склону лба в озера глаз, расплывались по долинам щек и омывали хребет носа, срываясь с него, как водопад.

А все потому, что мы решили плыть на плоту вниз по реке Ниве — в гости к Порфирию. Порфирий жил в устье Нивы, у Белого моря, на окраине Кандалакши. Но чтобы построить плот, надо было спуститься пешком по реке километров на десять, туда, где река поспокойнее и поглубже. Надо было спуститься ниже по берегу, и не по самому берегу, а в стороне — через сопки — возле воды пройти было нельзя, там тянулись отвесные скалы. Поэтому нам и пришлось пробираться через сопки.

Целый день карабкался я вверх и вверх по склону, и солнце светило мне то в спину, то в грудь, и было жарко и душно, а я был весь мокрый. Когда я снимал на коротких привалах свой тяжелый рюкзак и садился на какой-нибудь камень или на кочку и отдыхал, только тогда я чувствовал слабое дыхание ветра, который казался прохладным, потому что сам я был раскаленным и на этом ветерке я остывал и обсыхал, а мой рюкзак оставался мокрым, совершенно мокрым в той части, которая касалась моей спины, даже вещи в этой части рюкзака промокли насквозь — альбом для рисования и сложенные вдоль него рубашки — как будто рюкзак тоже вспотел.

Отдохнув минут десять, я снова взваливал на себя мокрый холодный рюкзак и опять начинал медленно шагать вверх по склону, как автомат, вслед за Порфирием, дядей и Чангом — вверх по склону, которому не было конца. И опять на моей голове рождались щекочущие роднички, которые весело стекали по мне в рюкзак и дальше — в сапоги.

Иногда мне казалось, что я больше не потею — реки вдруг иссякали — но это длилось недолго, через некоторое время они опять щекотали мне затылок, виски, и нос, и спину между лопаток. Так было уже несколько раз.

Дядя сказал, что так и должно быть, что с меня *должно сойти десять потов!* Вот когда сойдет десять потов, тогда я войду в норму, весь внутренне подсохну, стану легким и полечу с тяжелым рюкзаком за плечами, как на крыльях.

Но пока у меня не было никаких крыльев, во всяком случае, я их не чувствовал, ни о каком полете не могло быть и речи — я полз, как черепаха или как улитка; со стороны я, наверное, очень похож был на улитку, потому что рюкзак торчал на мне, как улиткин домик. В общем-то, мы действительно путешествовали по улиточному принципу, таща на себе свой домик — палатку. Правда, Порфирий, дядя и Чанг вовсе не были похожи на улиток — они двигались удивительно быстро, а уж Чанг и вовсе не был похож ни на улитку, ни на черепаху, потому что даже здесь, на крутом склоне, умудрялся носиться вверх и вниз как угорелый, высунув длинный язык, с которого капала слюна.

Между прочим: вы знаете, почему Чанг высунул язык, почему собаки вообще высовывают язык, когда им жарко? — *потому что они не потеют.* Собаки никогда не потеют, и никакие ручьи по ним не бегут, лишняя влага испаряется у них через рот. Я тоже хотел бы показать язык этому крутому склону, как Чанг, да еще иметь четыре ноги, чтобы легко бегать по горам, но об этом я мог только мечтать. А Чанг легко бежал вперед то рядом со мной — я шел сзади, то рядом с дядей, то рядом с Порфирием, который шел впереди, то опять возвращался, сбегая вниз мимо дяди ко мне, а потом опять бежал вверх к Порфирию:

он даже лаял на нас, когда мы слишком растягивались по тропе, потому что хотел, чтобы мы шли рядом, о чем-нибудь разговаривая. Он это любил. Но дело в том, что здесь была не улица Горького, не асфальт, и даже не деревянный тротуар Кандалакши или Онеги — здесь были предгорья Хибин. Для Чанга это не имело значения, а для нас имело значение, особенно для меня.

Коленки у меня дрожали и ноги подкашивались, иногда мне казалось, что я больше не могу ступить ни шагу, что я сейчас сяду и буду сидеть — сидеть — сидеть, но мне было стыдно перед дядей и Порфирием, и я делал еще одно усилие, и опять шагал, наметив себе впереди какую-нибудь точку, предел, а там опять делал усилие — и так без конца!

Много уже было этих усилий, и каждый раз это было *последнее усилие,* но потом оказывалось, что оно вовсе не последнее, что я еще способен двигаться.

Мы шли по *естественной тропе,* по шумному веселому ручью, как по бесконечной извилистой лестнице, потому что ручей бежал вниз по камням, как по ступенькам, а мы поднимались по этим ступенькам вверх. Под ногами весело гремела вода, омывая каждый мой шаг, мокрые сапоги блестели, подошвы стали склизкими, и покрытые зеленой плесенью камни тоже были склизкими, и поэтому надо было все время напрягать ноги, чтобы не поскользнуться.

По обе стороны ручья лохматился сумрачный северный лес, устланный мохом и заваленный палыми деревьями, а наша тропа убегала вверх светлой линией. Она была пуста, потому что я сильно отстал...

Взглянув вверх, я поскользнулся, ноги мои задрожали, и я чуть было не упал. Стоя, я достал из кармана свисток и пронзительно свистнул. У каждого из нас был в кармане свисток, чтобы подавать сигналы, потому что голос не так хорошо слышен, как пронзительная трель свистка. Я услышал далеко впереди ответный свисток и стал ждать, прислонясь к камню. Я чувствовал, что не смогу больше сделать никакого усилия.

Вверху на тропе показался Чанг, а за ним дядя, — дядя был без рюкзака — они бегом спустились ко мне, прыгая с камня на камень.

Когда я их увидел, мне вдруг стало мучительно стыдно, что я свистнул. «Надо было сделать еще усилие, — подумал я про себя. — Может быть, скоро привал». Я уже давно думал, что скоро привал.

— Ну, что — поражение? — спросил дядя, подбегая ко мне.

У него был очень веселый вид. И у Чанга тоже.

— Ничего не поражение, — сказал я. — Я просто свистнул, чтобы узнать, где вы.

— Ладно уж, — сказал дядя. — Поражение так поражение! Давай рюкзак, — и он протянул руку.

— Да правда же! — сказал я раздраженно. — Я просто так свистнул. Никакого нет поражения!

— Бедное поражение! — сказал дядя. — Никто не хочет быть его родственником. Это всегда так...

И тут я рассердился, оторвал от камня рюкзак и пошел вперед.

— Ого! — воскликнул дядя.

А я молча шел вперед. У меня вдруг неизвестно откуда появилась сила. Чанг сразу побежал вперед к Порфирию, а дядя шел позади меня, что-то там рассуждая о поражении и победе, но я к нему не прислушивался, да и плохо было его слышно: под ногами шумел ручей, и сапоги гремели по камням. Я шел и шел, слушая дядю, шел злой на самого себя и немножко на дядю за его разговоры о поражении, и вдруг я заметил, что реки на моей голове не шумят! Они иссякли!

Голова была сухая — и шея, и грудь, и плечи — весь я высох, еще когда стоял, прислонясь к камню — я больше не потел, только спина у меня была мокрая от рюкзака.

«Наверное, сошло десять потов!» — подумал я. И крылья! За спиной я почувствовал крылья! Я шел теперь совсем по-другому: *шел легко*! Рюкзак уже не так тянул меня книзу, и ноги не дрожали, это было поразительно, вы можете мне не поверить, но это было именно так: я летел, как на крыльях.

— Гром Победы раздавайся!
Веселися, храбрый росс! —

пропел дядя.

Я оглянулся и увидел солнце: оно стояло вровень с дядиной головой, просвечивая сквозь березы и сосны, ярко-красное, с ровными краями — незакатное солнце.

— Солнце! — крикнул я, не прерывая движения. — Красота!

— Полночь! — сказал дядя.

Я опять посмотрел вперед — ручей поворачивал здесь направо — и я повернул по нему направо, обогнув скалу, из-под которой вытекал ручей, и вышел на открытое место.

Лес тут кончался, и склон кончался, была голая лысина сопки, и с нее открывались синие горы, покрытые снегом, и на фоне этих гор торчал дядин рюкзак и мешок Порфирия, и сидел на камне сам Порфирий, освещенный солнцем. Свет солнца был серебряный, рассеянный, без теней, несмотря на то, что само солнце было красным, и в этом рассеянном свете четко сверкал каждый камень на рыжей лысине сопки, и каждый вересовый кустик, и огромный резкий силуэт Порфирия, и синие с белыми прожилками снега горы вдали на фоне ярко-зеленого неба.

Я быстро преодолел последние несколько метров и скинул свой рюкзак на землю; освободившись от него, я почувствовал, что падаю вперед. Потом я с наслаждением растянулся на земле, положив гудящие ноги на камень, как советовал дядя, чтобы кровь от них отливала.

Дядя подошел и сел рядом с Порфирием на камень. Они, конечно, сразу закурили. А мне дядя достал из кармана конфетку, и я засунул ее в рот и стал сосать, не раскусывая. Чангу дядя тоже дал конфетку, но он ее сразу проглотил, громко щелкнув челюстями.

— Здесь будет привал? — спросил я.

— Это зависит от некоторых людей, — сказал дядя.

— От каких «некото́рых»?

— От *некоторых*, — повторил дядя, и я сразу понял, что эти некоторые люди — я, в единственном числе.

— Мне что! Я могу идти еще! — сказал я. — Мне стало легко.

— Поздравляю с десятым по́том! — сказал дядя.

— Полночи ходу — и мы на реке, — сказал Порфирий.

Дело в том, что нас вел Порфирий, вел без всякой карты, по одному ему известным тропам, даже без компаса — к реке Ниве, от которой мы ушли и к которой должны были опять прийти.

— Будем идти, если ты не возражаешь, — сказал дядя. — А днем поспим.

— Мне что! — повторил я.

Это я сказал так, *нарочно*, потому что я, конечно, устал, но я не мог сказать иначе, потому что чувствовал, что надо идти, иначе просто нельзя, это видно было по Порфириеву лицу, которое было совершенно бесстрастным и свежим, как будто он вовсе не прошагал только что вверх по склону, а сидел где-нибудь в избе, распивая чаи. Поэтому я и сказал «мне что» — глядя на Порфирия, — к тому же мне стало действительно легче.

— Жирок скинешь маненько, полегшает, — сказал Порфирий.

— А где Нива? — спросил я.

— Там, — кивнул Порфирий вниз под сопку.

Я приподнялся и увидел внизу белую полоску застывшей реки.

— Здорово вы так идете, — сказал я. — Без карты.

— Пошто она мне, — сказал Порфирий.

— Они же все одинаковые, сопки, — сказал я. — В них можно запутаться.

— Конечно, можно запутаться, если не знаешь, — ответил дядя. — Для тебя всяк хребет на один портрет, а для Порфирия они все раз-

ные. Как для тебя в Москве улицы и площади.

— Да, но...

— Вот что, — сказал дядя. — Пока мы тут отдыхаем, я расскажу вам одну новеллу...

— Про мальчика-медведя? — спросил я.

— Про него после, — сказал дядя. — А сейчас, пока я не забыл, я расскажу вам новеллу в стихах, которая называется «Стихи о Поражении». Название скучноватое, но стихи стоят того, чтобы их послушать...

СТИХИ О ПОРАЖЕНИИ

Как-то ночью, в лесном окружении,
Где колеблются светляки,
Родилось дитя — Поражение —
Дочка Страха и дочь Тоски.
Длинноноса, черна, худа,
И глаза глядят в никуда:
Как у Страха, они велики
И бесцветны, как у Тоски.
Говорит сквозь слезы Тоска:
— Жизнь и так у нас не сладка.
Не хватало нам Поражения.
Как нам выйти из положения?
Дальний гром загремел в горах.
Задрожал над ребенком Страх:
— Ни кола ни двора у нас,
Век скрипим зубами о корку!
Вот Победа бы родилась!
В Поражении же — что толку?
Недвижим туман над рекой.
Громко совы в лесу аукают.
Белый Страх с зеленой Тоской
В камышах ребенка баюкают,
И никак их не различишь —
Бел туман, да зелен камыш.
Говорит жене своей Страх:
Не держи дитя на руках!
Положи его на дороге,
Дай бог ноги нам!
Дай бог ноги!
И Тоска в ответ: — Так и быть!
Поражение надо сбыть...
Утром иней земли коснулся,
Сиротой ребенок проснулся.
Громко маму зовет и плачет,
Не поймет, что все это значит.
Призадумалось Поражение,
Вдаль взглянуло без выражения:
— Я такого не ожидало! —
Посидело оно, порыдало,
Но что без толку горевать —
Надо родственников искать!
Погрозило вдаль кулачком
Да потопало босичком...
Так с тех пор оно ходит мрачное,
Ищет всюду отца и мать.
Как увидит где неудачников —
Так и кинется обнимать.
Если где-нибудь плач заслышит
Или где-то кого-то бьют —
Поражение тут как тут,
У порога стоит, не дышит:
Мол, не вы ли мои родители?
Приютить меня не хотите ли?
Как заглянет куда в избу —
Все надежды летят в трубу!
А посмотрит взглядом раскосым —
Так любого оставит с носом!
Ну и гонят все Поражение,
Никакого к нему уважения!
Много лет оно ищет родителей,
Мать свою да отца своего.
У Победы друзья — победители,

☆★☆★★★

Ум и Смелость ее родители,
Пораженье — всегда одно!
Так и бродит оно по свету
И нигде ему счастья нету!

— Ну, как? — спросил дядя, окончив читать.

— Неплохо, — сказал я. — Только немножко старомодно. И вообще — басня...

— Почему старомодно? — обиделся дядя.

— Сейчас так не пишут, — сказал я. — Герои какие-то придуманные... Страх, Тоска... А потом — поражение бывает и от усталости!

— Ну, это ты брось, — сказал дядя. — От какой там усталости. Главное — не трусить и не падать духом — вот о чем стихи. И есть тут еще одна мысль: о том, что люди не любят признавать свое Поражение. Никто не хочет быть отцом Поражения. Всяк на другого сваливает или на обстоятельства. Все лезут в родственники к Победе. Вот о чем стихи. Ты просто не понял...

— Я понял. Только сейчас так не пишут. Стихи, наверное, написал какой-нибудь древний поэт? Кто их написал?

— Один человек, — нахмурился дядя.

— Опять один человек! Почему ты не скажешь — кто?

— Потому что он не был поэтом, — сказал дядя. — Да и фамилию я забыл...

Дядя замолчал и стал смотреть вдаль. Я тоже посмотрел вдаль.

Там внизу лохматился лес во все стороны до самого горизонта, на западе он был ограничен синими и белыми вершинами Хибин, а на северо-востоке выпуклой дымной полосой лежало море. Между сопками светились капли озер, а прямо под нами бежала извилистая Нива, бежала в неслышном грохоте: там внизу пороги ревели и пенились, а отсюда они казались немыми и застывшими, как остановившиеся мгновения. Мгновений этих было много, по ним мы должны были скоро поплыть на плоту, и я смотрел на них и думал — как мы по ним поплывем?

МЕДВЕДЬ-АРТИСТ

Пока дядя с Порфирием ставили палатку, я спустился с обрыва к реке и тут же, не сходя с места, поймал четыре крупных форели. Я поймал их под камнем, где течение разбивается на две струи, а потом опять сливается в одну, поймал подряд всех четырех, и клевать сразу перестало. Тогда я поднялся наверх.

Я положил форель на траву возле костра. Она блестела всеми цветами, вздрагивая на веревке, продетой сквозь жабры. Спины рыб были синеватыми, а животы золотистыми. На чешуе сверкали разноцветные точки — голубые, красные, черные...

Порфирий отодвинул в сторону пылающий костер и разрыл угли. Он стукнул каждую рыбу рукояткой ножа по голове — рыбы вздрогнули и заснули. Чистить их Порфирий не стал: он положил их, как есть, на обгоревшую землю, присыпав сверху потемневшими углями.

— А теперь пей чай и слушай, — сказал дядя. — Я прошу внимания!

— Про мальчика-медведя?

Дядя кивнул, посапывая вспыхивающей трубкой.

Порфирий молча развешивал на бревне у огня наши мокрые портянки, и штаны, и рубахи, и мне было неудобно, что это опять делает Порфирий, а не я, но дядя не замечал этого, углубленный в себя, и я тоже сделал вид, что не замечаю. Я сидел, скрестив ноги, и, дуя в кружку на дымящийся чай, прихлебывал его маленькими глоточками. Чанг лежал на траве и смотрел на дядю круглыми коричневыми глазами, он чуть повернул голову набок и положил ее на передние лапы.

— К мальчику-медведю так и приклеилась кличка Потапыч, — начал дядя. — Эта кличка потом еще долго сопровождала его в жизни, даже тогда, когда вся эта жизнь совершенно переменилась, а сам он стал совсем другим человеком. А пока он был просто Потапычем Маленьким — молочным братом Потапыча Большого.

Медведь так и остался жить в семье смотрителя. Летом он спал во дворе, а зимой в сенях. Поэтому сени в доме смотрителя назывались «берлогой». Когда в эту берлогу входили посторонние, ничего не знавшие о медведе, они в ужасе пятились к дверям, завидя в углу встающего на задние лапы зверя... Но медведь был добрейшим существом, и те, кто его знали, просто совали ему в пасть кусочек постного сахара, или яблоко, или пряник — и шли в дом.

Но особенно привязался медведь к мальчику — два Потапыча почти никогда не расставались, особенно летом. С утра до вечера пропадали они в лесу или на реке — охотились за птичьими яйцами или за диким медом, лазая по деревьям, или выслеживали каких-либо зверюшек, или просто ловили по-медвежьи рыбу...

— Как «по-медвежьи»? — спросил я.

— Обыкновенно! — сказал дядя. — Они занимались этим под руководством Потапыча Большого: находили в реке у берега две ямы, одну ниже другой. Потапыч Маленький залезал в верхнюю яму и мутил в ней воду, ныряя на дно — мутная вода текла вниз. Тогда Потапыч Большой с ревом плюхался в яму пониже — рыба в ужасе кидалась вверх по течению, и тут-то Потапычи гнали ее, рыба сбивалась в мутной воде с дороги и выскакивала на берег. Потапычи всегда были с хорошим уловом.

— А по-человечески они не ловили? — спросил я.

— Доннерветтер! Не лезь поперед батьки в пекло! Ловили и по-человечески. А еще они ловили рыбу бочками... В закрытой со всех сторон бочке прорезалась дыра — в крышке. В бочку насыпали крошки хлеба или пшенную кашу. Потапыч Большой брал эту бочку на плечо, относил ее к реке и клал где-нибудь на дне, в яме... Через полчаса бочка бывала полна рыбы! Тогда медведь вытаскивал ее из реки, сливал воду и тащил полную, закупоренную бочку рыбы домой. Оставалось только насыпать соли, перетрясти бочку — и готова закуска! Этому научил медведя Потапыч Маленький. Как, впрочем, и многому другому...

— Чему другому? — нетерпеливо спросил я, пока дядя раскуривал головешкой свою трубку.

— Они многому научили друг друга, — сказал дядя. — Любому из них эта дружба пошла на пользу. Не так, как это бывает у некоторых. Потапыч Большой научил, например, мальчика находить в земле сладкие съедобные корни. А мальчик научил медведя высвобождаться из капканов.

У этих двух столь разных Потапычей было много общего, недаром они передавали друг другу свой жизненный опыт.

Старый смотритель тоже любил Большого Потапыча. Иногда смотритель запрягал лошадь, и оба Потапыча отправлялись в город, на базар. Успех они имели потрясающий!

Они весело подкатывали к базарной площади. Медведь, сидя в бричке, важно поднимал лапу, приветствуя шумную толпу, и кивал всем лобастой башкой. Они слезали с брички. Потапыч Маленький привязывал лошадь к коновязи и задавал ей овса. Потапыч Большой брал в лапы большую корзину, и они шли по рядам, накупая и складывая в нее все, что им было наказано дома. Их встречали шутками и смехом, наперебой зазывая к себе и задаривая всякой всячиной. Все их любили. Ну, и они в долгу не оставались — давали на площади представления. Народу на эти представления собиралось уйма! Особенно во время ярмарки. Толпа образовывала широкий круг, в середине этого круга выступали Потапычи. Главным артистом был Потапыч Большой. Он показывал разные шутки, популярные в те времена. Например: «Как баба белье полоскала».

Мальчик повязывал медведю платок на голову и наряжал его в юбку. Медведь делал вид, что подходит с бельем к реке, уморительно виляя задом. Он искал у воды укромное место, задирал подол, присев на корточки, чтобы не замочить в реке юбку, и начинал полоскать белье, отжимая и складывая его в корзину. И хотя в лапах у него ничего не было, но создавалось впечатление, что баба полощет белье.

Или еще такую шутку: «Как пьяный городовой за горничной ухаживает».

Пьяного городового изображал Потапыч Большой, а горничную — Потапыч Маленький. Потапыч Большой, подбоченившись, крутил воображаемые усы и кланялся горничной. Он пытался ее обнять и поцеловать ей руку, но вдруг пьяно спотыкался и падал, и плакал пьяными слезами, сидя на земле, и обхватывал голову руками, а потом тут же засыпал, оглашая всю площадь могучим храпом.

Потапыч Большой был замечательным мимическим артистом — все сцены выполнял он с потрясающей убедительностью, он был реалистом, черт возьми! — воскликнул дядя. — Его баба была именно бабой, а городовой — городовым! И вместе с тем перед зрителями был медведь, со всеми своими звериными повадками и ухватками, и этот контраст между изображаемым и изобразителем был настолько комичен, что все, бывшие на площади, чуть с ума не сходили от смеха! С некоторыми даже случались судороги — такой это был артист!

В конце представления два Потапыча лихо отплясывали русскую или комаринскую...

Один раз в жаркий солнечный день представление было в разгаре. Потапыч Маленький стоял в середине огромного круга толпы, наряженный горничной. На нем был белый ситцевый платочек, белая кофта и юбка. Левой рукой он поддерживал локоть правой, а пальцами правой упирался в подбородок, кокетливо опустив глаза. Вокруг него увивался Потапыч Большой. Он был подпоясан широким ремнем, на котором болталась деревянная сабля, на голове торчала бумажная фуражка, а на лохматой медвежьей груди висели на ниточках прикрепленные к шерсти огромные бляхи, вырезанные из серебряной бумаги. Городовой — Потапыч Большой — восторженно ревел, пытаясь облапить горничную, и приплясывал на месте. Иногда он отдавал горничной честь,

качаясь как маятник... Он был вдребезги пьян!

Толпа хохотала... Вдруг раздался оглушительный свисток. Круг людей разомкнулся, и на площадь вышел настоящий городовой, усатый и краснорожий, и, придерживая на боку свою саблю, засеменил, пузом вперед, на середину круга, к артистам.

Артисты его не видели, поглощенные игрой. Толпа смущенно притихла. Настоящий городовой налетел сзади пузом на Потапыча Маленького и закричал, размахивая руками: «Прекратить! Остановить!» Он брызгал слюной и трясся с головы до ног.

Потапыч Маленький испуганно попятился, срывая с головы платок, а Потапыч Большой развел лапы, как будто хотел обнять городового, оглушительно зарычал и пошел прямо на блюстителя порядка. Они были так похожи, что толпа восторженно заревела. Потапыч Большой, наверное, подумал, что явился новый артист. Во всяком случае, он был в полном восторге — он хотел облобызать городового. Но городовой-то не был в восторге! Он был в бешенстве! К тому же он страшно испугался — он отступил на шаг, пытаясь выхватить саблю из ножен. Тогда Потапыч Маленький громко заплакал, кинулся к медведю и повис у него на шее. Круг зрителей дрогнул и через секунду мужики бросились вперед. Одни окружили двух Потапычей, другие городового, тесня их в разные стороны. Чуть не произошла свалка. Медведь ревел, мальчик плакал, городовой свистел, толпа улюлюкала...

Когда все немножко успокоились, городовой заявил, что застрелит медведя на месте, если два Потапыча немедленно не отправятся с ним в полицию. Делать было нечего. Необычная процессия двинулась в полицейский участок.

Впереди шествовали арестованные артисты. За ними грозно шел городовой, с саблей наголо, а позади двигалась огромная пестрая толпа, крича, смеясь и бурно жестикулируя...

Дядя замолчал, обжигая меня веселыми глазами. Порфирий улыбался, с нежностью глядя на дядю.

— Ну! Рассказывай! — крикнул я. — Что было дальше?

— *Этвас*! — подмигнул дядя. — Здесь мы прервем.

— Опять! — рассердился я.

— Мы забыли про форель, — сказал дядя. — Она давно уже испеклась...

МЕЖДУ ДЕЛОМ

Наконец плот был готов. Он лежал на десяти очищенных березках, положенных перпендикулярно к берегу, у самого края обрыва, готовый к спуску. И все мы были готовы к спуску.

Пока мы строили плот, мы успели поймать много рыбы — поймать ее запросто, *между делом*. Таким образом мы обеспечили себя провиантом, да еще каким: семгой и форелью. Форель мы варили, пекли и жарили, а семгу в основном солили.

Продукты у нас уже подходили к концу, а до цели было еще далеко. Теперь вы понимаете, что это было очень важно — наловить и насолить побольше рыбы. И мы ее наловили и насолили — но как! — *между делом*. Потому что в основном мы строили плот.

Между прочим, должен вам сказать, что самые важные дела люди часто делают между делом. И делают не как-нибудь, а отлично! В этом-то ценность настоящих людей. Люди, например, ездят в трамваях, автобусах и метро, и даже в электричках, стоят в очередях в магазинах, кино и прачечных, и в разных там присутственных местах, убирают квартиры, готовят обеды, стирают, штопают носки, и на все это уходит страшно много времени, хотя ведь не это главное в жизни! Главное в жизни — это любимая работа, которой ты отдаешь всю душу и все помыслы. А как раз на нее — как это ни странно! — времени остается в обрез. Она-то нередко и делается *между делом*, между разными там очередями и уборками квартир. А плохо-то ее делать нельзя, ее надо делать отлично, свою любимую работу, потому что она — главное в жизни, для нее ты живешь, ее нельзя делать спустя рукава! Так вот, дорогие мои, именно те люди, которые успевают *делать свое главное дело между делом* — те и есть настоящие люди, и их большинство! Я не говорю о разных там выскочках, у которых много свободного времени, а настоящего дела нет, я говорю о настоящих людях, на которых стоит мир! Мир-то стоит не на семи слонах, как думали когда-то, и вовсе не́ на китах — а на настоящих людях, которые делают главное между делом. Вот так-то! Учтите, что эти важные мысли я вам тоже говорю между делом, а теперь пойдем дальше...

Итак, плот был готов. По команде Порфирия вооружились мы в а г а м и — длинными палками толщиной в руку — и встали вдоль плота, лицом к реке.

— Подваживай, — тихо приказал Порфирий.

Мы уперли ваги острыми концами в землю под бортом плота и, приподнимая их, стали спихивать плот с обрыва.

— Раз-два! — командовал Порфирий.

Плот рывками двигался к реке...

— Раз-два!

Плот навис над обрывом...

★★★

— Раз-два!

Плот перевалился через край на березки, приставленные к берегу, и заскользил по ним вниз, как по рельсам... Он с шумом врезался в воду, а потом лег на поверхность, покачиваясь на волнах.

— Ура! — закричал я в восторге. — Ур-ра!

«И в воздух чепчики бросали», — пронеслось у меня в голове, хотя никаких чепчиков у нас не было. Мы бросали их мысленно.

Плот медленно поворачивался в бухте, величественный, широкий, с заостренным носом, средние бревна немного выдавались вперед. На носу и на корме плота возвышались подгребицы, п-образные стойки из толстых бревен, врезанные в палубу. На верхней перекладине каждой подгребицы в углублениях лежали длинные весла, уходя в воду с носа и с кормы; двигая веслами, мы будем управлять плотом, когда его понесет по реке.

Мы подтянули плот к берегу за длинный канат, привязанный к носовой подгребице, обмотали канат вокруг пня и стащили на плот вещи.

Потом мы разделись — потому что было жарко — и остались в одних трусах, не обращая внимания на комаров: пусть жалят! Сейчас мы поплывем, а комары останутся.

Первыми взошли на плот Порфирий и дядя и встали у весел — на носу и на корме. Порфирий был капитаном, а дядя первым помощником. Я был вторым помощником, а Чанг матросом. Он стоял на берегу. Я тоже еще стоял на берегу.

— Отдать концы! — скомандовал Порфирий.

— Есть отдать концы! — крикнул я.

Я отвязал канат, сложил его витком к витку и передал моток Чангу. Чанг взял моток в зубы.

Плот уже отходил от берега, поэтому я действовал быстро.

— Греби влево! — скомандовал Порфирий дяде.

Я влез в воду и взобрался на плот. Канат в зубах Чанга натянулся.

— Чанг! Отдать концы и ко мне! — крикнул я.

Чанг прыгнул и поплыл к плоту, с канатом в зубах.

ПОТАПЫЧ НА ФРОНТЕ

Порфирий и дядя, стоя на веслах, выгнали плот на середину реки. Комаров сдуло ветром. Плот весело побежал вперед. Очертания берегов, залитых солнцем, все еремя менялись.

Я сидел верхом на кормовой подгребице, рядом с дядей, который стоял, положив руки на весло. Порфирий стоял на носу. Чанг сидел посередине плота, глядя по сторонам. Я тоже глядел по сторонам, наконец-то мы отдыхали!

— Теперь можно и закурить, — сказал Порфирий, — пороги еще далеко.

— И можно заняться философией, — сказал дядя...

— И историей! — сказал я. — Расскажи-ка нам о Потапычах.

— Идет! — сказал дядя.

— Они встречались все реже и реже, — начал дядя. — Потапыч Большой ушел в лесную жизнь, а Потапыч Маленький с помощью князя Шервашидзе поступил в гимназию и переехал с семьей в город. Потому что смотритель вышел на пенсию. Он был уже стар и болен. Разлука с сыном, когда тот жил в медвежьей семье, сильно повлияла на его здоровье. По бедности смотрителя освободили от платы за обучение сына. Князь выхлопотал ему свидетельство... между прочим, могу прочесть его наизусть, чтобы ты наконец понял, что все это не сказки...

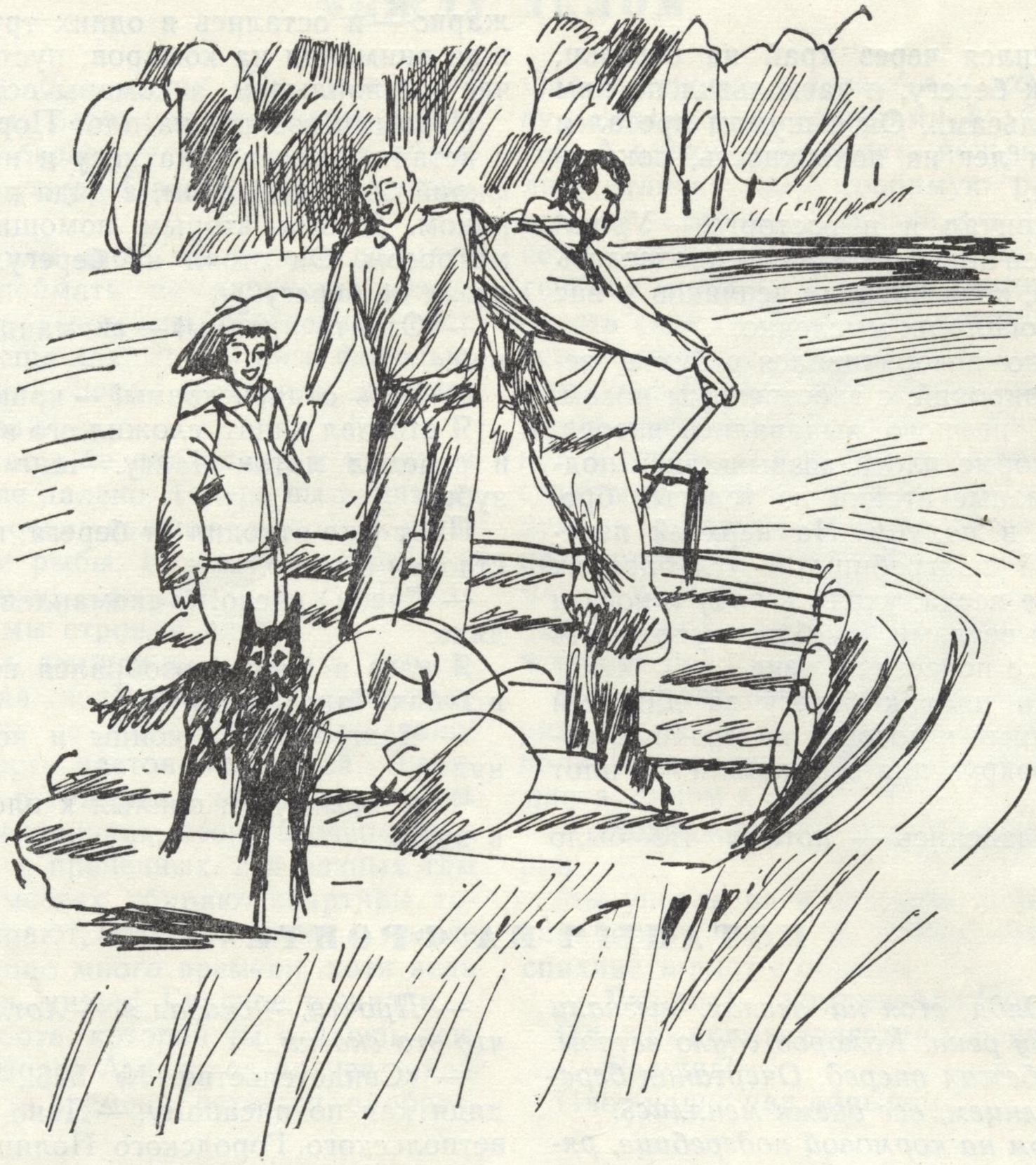
— Прочти, — сказал я. — Хотя я и не думал, что это сказки...

— «Свидетельство № 526!, — забарабанил дядя как по писаному. — Дано сие из Елисаветпольского Городского Полицейского Управления. Отставному Начальнику Чамборского почтового отделения, — тут дядя кашлянул и запнулся, — ...живущему в городе Елисаветполе 1-й части по Якобсоновской улице, дом Хасмамедова, для представления в Елисаветпольскую гимназию, на предмет освобождения от уплаты за право учения сына его... — тут дядя опять запнулся, — ...в том, что, как видно из донесения пристава 1-й части города Елисаветполя от 10 апреля сего года за № 3628, проситель имеет от роду 57 лет, жену Татьяну 57 лет и двоих детей, из коих младший сын учится в Елисаветпольской гимназии, имущества же проситель никакого не имеет и существует на получаемую пенсию — 15 рублей в месяц — и дневные заработки. Апреля 10 дня 1900 года. Полицмейстер: Климов. Письмоводитель: Шитов».

— Как ты мог запомнить это свидетельство? — спросил я.

— Память! — сказал дядя. — Мало ли какие мне приходилось запоминать бумаги! Даже такие, которые нельзя было переписывать!

— Почему нельзя было их переписывать?

— Потому что прошу не перебивать! — сердито сказал дядя.

Порфирий загадочно улыбнулся.

«Вот это память!» — подумал я.

— Вначале Потапыч приносил домой одни пятерки, — продолжал дядя. — Да иначе и нельзя было: беднякам спуску не давали! Чуть что — и вылетишь из гимназии! Но под конец он все же вылетел. В тот год Потапыч посещал последний класс гимназии. Мальчик с жадностью читал газеты, в которых печатались сообщения с театра военных действий. Русско-японская война занимала умы всех. Газеты были полны рисунков, изображавших разные идиотские подвиги на фронте. Например: одинокий казак, отбивающийся от целого полка японцев! Казак размахивает штыком, а вокруг целые кучи японских трупов! Этот шовинистический бред покорил многих. Никто еще не знал о грядущем Поражении, но крики Поражения уже носились в воздухе вместе с воплями о Победе. Приближалась первая русская революция...

Потапыч часто ходил в гости к князю Шервашидзе. Там он познакомился с молодыми грузинами. Это были веселые люди! По ночам они собирались у князя, пили вино, пели свои бесконечные переливчатые многоголосые песни и о чем-то говорили шепотом. Иногда Потапыч улавливал обрывки фраз, и они поражали его. В них звучали угрозы самодержавию! Я уже говорил тебе, что князь сочувствовал революционерам. Он даже скрывал в своем доме террористов: тех, что кидали бомбы в царских министров и жандармов. У Шервашидзе прятаться было удобно: он был князь и вне подозрений. Вел он себя чрезвычайно хитро. Потапыч смутно догадывался о многом...

Случилось так, что один раз Потапычу дали пачку листовок, чтобы он разбросал их по городу. В листовках был напечатан призыв к демонстрации. Всерьез Потапыча, конечно, не принимали, его считали мальчишкой. Ему просто доверяли, потому что он был свой. Потапыч взял эти бумажки в гимназию и по-

пался! Кто-то из маменькиных сынков случайно заглянул к нему в парту и увидел прокламации... Скандал на весь город. В гимназии обыск, Потапыч в полиции...

— Греби влево! — громко сказал Порфирий. — Впереди камень!

Дядя и Порфирий схватили весла обеими руками и стали загребать влево, широко расставив на плоту ноги.

Я посмотрел вперед. На гладкой поверхности реки завивался бурун, и от него тянулся белесоватый след.

Через несколько мгновений огромный коричневый камень проплыл мимо нас справа по борту. Из воды торчала его мокрая лысина.

— Чуть не задели, — сказал дядя.

— Рассказывай, — сказал я.

— Сутки мальчишку допрашивали в участке, — продолжал дядя. — Он, конечно, отвечал, что ничего не знает, что нашел листовки на улице. На другой день князь пришел в полицию. Его принял сам полицмейстер. «Ваше превосходительство! — сказал князь. — Мальчик глуп как пробка. Вы, очевидно, знаете, что он пробыл долгое время в медвежьей семье?» — «Я слышал об этом от своей жены...» — сказал полицмейстер. — «Он там очень остановился в своем развитии», — сказал князь. — «Успехи в учебе у него, однако, отменные», — улыбнулся полицмейстер. — «Это пристрастие педагогов, — улыбнулся в свою очередь князь. — Мальчишку жалеют». — «Охотно верю, князь, в вашу искренность, — сказал полицмейстер. — Я знаю, что вы его любите. Но, может быть, он и вас обманывает?» — «Я знаю его лучше, нежели самого себя! — сказал князь. — Прокламации попали к нему случайно. Он далек от политики!»

— Отчасти это было верно, — усмехнулся дядя. — В голове Потапыча был еще полный ералаш...

«Я вам верю, ваше сиятельство, — повторил полицмейстер. — Но где доказательства?» — «Доказательство только одно, — схитрил князь. — Мальчик спит и видит во сне войну! Он мечтает отдать свою жизнь за веру, царя и отечество! Согласитесь, что это не вполне нормально в его годы». — «Если это так, князь, — сказал полицмейстер, — все будет в порядке. Я допрошу его сам...»

— Еще влево! — сказал Порфирий.

Впереди опять был бурунчик, даже не бурунчик, а так — светлая с рябью по краям плешь на воде. Это значило, что камень сидит глубоко. Но плот тоже сидел глубоко, и мы могли напороться.

Когда мы миновали опасное место, я вопросительно взглянул на дядю.

— Ну, и отправился наш Потапыч на фронт! — сказал дядя. — Не в тюрьме же сидеть! К тому же парень был храбрый, сильный, и не прочь повидать белый свет! Стрелял он отлично, на лошади сидел, как впаянный. Казак был что надо! Так что шел он на войну без особой грусти. Да и князь о нем позаботился: устроил его ординарцем к знакомому полковнику...

— А он пошел на фронт босиком? — спросил я.

— Почему босиком? — удивился дядя.

— Ты же читал стихи, что все шли на фронт босиком.

— Ну, не все, конечно, — улыбнулся дядя. — Кое-кто был в сапогах. Потапыч был добровольцем, да еще ординарцем при полковнике, так что экипирован он был прилично. Но не в этом дело — босиком или нет! Дело в том, что он сразу попал куда надо и увидел жизнь в ее подлинном свете! С полковником ему тоже повезло: старик был дурак и привязчивый.

Долго ли, коротко ли — но тащились они по Маньчжурии. Стояла пронзительная китайская осень. Дожди, глина, непролазная грязь. Куда хватало глаз — неубранные гаоляновые поля, нищие фанзы китайцев. Солдаты, возглавляемые бездарным полковником, барахтались в этом месиве глины, воды и неизвестности, как жуки в навозе.

Один раз полковник послал своего ординарца в разведку — узнать, далеко ли японцы. Потапыч медленно ехал верхом по гаоляновому полю. Вдруг он остановился пораженный: пересекая гаоляновое поле, протянулись перед ним окопы, залитые водой и переполненные трупами русских солдат. Они лежали грудами в самых странных и неестественных позах, как сваленные кучами дрова на тесных дровяных складах... Внезапно конь под Потапычем всхрапнул, кинувшись в сторону. В то же время на землю посыпался град взвизгивающих пуль и ударил взрыв. На том месте, где конь стоял минуту назад, зияла воронка. Конь помчался во весь дух, не обращая внимания на препятствия. Вдруг он вздрогнул всем телом и, сделав еще несколько скачков, грохнулся о землю.

Когда стрельба прекратилась, Потапыч побежал к полковнику и доложил, что коня убили, а сам он каким-то чудом остался жив. Увидев ординарца живым, полковник заплакал: «Большое тебе спасибо! — перекрестился он. — Ты спас мой полк. Если бы японцы не открыли по тебе огонь, я повел бы полк дальше и был бы разбит!»

Тянулись недели бессмысленной войны. Полковник не отпускал от себя Потапыча ни на шаг. Пули Потапыча берегли. Он проникался все большей ненавистью к войне. Он видел, что люди, не знающие друг друга, никогда не причинявшие друг другу никакого вреда, убивают один другого. Какое дело было Потапычу до японцев? Или японцам до Потапыча? Зачем вся эта кровавая бойня? Вот что мучило юношу! Он искал ответов на эти вопросы. И тут судьба послала ему человека, который ему все объяснил — это был латыш, член РСДРП, и фамилия его была Сайрио...

— Наш Сайрио? — воскликнул я. — Я же знаю Сайрио! Это был дядин друг, старый большевик, он провожал дядю в Испанию, он часто приходил к нам в гости в Москве! «Как тесен мир!» — вспомнилась мне опять бабушкина поговорка.

— Наш Сайрио, — сказал дядя с улыбкой.

— Он тоже знал Потапыча?

— Я же говорю тебе, что судьба послала Потапычу Сайрио на Маньчжурском фронте!

Познакомились они при чрезвычайных обстоятельствах. Сайрио служил рядовым в пехоте. Он был там по заданию партии: агитировал среди солдат против войны. Он был тогда молодым и красивым, — задумчиво сказал дядя...

«А сейчас он лысый, — подумал я. — А дядя не лысый! Но усы у дяди такие же, как у Сайрио».

— А ты с ним познакомился в ссылке? — спросил я, вспомнив рассказ дяди об Онеге.

— Не перебивай!—рассердился дядя.—Сейчас я рассказываю про Потапыча, а не про себя!

Один раз, зимой, полковник с Потапычем отсиживались в полуразрушенной фанзе. За стеной бушевала вьюга. Связи со штабом не было из-за метели и прорыва японцев. Вся фанза была завалена рисовой соломой. Полковник полулежал на топчане. Потапыч топил соломой маленькую железную печку. Вдруг открылась и захлопнулась дверь, впустив клубы белого пара со снегом и троих солдат. Двое держали винтовки с примкнутыми штыками, а третий был без оружия, без шапки и весь избитый. Все трое были запорошены снегом. Конвойные отдали честь полковнику и передали ему какую-то записку. «Ах! — закричал полковник. — Ах!» — Он дважды пробежал записку глазами. «Агитатор! Социалист! Сволочь! — закричал он. — В моем полку!» — и опять упал на топчан. «Потапыч, воды!» — приказал он. Потапыч подал ему стакан воды. Он выпил его залпом, чуть не расплескав. «Водки!» — приказал полковник. Потапыч подал водки. Полковник выпил. Он сразу покраснел как рак. Как вареный рак. «Видишь ты эту птицу, Потапыч?» — отдышавшись, спросил полковник, кивнув на арестованного. «Так точно, вашескородие! Вижу!» — «Это сволочь и предатель. Он возмущает наших доблестных солдат против отечества. Против царя-а! Ясно тебе, кто это такой?» — «Ясно, вашескородие!» — «Сейчас же выгони из соседней фанзы солдат и сиди с ним там! Не спускай с него глаз! Понял?» — «Так точно, вашескородие!» — «Можешь бить его, только не до смерти! — взвизгнул полковник. — Не расставайся с ним ни на минуту!» — «Слушаюсь, вашескородие!» — козырнул Потапыч...

— Внимание! — крикнул Порфирий. — Впереди порог!

— Это был Сайрио? — не выдержал я.

— Сайрио! — сказал дядя, хватая весло и пряча в карман трубку.

— И что Потапыч с ним сделал?

— Ничего он с ним не сделал. Это Сайрио с ним сделал.

— С кем?

— Правее! — крикнул Порфирий.

— С Потапычем, черт возьми, с кем же еще?

— А что он с ним сделал?

— Не «что», а «кого».

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Как «кого?»

Дядя сердито смотрел вперед.

Там, впереди, на реке кипели белые волны...

— Нечего перебивать! — крикнул дядя. — Большевика он из него сделал, вот кого! Пять суток Потапыч охранял арестованного. Потапыч и Сайрио беседовали с глазу на глаз день и ночь...

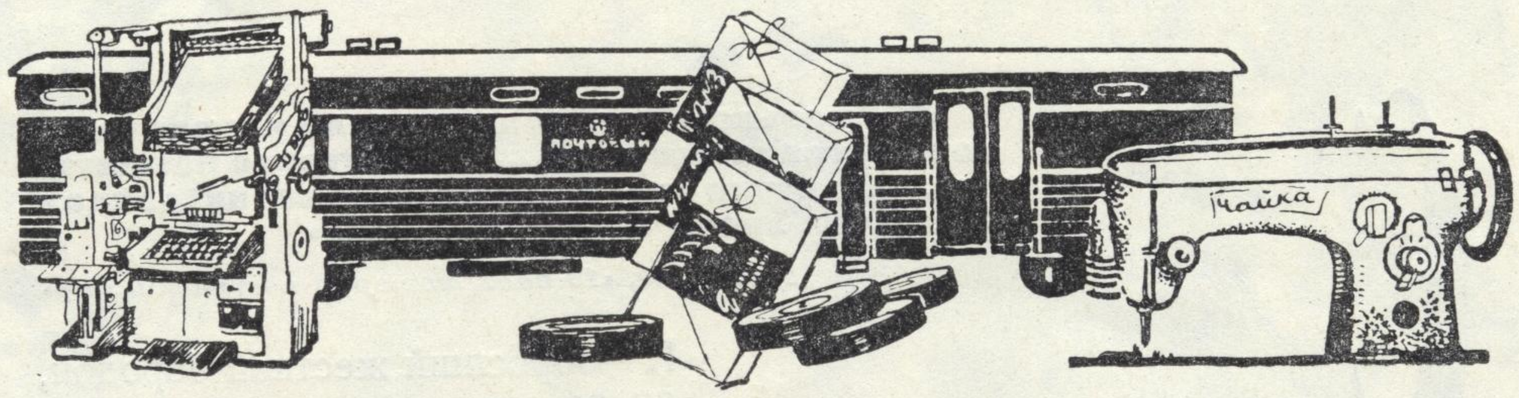
Рев реки все время усиливался, и течение усиливалось, нас все быстрее и быстрее несло на камни, вокруг которых бушевали брызги и пена.

— На пятые сутки, когда за арестантом пришли из штаба дивизии — их след простыл...

— Чей след?

— Сайрио и Потапыча. Полковник велел им не расставаться, они и не расстались...

Окончание следует

САМЫЕ-САМЫЕ ЛУЧШИЕ

Такие изделия готовят предприятия нашей отечественной промышленности. Здесь мы расскажем о некоторых новинках

Птичьего молока, как известно, в природе не существует. Вернее, не существовало до сих пор. Теперь кондитерская фабрика «Рот фронт» уже выпускает конфеты «Птичье молоко».

Секрет приготовления? Пожалуйста! Сбитые яичные белки, сгущенное молоко, сливочное масло, клубничное, черносмородиновое, малиновое варенье, шоколадная глазурь и разные вещества для вкуса и аромата. Конфеты самые вкусные в мире!

Наши фабрики выпускают много красивых тканей. Но одни изменяют после стирки свой цвет, иные лохматятся или садятся, другие выгорают на солнце. Новая, самая лучшая, самая красивая ткань «юбилейная» будет лишена всех этих недостатков — ее подвергают самой суровой обработке — и водой, и огнем, и отбеливанием. И на каждом этапе добиваются только хорошего качества обработки.

Кто знает о том, что некоторые виды консервов должны созреть, прежде чем поступят в продажу? Такие «зреющие» консервы — шпроты в масле — выпускает рижский сардинный завод и ленинградский рыбоконсервный завод «Пищевик». Приготавливают эти консервы из рыбок строго определенной длины. Причем рыбки должны быть пойманы только зимой или осенью: рыба весеннего или летнего улова не так нежна на вкус. Копченые золотисто-желтые или темно-золотистые рыбки в масле — шпроты — признаны лучшими в мире. Им тоже присужден «Знак качества».

Что важно для почтового вагона? Удобства для работы в вагоне персонала, долгий срок службы, безопасность движения, малый вес.

Много труда и выдумки положили рабочие и инженеры вагоностроительного завода имени Егорова для того, чтобы новый почтовый вагон соответствовал лучшим мировым образцам.

Все самое лучшее, что придумали инженеры за 200 лет выпуска домашних швейных машин, учтено при разработке швейной машины «Чайка» класса 115-1. На этой машине можно не только шить шерстяные, льняные, шелковые и хлопчато-бумажные ткани, но и вышивать.

«Чайка красива на вид, работать может надежно и долго. Ей присвоен «Знак отличного качества».

Те изделия, которые будут признаны особой комиссией самыми лучшими, самыми лучшими в мире, как, например, ткань юбилейная и строкоотливные машины Полиграфмаша, получат «Знак качества». Это государственный знак — свидетельство действительно высокого качества изделия, переданного для серийного производства.

Самые лучшие в мире строкоотливные машины производит завод Полиграфмаш. Почему «строкоотливные»? Потому что на такой машине рабочий только «печатает», как на пишущей машинке, нужные слова, а машина уже сама плавит металл и отливает из него целые строчки. Удобно, а главное, быстро и хорошо.

Машина отливает за одну минуту целых 8, а то и 9 строчек по 50 букв в каждой. Значит, такой журнал, как «Костер», она «наберет» всего за 9—10 часов.

«В Смольном у главного входа и у внешних ворот стояли часовые... Комитетские комнаты круглые сутки гудели, как улей, сотни солдат и рабочих спали тут же на полу...»

Джон Рид, «10 дней, которые потрясли мир»

Словно бы свалившись
на ходу,
там, где мимо
сапоги гремят,
в октябре,
в семнадцатом году,
на мгновение заснул солдат.
Спит
вповал с другими на полу,
спит,
пропахший горькою махрой,
подобрав шинельную полу,
спит,
не бог, не царь и не герой.
Заслонясь ладонью от войны,
от всего,
что перевидел он,
спит.
Угрюмо брови сведены.
Оступился,
провалился в сон.
А во сне — на свете тишина,
Рощица весной опушена,
под ногами —
теплая земля,
дышит,
дожидается зерна.
А еще — там зеленеет луг,
светится излучина реки.
А еще — тебя он видит,
друг,
выпускаешь птицу ты с руки.
И бежишь за птицею вослед,
и как будто с нею
с высоты
вдаль на много верст,
на много лет
землю всю
обозреваешь ты...

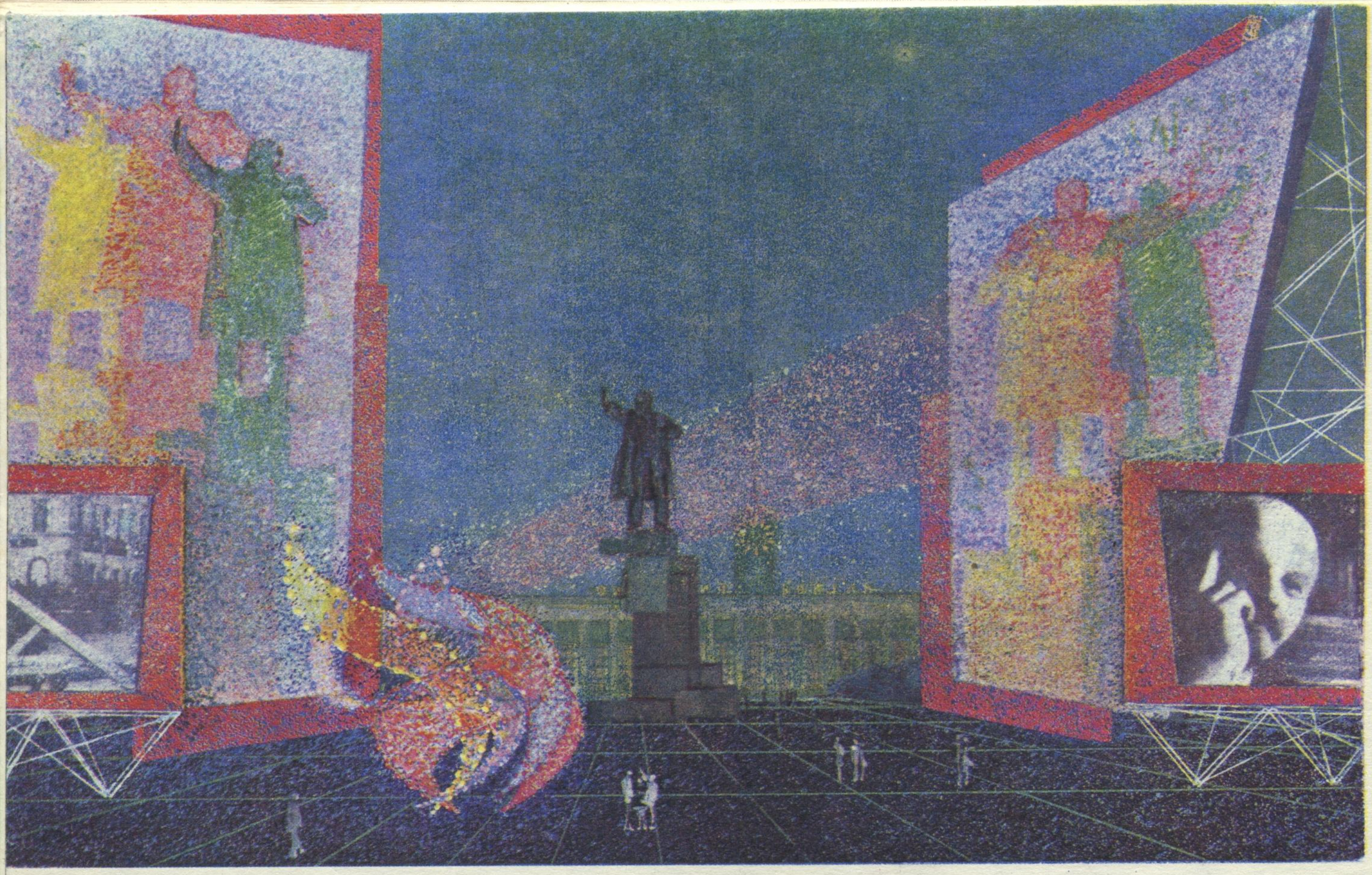
И—обросший жесткой бородой,
он во сне
становится тобой,
легкий,
быстроногий,
молодой,
(только через час ему
на бой!).
Но не долго был он
молодым, —
синеву охватывает дым,
и враги расстреливают сон.
Не окончен,
не досмотрен он.
И встает разбуженный
солдат,
и становится с другими в ряд,
и шагают в полночь,
в темноту.
В октябре,
в семнадцатом году.
Может быть, он повстречает
смерть,
Родину обнимет навсегда.
А над нею жаворонок петь
будет
и далекая звезда
будет плыть...
Зазеленеет луг,
выстелет щекотную траву,
что к тебе притронется,
мой друг,
не во сне уже,
а наяву.
И земле — конца и края нет,
за волной волна — идут поля.
А на небе
оставляет след
птица —
реактивная —
твоя.

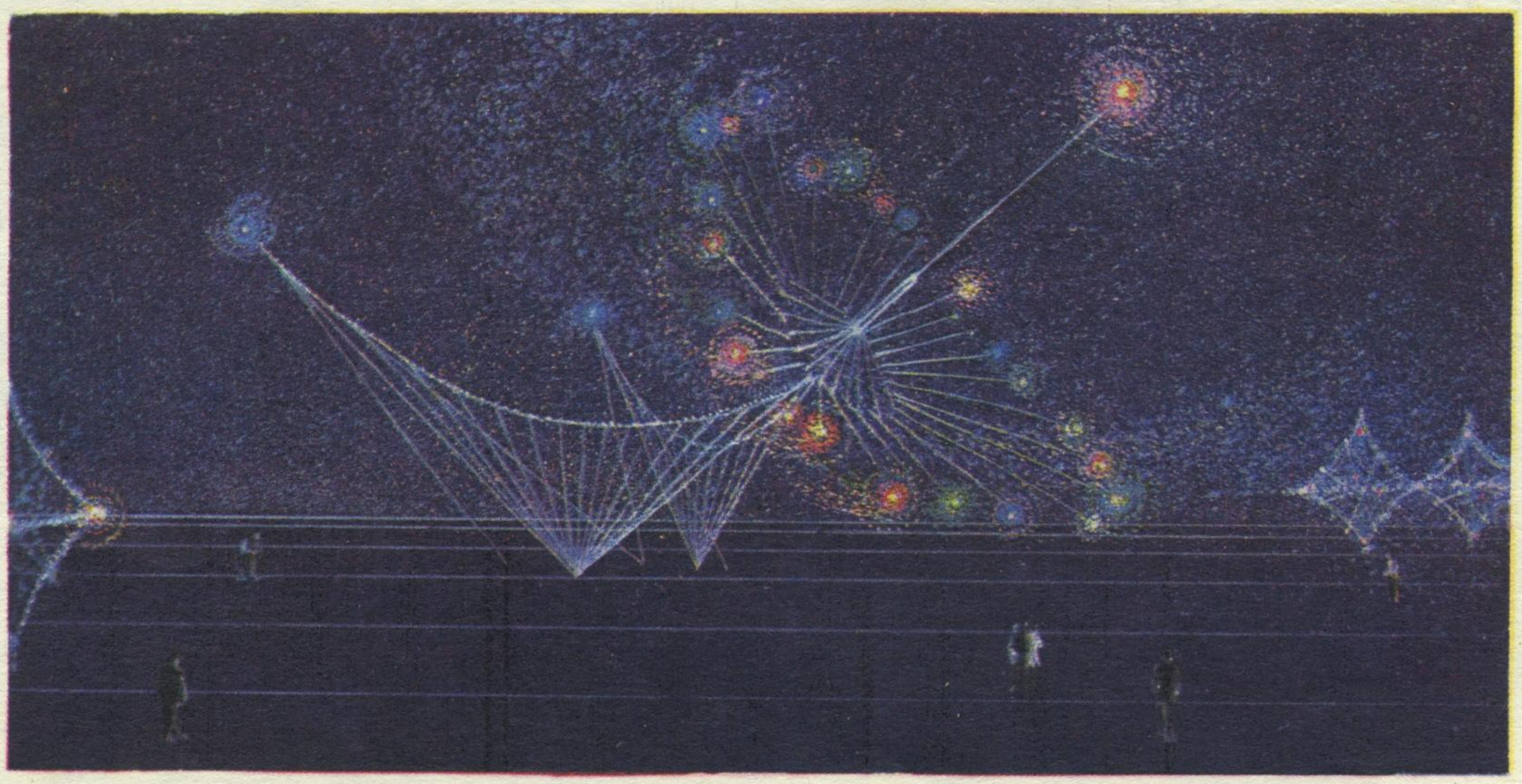
Л. Мочалов

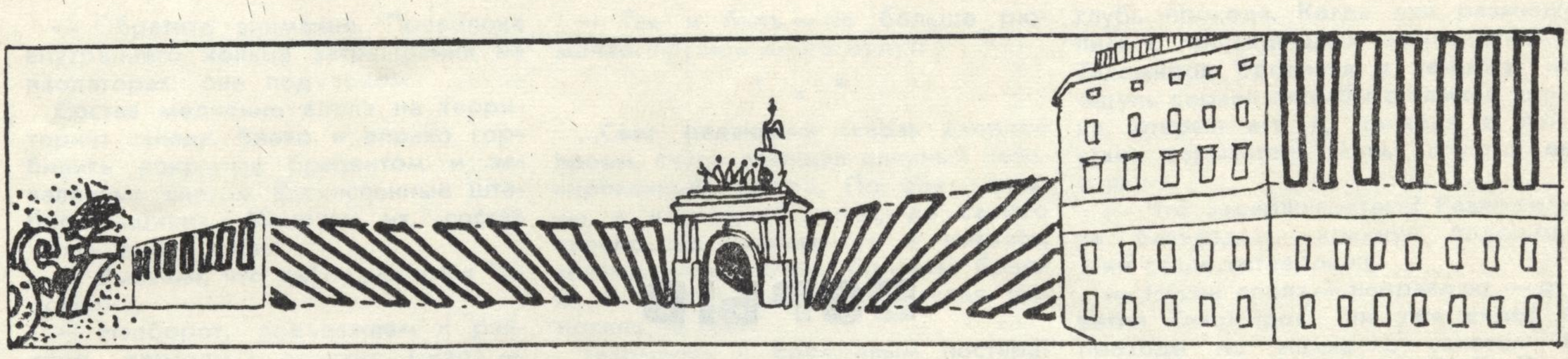

ПЕТРОГРАД
1917

... И вновь запылали костры революции

Л. Эфрос

Ноябрьским вечером мы идем по улицам праздничного Ленинграда.

Мы на площади Ленина. Здесь тысячи зрителей не отрывают глаз от огромных щитов, как крылья развернутых за памятником Ильичу. Щиты (их высота двадцать пять метров, ширина — тридцать) заслоняют дома. Тут же два девятиметровых киноэкрана и между ними символический «костер» из четырехсот электроламп.

Бурлит нетерпеливая площадь. И вдруг — тишина. На щитах-крыльях возникают алые, синие, желтые гигантские силуэты. Звучит «Варшавянка», и над притихшей площадью слышится голос Владимира Ильича. Переливаются, вспыхивают и гаснут языки огромного костра, а на экранах один за другим проходят документальные кинокадры.

Теперь наш путь — к университету.

На набережной прямо против Медного всадника высится над Невой сооружение, напоминающее чашу радиотелескопа. Под музыку вращается чаша, на ней перемигиваются цветные лампы, вспыхивает алым светом сигнал, будто призыв к другим звездным мирам. Неожиданно музыка замолкает. Слышатся отрывистые стартовые команды запусков первых советских космических кораблей, на фоне грозовых разрядов и радиопомех звучат доклады наших летчиков-космонавтов...

Слева от «Космоса» «взрывается» резким белым светом гигантская структурная решетка кристалла алмаза. В центре ее медленно накаливается огромная фиолетовая реторта. Это сооружение символизирует Химию. А справа, здесь же, — «Физика». Великанский «атом» пульсирует на семиметровой высоте. Три сиренево-бело-голубых эллипса — его внешние орбиты. По ним бегут, догоняя друг друга, огоньки-электроны, а в центре перекрещиваются в желто-красно-белой пульсации четыре трехметровых эллипса — «ядро». И всей этой цветной музыкальной феерией управляет один невидимый дирижер-оператор. Его пульт установлен в одной из комнат университета.

Гулко отзываются шаги по мосту. Дворцовая площадь в алом убранстве. Над аркой Главного штаба на огромном кумачовом языке пламени — цифра «пятьдесят», а от нее вдоль фасада разбегаются лучи, от оранжево-алого до темно-малинового. Многоцветным ковром из пятнадцати флагов Союзных республик украшен Зимний дворец, и на его фоне сверкает герб Советского Союза.

Сюда, на Дворцовую площадь, темным октябрьским вечером мчались, ощетинясь матросскими штыками, грузовики, шли красногвардейские отряды. Шли от Смольного...

... И вновь запылали костры революции.

Запылали, как и пятьдесят лет назад. Пятьдесят костров — и около них снова, опершись на штыки, рабочие, матросы, солдаты...

Этот очерк был написан тогда, когда над Ленинградом еще не погасли отблески белых ночей. Иначе вы бы не смогли прочесть его в ноябрьском номере. Поэтому, возможно, в каких-то деталях действительные картины праздничного города будут не совсем такими, как в нашем рассказе.

Но именно таким видел и проектировал праздничное убранство Ленинграда отряд архитекторов, художников, инженеров.

Руководил им главный художник города В. А. Петров; его помощники — архитектор А. И. Алымов, молодые художники Вячеслав Бабаев и Александр Григорьев, инженер-электронщик Валерий Даровский, художники и конструкторы из группы Льва Нусберга.

ВЗРЫВ

Г. Дубинчев, А. Хлебников

Рисунки В. Орлова

Лейтенант музицирует

Ранним утром на разъезде Пустошка состав остановился. Четыре гитлеровца вышли из караулки и гуськом, по узкой протоптанной в глубоком снегу тропинке направились к теплушке, в которой находилась охрана порожняка.

Не дойдя до теплушки несколько шагов, командир патруля, шедший впереди, замедлил шаг и предостерегающе поднял руку. Гитлеровцы остановились, прислушиваясь.

За дверью теплушки кто-то виртуозно выводил на губной гармошке красивую и грустную мелодию.

— Маэстро! — восхищенно сказал командир патруля, сам превосходно игравший на гармошке.

— Подождем, пусть закончит.

Но, окончив танго «Натурно», неизвестный маэстро тут же начал бравурную песенку «Лили Марлен».

— Увы, долг обязывает, — с сожалением вздохнул ротенфюрер и отодвинул дверь. Четыре ярких электрических фонаря осветили трогательную сцену.

Вокруг топящейся печурки, в полумраке, в тесном кружке сидят три солдата. Положив друг другу руки на плечи, они поют, раскачиваясь в такт песенке. Перед ними — с гармошкой в руках — высокий лейтенант.

Когда дверь распахнулась, солдаты замолкли и обернулись.

— Прошу прощения, — учтиво сказал офицеру ротенфюрер, — проверка документов: дальше запретная зона.

Лейтенант, крайне недовольный тем, что ему помешали, протянул требуемое.

Ротенфюрер, внимательно проглядев солдатские книжки и вернув их, сопроводительные бумаги почему-то задержал. Начал просматривать их еще раз, более медленно.

«Неужели провал?» — Сизов чуть заметно отвел руку назад, к ящику, на котором, прикрытый шинелью, лежал автомат. Краешком глаза Владимир видел, как и товарищи напряглись, словно перед прыжком, готовые немедленно выхватить припрятанные пистолеты.

— Станция энская... — протянул гестаповец. — В какое время вы с нее вышли?

Сизов ответил.

— А известно вам, лейтенант, что она разгромлена русскими бандитами?

— Неужели? Какой ужас! — вырвалось у Сизова. — И когда это случилось?

— Через полтора часа после вашего выезда с нее. Поздравляю, лейтенант, вовремя успели ее проскочить.

— А здесь тоже опасно? — с дрожью в голосе спросил Сизов.

Гестаповец улыбнулся и, возвращая документы, сказал снисходительно:

— Музицируйте спокойно, лейтенант. Партизаны сюда в зону нос не сунут — прищемим.

И добавил многозначительно:

— Вы же знаете — впереди Идрица! Счастливого пути.

Когда дверь задвинулась и гестаповцы отошли, Сизов сел, торопливо закурил... Под полом опять застучали колеса.

В логове

Пройдя Идрицу, состав вошел на железнодорожную ветку, идущую среди леса. Вскоре лес кончился, и стоящие у двери разведчики увидели тройную линию проволочных заграждений. Между двумя наружными линиями бегали сторожевые овчарки. На высоких вышках виднелись прожекторы и стволы пулеметов.

Разведчики переглянулись: «Солидно».

Опять прошел патруль, осматривая вагоны. После тщательной проверки состава входные ворота начали медленно раздвигаться, а на левой вышке протяжно завыла сирена.

Сизов, цепким взглядом окинув все подробности подхода, заметил:

Окончание. См. „Костер“ № 10, 1967 г.

— Обратите внимание. Проволока внутреннего кольца заграждения на изоляторах: она под током.

Состав медленно вполз на территорию склада. Влево и вправо горбились покрытые брезентом и заваленные снегом бесчисленные штабеля ящиков. Миновав их, состав опять вошел в лес.

— Выехали, что ли? — удивился Тихомиров.

— Наоборот, подъезжаем к райским воротам, — пояснил Сизов. — Видишь расчищенные дорожки между деревьями?

Состав остановился около малоприметных бугорков.

— Ну, друзья, держись, — сказал Владимир. — Увертюра начинается.

Белые бугорки внезапно раскрылись, открывая зияющие входы в подземелье. Прибывшие в вагонах для погрузки «гитлеровцы» спрыгнули на землю и построились.

К Сизову подошел офицер и пригласил его и солдат, сопровождающих состав, для краткого инструктажа.

— Будем грузить боезапас для артиллерии. Входить только парами, после того как я осмотрю помещение, — сказал офицер, притопывая.— Ящики брать тоже попарно. Задерживаться внутри не разрешается...

И, заметив на часах время, скомандовал: «Приступить к погрузке!»

В теплушке остался лишь Сизов. Увидев, что офицер остановился у входа в подземелье, он крикнул:

— Господин оберштурмфюрер! Прошу составить мне компанию для дегустации одной завалящей бутылочки!

— При исполнении служебных обязанностей... — начал было тот, но потом, взглянув на свои щегольские, но увы, не греющие сапоги, махнул рукой:

— Так и быть — не больше рюмочки. Грузить долго будут!

* * *

...Свет, падающий сквозь дверной проем, скупо освещал длинный бетонированный проход. По обе стороны, в несколько рядов, до самого перекрытия, невидимого в темноте, возвышались ящики. Солдаты брали их по двое и, осторожно ступая, выносили на свет.

Тихомиров с Еремеевым постарались пройти как можно дальше в

глубь прохода. Когда они разминулись с предыдущими носильщиками, Тихомиров бросился в темноту, на ощупь сорвал пломбы с замков ящика, открыл его и, приведя в действие взрыватель мины, спустил ее в ящик.

— Что задерживаетесь? Разжирели на разъездах? — крикнул подошедший сзади гитлеровец.

— Носок сполз — поправляю, — ответил Тихомиров. Он уже сидел в проходе на ящике с сапогом в руках.

Проворно вскочив, он с товарищем поднял ящик и понес.

У состава Тихомирову удалось увидеть разведчиков, грузивших соседние вагоны. Они показали ему два пальца, сложенные нулем.

— Не удалось им, — шепнул Еремееву Тихомиров, — что-то помешало.

— Ничего, я сейчас резервные захвачу, сразу две. Будет вполне достаточно.

Проворно прихватив в вагоне две мины, Еремеев с Тихомировым прошли еще дальше по проходу.

Удачно оставив на «хранение» одну мину, Еремеев вытащил из-за пояса вторую. Тут-то и случилась беда.

Еремеев очень торопился и замерзшие в тонких перчатках пальцы, натруженные ящиками, не смогли удержать мину: она как-то проскочила мимо них и стукнулась об пол.

— Куда? Ищи, — выдохнул Тихомиров. Но было поздно. Два наблюдателя, ходившие по проходу, были слишком близко. Услышав необычный стук, они заинтересовались и подошли:

— Что у вас упало?

— Зажигалка — карман дырявый,— спокойно ответил Еремеев.

— Посмотрим, что за зажигалка, — и луч фонаря скользнул по полу...

Зажигалка дарит жизнь

Сжимая в кармане финский нож, следил Тихомиров за световым овалом, скользившим по полу. Он все ближе и ближе к ногам Еремеева...

Кого бить — того, кто держит фонарь, или того, кто стоит за ним, — он еще не решил. Он знал одно: гитлеровец, едва возьмет в руки мину, сразу же догадается, что это за вещица, для определения ее назначения он достаточно опытен.

И тогда конец. Все разведчики будут уничтожены, и самое обидное — смерть их будет напрасной.

Остается только один выход: убить этих двух, и сразу же — взрыватель на мгновенное действие.

Световой луч прыгнул к ногам Еремеева. Тихомиров изготовился к удару... Но в овале света заискрилась отделанная перламутром роскошная зажигалка.

— Дерьмо! — выругался гитлеровец, при ближайшем рассмотрении оказавшийся фельдфебелем, ответственным за хранилище. — Ты не первый раз грузишь, а не знаешь, что вносить спички и зажигалки запрещено!

Спросив фамилию и звание виновного, фельдфебель пообещал доложить о случившемся своему командиру.

— Теперь тебе, каналья, фронта не миновать, — закончил фельдфебель.

Еремеев слушал, вытянувшись в струнку и преданно взирая на начальство.

Фельдфебель нагнулся, поднял зажигалку и, подбрасывая ее на ладони, залюбовался ею.

— Господин фельдфебель, — сказал наконец Еремеев, — я был бы счастлив, если бы вы меня избавили от этой безделушки. Когда я буду на фронте, она будет вызывать у меня печальные воспоминания.

— А ты, я вижу, еще не окончательный болван,— усмехнулся фельдфебель. — Считай, что дешево отделался, от доклада по инстанции я воздержусь...

Сзади подходила очередная пара

носильщиков. Фельдфебель проревел:

— А ну, лентяи, быстрее за работу!

Тихомиров перевел дух. Когда он взялся за ящик, пальцы его дрожали.

— Так это действительно зажигалка упала? А мне показалось, — наша игрушка...

— К несчастью, выпала она. Зажигалку я успел подбросить, — сказал Еремеев.

— А где же мина?

— Под сапогом. В последний момент успел наступить на нее. Стойка «смирно» оказалась полезной. Но если б при них пришлось шагнуть... — Еремеев не медля поднял мину и, включив взрыватель, пристроил ее по назначению.

— Ладно, — сказал Тихомиров, — дело сделано.

Друзья подняли ящик и поспешили к выходу. Надежно спрятанные в темноте подземелья мины остались ждать своего часа: химические взрыватели, приведенные в действие, начали свою бесшумную, ничем уже не остановимую работу. Через три часа они должны были сработать.

К СВОИМ

Оберштурмфюрер благодушествовал в тепле, и когда фельдфебель доложил о том, что погрузка закончена, с удовольствием послал Сизова принять эшелон, благо тот выразил такое желание. Сизов обошел вагоны и там, где были тайники, привел взрыватели в действие. Офицеры дружески пожали друг другу руки, и эшелон двинулся в обратный путь...

Позади осталась Идрица. Сизов не спускал глаз с часов, нервничал: «Не откажут ли взрыватели? Может быть, их обнаружили? Хотя это и маловероятно — они бесшумны...»

Сизов смотрит то на минутную стрелку, то, высунувшись в дверь, назад, на морозную дымку, скрывающую горизонт.

«Кажется — сейчас»,— подумал Сизов. И увидел, наконец, страстно желаемое: на горизонте медленно поднимался, вспучивался огненный шар!

— Ребята,— крикнул Сизов,— мины не подвели! Хотя взрыв был очень далеко, его дыхание донеслось, наконец, и до эшелона: тяжко содрогнулась земля, раз, другой, третий...

— Пора и нам, — сказал Сизов, — иначе взлетим.

Разведчики, прихватив оружие, приготовились. Когда состав замедлил ход, разведчики и паровозная бригада выбросились на снег. Выброска прошла удачно. Собравшись вместе, все углубились в лес. Их путь лежал к тайнику, куда они перед уходом на задание спрятали лыжи и снаряжение.

Когда за их спиной надежной стеной встал лес, новый взрыв потряс землю. Над вершинами деревьев словно промчался ураган, вниз посыпались сухие ветки и комки снега...

Разведчики обернулись. За лесом пламенело небо. Состав с боеприпасами тоже перестал существовать.

Репортаж с высоты 106 метров над Москвой

Юрий Алянский

Наденьте каску, здесь опасно!

У основания взметнувшегося в небо здания гуляет резкий, порывистый ветер. Здесь идет строительство, какого еще не знала Москва. Здесь возведен дом, о котором много говорят и пишут сейчас у нас и в Европе. Здание уже готово. Ведутся отделочные работы.

Меня встретил молодой инженер и предупредил:

— Придется надеть каску.

Пока мы бродили у основания высотного дома, никакой особенной опасности я не заметил. На голову ничего не падало. Повсюду работали люди. Многие из них пели — на немецком, венгерском, болгарском, польском языке. И очень вежливо здоровались, когда мы подходили.

— А теперь поднимемся на высотку, — сказал инженер. — Только лифты еще не смонтированы. Поедем в транспортном лифте, установленном снаружи здания...

Я посмотрел вверх и увидел, как вдоль наружного среза стены ползет красная кабина.

Между кабиной и стеной сохранялась пропасть.

Останавливаясь, кабина оказывалась на уровне прямоугольных отверстий в стене, которые позднее станут обыкновенными окнами. Лифтерша выдвигала подвижной мостик, и люди по этому шаткому основанию входили в нужный им этаж.

Нам нужен был 28-й этаж.

И мы поехали.

В интересах восьмерки

Восемнадцать лет назад, в январе 1949 года, вскоре после окончания Великой Отечественной войны, восемь социалистических стран решили создать организацию, с помощью которой они смогут помогать друг другу в области промышленности, экономики, народного хозяйства. Такая организация была создана. Она получила название Совет Экономической Взаимопомощи.

В СЭВ вошли: Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика, Монголия, Польша, Румыния, Советский Союз и Чехословакия.

Важная задача Совета — содействовать планомерному развитию народного хозяйства в этих странах.

Что это значит?

А вот что. Не в каждой социалистической стране есть, к примеру, своя нефть. Иной раз ее мало, добывать ее дорого. А у нас добыча нефти давно и надежно налажена. И вот, по рекомендации Совета Экономической Взаимопомощи, строится нефтепровод «Дружба». Он уже вступил в строй. Наша нефть идет к нашим соседям.

А они зато, взамен нефти, поставляют нужные нам машины или приборы.

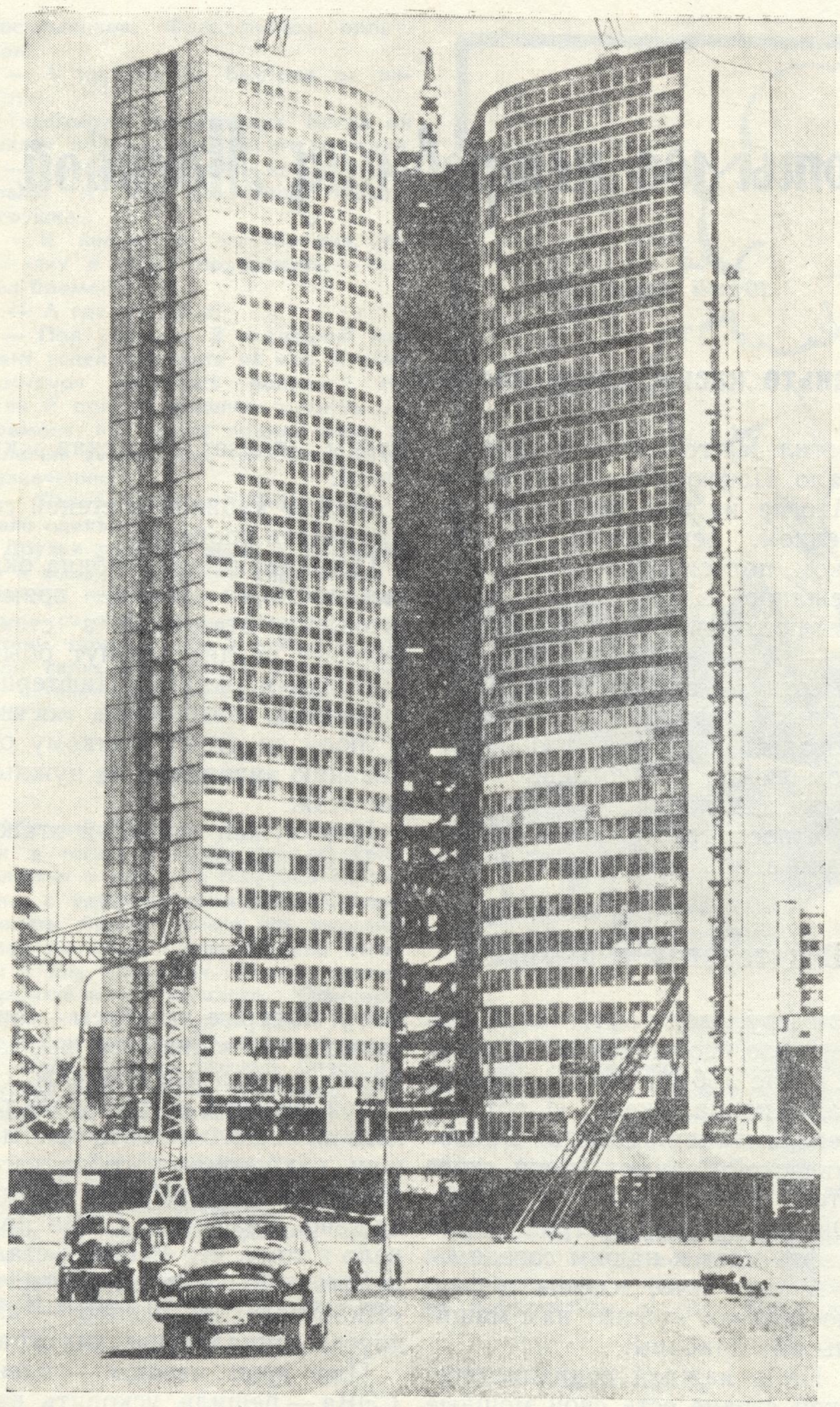
Не в каждой социалистической стране есть свои мощные электростанции. А у нас они уже построены. И вот по рекомендации СЭВа возникает энергосистема «Мир». Мы делимся с соседями электроэнергией. А они посылают то, что необходимо нам.

А вот совсем простой пример.

Венгрия делает хорошие, красивые, современные, удобные и быстрые автобусы — они называются «Икарус»; вы, конечно, видели эти машины. Но самой Венгрии не требуется такого большого количества машин, какое она способна изготовить. А производство уже налажено. Участие в СЭВе привело к тому, что Венгрия стала делать большое количество «Икарусов» на экспорт — для других социалистических стран.

Или еще: страны — члены СЭВа — решили ускорить взаимные железнодорожные перевозки и создали общий грузовой парк — около 100 000 вагонов.

Это значит — страны помогают друг другу. И выгодно это каждой из них. Каждая отдает то, чем особенно богата, и получает то, в чем особенно нуждается. А СЭВ налаживает этот экономический обмен.

Здесь разместится СЭВ

Таким образом, СЭВ — это учреждение дружбы.

Среди множества решений Исполнительного Комитета СЭВа есть одно, которое особенно заинтересовало меня в Москве. Это решение совместными усилиями построить комплекс новых зданий для совета.

И вот я поднимаюсь в красной кабине вдоль наружной стены высоченного здания. Кабина дрожит, трясется, грохочет, и у меня такое впечатление, что это ее последний подъем и что читатели «Костра» никогда не прочтут мой репортаж...

Книга в 30 этажей

Крупнейшие архитекторы и строители всех восьми стран думали, искали, каким же должно быть новое здание СЭВа в Москве. Наконец, решили придать ему форму раскрытой книги. Тогда оно будет хорошо смотреться со всех сторон.

И вот из стран-участниц Совета приехали специалисты, проектировщики, архитекторы, строители, техники, монтажники, электрики, рабочие. На площадке в шесть гектаров работали люди, говорившие на восьми языках. Это нисколько не мешало взаимопониманию. Стройка оказалась интернациональной и дружной.

Каждая страна вносила свой вклад в строительство.

Чехи изготовили и монтируют 13 скоростных лифтов с программным управлением. Скорость подъема — 2,8 метра в секунду.

Поляки сделали витражи — стекла в них зеркальные, закаленные. Такими стеклами покрыты все фасады здания.

Венгры привезли подвесные алюминиевые потолки для всех помещений здания, красивые и легкие. Венгерские художники взяли на себя некоторые элементы отделки, аппараты искусственного климата, радио- и магнитофонные установки.

Инженеры из ГДР создали для СЭВа АТС, 6 электроподстанций, общая мощность которых соответствует энергетическому хозяйству большого современного завода.

Румыны прислали красивый мрамор для отделки.

Болгары обеспечили производство специальной современной мебели, сделали пульты управления автоматикой — автоматизировано в этом доме все — а также подобрали для отделочных работ керамику, дерево.

Участие Советского Союза также весьма многосторонне.

Строительство административного здания СЭВа, а также прилегающих к нему круглого конференц-зала на 1000 мест, гостиницы, ресторана и других помещений — красивый и наглядный результат дружбы народов социалистических стран.

На высоте Исаакия

Высота здания 106 метров. Это равно высоте Исаакиевского собора. Только вместо грузной, мраморно-каменной фигуры Исаакия здесь — легкая, стройная конструкция из стали, алюминия и стекла.

Отсюда, с верхних этажей СЭВа, видна почти вся Москва. У основания здания делает плавный поворот Москва-река. Теплоход, ползущий по ней, кажется отсюда щепочкой. А машины, автобусы, троллейбусы представляются именно таких размеров, как на прилавке магазина игрушек.

А внутри дома — уютно, светло, чисто.

Комнаты не ограничены обычными стенами, как в наших квартирах. Стены здесь легкие и раздвижные — из трех или четырех небольших комнат можно быстро сделать целый зал. К тому же эти стены не горят, так что особенно радуются им пожарные инспекторы.

Мебель — простая, легкая, но очень удобная.

А пыли нет, потому что ее забирают пылеуловители.

Жары и холода тоже быть не может — аппараты искусственного климата регулируют температуру и влажность.

У подножия огромной «раскрытой книги» — изогнутая терраса, которая служит местом стоянки для сотни автомашин. А под террасой имеется еще и обширный гараж.

Друзья из пяти стран трудятся рядом

...Трудно пришлось строителям прошлой зимой.

На высоте обжигал лицо ледяной ветер. Подвесные устройства, в которых находились у наружной стены рабочие, раскачивались. Стометровая пропасть под ногами казалась бездонной — метель скрывала и без того далекую землю. Но болгары, венгры, немцы, поляки, советские рабочие работали мужественно — это ведь была стройка дружбы.

Теперь мороз строителям уже не страшен. Работы будут вестись внутри застекленного здания. Включено отопление. К началу лета «раскрытая книга» примет на свои «строчки»-этажи новых хозяев: представителей стран — членов СЭВа.

Если вы попадете в Москву — поезжайте на улицу Калинина. Здесь вам каждый покажет новое здание СЭВа. Да вы и сами найдете его — оно видно издалека...

Клятва

РАССКАЗ

Отиа Иоселиани

Рисунок И. Харкевича

Гиа очень любил свою маму, и все соседские дети знали об этом. Они и сами очень любили своих мам и потому-то, когда Гиа поклялся мамой, Нана поверила ему. Поверила такой немыслимой лжи, как прыжок в воду со скалы, с восемнадцатиметровой высоты!

Нет, Гиа вовсе не из тех болтунов, которые каждую минуту клянутся мамой, но что оставалось делать, если Нана ни за что не верила ему. «Ты даже плавать не умеешь», — твердила она. Гиа и в самом деле не умел плавать, другого выхода не оставалось, и, чтобы убедить Нану, он поклялся.

Нана поверила, но...

Но, вернувшись домой, Гиа увидел, что мама больна.

Да, да! У Гииной мамы была температура, болела голова и покалывало в боку.

— Мамочка! — обнял ее Гиа. — Что с тобой?

— Не подходи ко мне, сынок, у меня жар!

— Не подходить?

— Да, простыла я. Попала под дождь и промокла.

— Нет. Ты не простудилась. Я знаю... — сказал Гиа.

Гиа знал настоящую причину болезни.

Он потихоньку выбрался из маминой комнаты к себе, упал на кровать и заплакал. Гиа не любил да и не умел плакать, но сейчас он не выдержал: ведь он поклялся, сказал неправду, а вдруг...

Нет, в самом деле, восемнадцать метров — это он слишком. Поначалу-то и все двадцать хотел сказать, но удержался. Хорошо, что не сказал двадцать. Вот если б семнадцать?.. Или если б он сказал, что скала была метров пятнадцать в высоту, может быть, маме не было бы так плохо.

Очертя голову Гиа сбежал по лестнице, пнул подвернувшегося под ноги пса, чуть не кувыркнулся на перелазе, со всех ног припустил через дорогу прямо во двор к Нане.

— Нана! Нана!

— Что случилось? — удивилась Нана.

— Нана, я вспомнил... Я как-то совсем позабыл, а теперь вспомнил...

— Ты о чем, Гиа?

— Да о том, как я прыгал в речку...

— Ну и что?..

— Там было не восемнадцать, а четырнадцать метров. Не больше, Нана!..

Когда Гиа вернулся домой, в комнате мамы он увидел отца и доктора в белом халате. Гиа тихонько прикрыл дверь и остался на балконе.

А вдруг доктор узнал все, узнал, отчего заболела мама, и сказал ей? Как теперь Гиа посмотрит маме в глаза? Что скажет отец?.. А доктор?.. Доктор может и другим рассказать, отчего заболела Гиина мама.

Конечно, доктор обо всем догадается. На то он и доктор.

Если бы Гиа сказал, что скала была двенадцатиметровая или семи... Семи еще куда ни шло... Как это у него вырвалось... Ах, черт!.. Что же теперь делать?

Гиа на цыпочках подошел к двери и заглянул в комнату.

Доктор стоял, склонившись над мамой, и недовольно хмурил брови.

Гиа повернулся и бросился к лестнице, съехал по перилам, спрыгнул на землю и побежал.

Если он успеет сказать Нане, что скала была совсем маленькая, не больше семи метров, если он успеет сказать это, пока доктор осматривает маму, может быть, он еще спасет все. Еще можно спасти.

— Нана! Нана!

— Заходи, Гиа! — отозвалась Нана из кухни.

— Не могу. Поди сюда! Скорее, Нана! Я должен тебе что-то сказать...

Нана поспешила к нему, но, не дождавшись ее, Гиа крикнул:

— Нана, там было семь метров! Не думай, что там было больше семи метров.

— Не больше?

— Нет, Нана! Нет! Ну, может, самую чуточку...

— А ты говорил четырнадцать.

— Нет, Нана, семь. Семь метров! — и Гиа повернул к своему дому.

— Погоди, Гиа!

— Не могу...

Отец ушел в аптеку и заодно проводить врача.

Мама то ли спала, то ли дремала — она не заметила возвращения Гии.

А может, ей стало хуже, может быть, доктор спросил ее:

— Как зовут вашего сына?

— Гиа.

— Да-а... Так вот, ваш Гиа поклялся вами, говоря неправду. Я, говорит, прыгнул в воду с семиметровой скалы.

— Он не мог солгать.

— Что вы, доктор! Наш мальчик никогда не врет, — наверное, поддержал ее отец.

— А на этот раз соврал.

И теперь маме худо, совсем худо. И чем все это кончится?

На этот раз Гиа пронесся через ступеньки лестницы, вбежав во двор к Нане, во весь голос, так, что услышали все вокруг, заорал:

— На-на! На-на!

Нана была на балконе.

— Нана! Все это неправда! Я не прыгал со скалы. Все это неправда!..

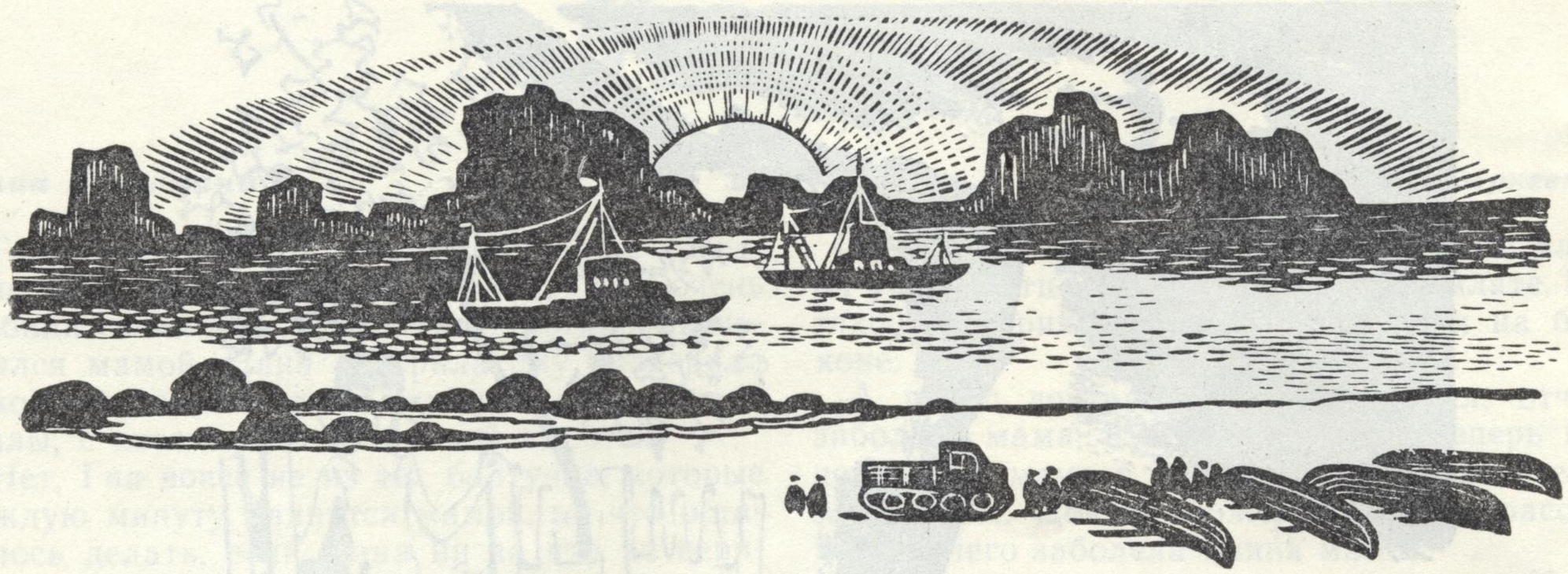
Вернувшись домой, Гиа смело вошел в комнату к маме и остановился возле ее кровати. Мама раскрыла глаза и улыбнулась сыну.

Нет, лучше вовсе не клясться. Вот как-то Гиа сказал Нане, что у их охотничьей собаки родилось восемь щенят. Восемь — это не мало. Но Нана поверила и без клятвы, потому что щенят и в самом деле было восемь.

Нана поверила и тому, что Гиа посадил три грушевых дерева. Саженцы принес отец, а Гиа посадил их. Нана поверила и тому, что шелковичные черви у Гии свили коконы, и один из коконов прилип к потолку и из него вылезла бабочка. Бабочка как бабочка, а летать она не умела. Нана не видела всего этого своими глазами, но верила, когда Гиа рассказывал ей.

Видно, когда говоришь правду, клятвы ни к чему. Да... Видимо, так оно и есть.

Перевел с грузинского Ал. Эбаноидзе

БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

У костра писатель Юрий Рытхэу

Гравюры К. Овчинникова

Весной этого года я побывал в небольшом эскимосском селении Ново-Чаплино. В эту пору охотники готовятся к морскому промыслу, красят вельботы, чинят моторы, проверяют оружие. Солнечные дни, перемежающиеся с пургой, заполнены тревожным ожиданием первого выстрела, и эта тревога усиливается неумолкающим птичьим гомоном в светлом небе.

Вельботы к кромке льда потащат тракторы — здесь техника давно вытеснила упряжку и веселая собачья возня сменилась деловитым перестуком тракторного двигателя.

Я наблюдал за этими приготовлениями и вспоминал детские годы, когда каждую весну, в эту же пору собирались и наши уэленские охотники на моржовую охоту. Морские промысловые суда — вельботы — ставились на соединенные вместе нарты, а собаки связывались в длиннейшую упряжку. Когда охотники достигали открытой воды, собаки с нартами отправлялись обратно в селение. Перегоном упряжек занимались мы — ребята. Мне еще не было полных девяти лет, когда я впервые отправился в самостоятельную поездку по торосистому, уже покрытому талыми снежниками морю. По пути иногда попадались сквозные промоины-окна, прорубленные жаркими солнечными лучами в морскую пучину.

Узкий нартовый след петлял между торчащих льдин, терялся в лужах от талого снега. Тропка то бежала к берегу в синюю тень от прибрежных скал, то вдруг устремлялась к открытому морю, словно в погоню за невидимым зверем. Двенадцать псов тянули нарту домой, и не надо было их погонять. Главная забота состояла в том, чтобы не свалиться с нарты и удержать ее на полозьях, не дать ей перевернуться.

И все же, задумавшись, я на секунду ослабил внимание, и тотчас оказался на льду, вернее, в подтаявшем сугробе острого фирнового снега. Рукавицы отлетели в сторону, шапка каким-то чудом зацепилась за нарту и поехала вместе с собаками, которых мой слабый крик не мог остановить.

Отряхнувшись и подобрав рукавицы, я пошел пешком. До селения было довольно порядочно, но я мало беспокоился: весенний день долог, почти беспрерывен — сумею дойти.

Уже недалеко от селения, под обрывом, над которым высился маяк, я встретил знакомых полярников. Они крутили лебедку, извлекая из проруби приборы. Оставив работу, они кинулись ко мне с возгласами:

— Ты как сюда попал? Что ты тут делаешь?

Я присел на ящик, взял предложенный бутерброд и, подкрепившись солидно, как подобает настоящему мужчине, попытался рассеять их беспокойство, сказав, что ничего страшного не случилось: просто не смог догнать свою упряжку.

— А знаешь ли ты, каюр, что с минуты на минуту может оторвать припай! — крикнул один из гидрологов, который славился в нашем селении еще и тем, что отлично играл на балалайке.

— Вы тут сидите спокойно — значит, не скоро оторвет, — заметил я.

Я вспоминаю этот случай, и далекий мальчик, оставшийся в детстве, удивляет меня, и я невольно спрашиваю себя: мог ли я сегодня быть таким спокойным и уверенным?

Мне хочется сказать вот о чем: в те годы на нас, мальчишках, лежала большая ответственность.

Большие расстояния отделяют Чукотку от центральных районов нашей страны. Это сегодня можно долететь до Анадыря за полсуток, а в тридцатые годы путешествие из Москвы на Чукотку занимало несколько месяцев. Советская власть пришла в наши края гораздо позже, чем во все другие районы нашей страны. И в те годы, когда мы пошли в школу, на Чукотке развернулась борьба за ликвидацию неграмотности среди взрослого населения. Не каждому взрослому хотелось садиться за букварь, и тут большую помощь учителям оказали школьники. Это не было игрой или кампанией вроде сбора макулатуры или металлолома. Я учил своего дядю, отважного охотника и сильного человека. Наносить на бумагу и различать следы человеческой речи на бумаге для него было гораздо труднее, чем преследовать во льдах белого медведя. И только потому, что он считал меня настоящим мужчиной, который может делать все, что по его силам: кормить и запрягать собак, съездить в соседнее селение, пойти на охоту, — только поэтому он с серьезностью относился к моему преподаванию и через некоторое время, к его собственному удивлению и удовольствию, стал свободно читать и писать.

Мы считали себя в ответе за то, что происходит в нашем селении, в нашем округе, в нашей большой стране.

Мне кажется, что именно в отрочестве, в пионерском возрасте, мужает характер. Все последующие подвиги или, наоборот, поступки, позорящие личность, имеют корни в этом возрасте.

Я хочу обратиться к примерам, которые мне близки и дороги. Я расскажу о человеке, который свою недолгую жизнь сумел прожить так, что память о нем останется на долгие годы в сердце его маленького народа.

Я хочу рассказать об эскимосском поэте и летчике Юрии Анко. Он был первым поэтом и первым летчиком у народа, который живет на северной кромке планеты, в том месте, где в свое время отказались жить все другие большие, малые, великие и средние по величине нации. Он рано лишился отца и по существу еще с детства стал главой семьи. Юрий Анко с матерью жили на берегу Анадырского лимана, в поселке, носящем название Комбинат. Здесь его мать работала на рыбоконсервном заводе, и туда же после окончания семилетки поступил работать Юрий Анко. Смышленый и пытливый, он скоро стал незаурядным токарем по металлу.

В хорошую погоду по дороге на работу Юрий Анко часто останавливался и подолгу смотрел, как летят самолеты. Из-за этого он часто опаздывал на работу, и мастер удивлялся — в плохую погоду парень приходит раньше всех, а как выглянет солнышко, обязательно опоздает.

Юре очень хотелось посмотреть на землю сверху, почувствовать себя вольной птицей, обогнать ветер... Он мог бы уйти из дому, уехать туда, где есть летное училище...

Но Анко любил свою мать и понимал, что никого у нее не осталось. Он — единственная опора и надежда. Чтобы быть ближе к матери, Юра поступает учиться в педагогическое училище, хотя его тянуло в небо.

Анко учился вместе со мной. Наши кровати в общежитии стояли рядом. Я видел, какие книги он читает, слушал, когда он рассказывал о своих мечтах. Внешне казалось, что он смирился с тем, что небо так и останется для него несбывшейся мечтой.

Закончив педагогическое училище, мы с Юрием Анко несколько лет не виделись.

Я уехал учиться в Ленинград, а он остался на Чукотке преподавать в начальной школе.

Однажды, на углу Невского проспекта и Мойки, в Ленинграде я встретил Юру. Он давно заметил меня своими зоркими глазами и ждал. Он не дал мне сказать ни слова, не ответил ни на один вопрос. Он подвел меня к доске объявлений и показал на листок, где говорилось о наборе в летное училище.

— Значит, ты приехал поступать в летное училище? — спросил я его.

— Нет, — смущенно ответил Анко. — Вообще-то я приехал в пединститут и даже уже принят. Но ты смотри! — И он снова ткнул в объявление: — Это то, что мне нужно.

Не знаю, как ему удалось поладить с институтским начальством, но Юрий Анко все-таки уехал в летное военное училище и через год приехал в форме курсанта, а еще через некоторое время на его плечах заблестели офицерские звездочки.

Отслужив в армии, Юрий Анко вернулся в Анадырь, и там стал летать над своей родной землей... Сбылась его мечта: он увидел Чукотку сверху.

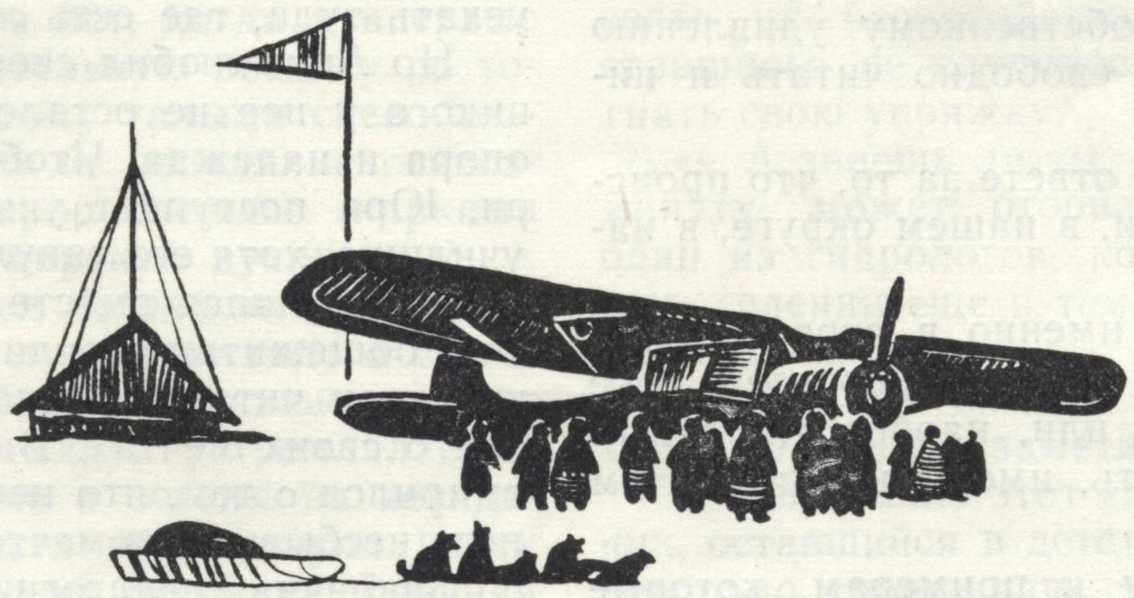
— До чего красивая земля! — не переставал он повторять друзьям. — Летал я и над лесами и полями, но самое прекрасное — это наша тундра!

Последний раз я видел Юрия Анко в колхозном селении. Он специально прилетел повидаться с первой Героиней Социалистического Труда на Чукотке — девятнадцатилетней охотницей Кларой Каляной.

Самолет Анко сел на окраине колхозного селения, и он вышел оттуда в собачьих унтах, в летной куртке, и пошел в домик, где жила Клара. Я удивился, как застенчивая и малоразговорчивая Клара Каляна на этот раз оказалась такой общительной. На прощание Анко сказал ей:

— Мне кажется, героем быть трудно. И если тебе будет нужна помощь — я всегда готов прилететь.

Юрий Анко погиб совсем молодым. Он оставил после себя маленькую книжку стихов, написанную для малышей, и десятка полтора отдельных стихотворений, опубликованных в разных периодических изданиях.

Земля, небо и поэзия — это для него называлось одним словом — жизнь.

Мужественный и сильный человек, обладавший твердым характером, был наряду с этим и необыкновенно чувствительным и сердечным. Он не стеснялся быть мягким и даже сентиментальным. Он не стеснялся быть заботливым и заступаться за слабых. Еще в то время, когда мы вместе с ним учились, кто-то попытался попрекнуть его тем, что он водит дружбу с девчатами и оскорбляет свою мужественность тем, что вникает в их мизерные, никчемные проблемы и даже пытается иной раз помочь им. Он с сожалением посмотрел на собеседника и сказал: «Тот, кто не имеет толики сочувствия на каждый день, может не найти его, когда людям оно будет особенно необходимо».

Юра долго не печатал своих стихов. Иногда он приносил их мне и читал. Читал он както особенно. Казалось, что он думает вслух, а не читает уже перечувствованное, продуманное и написанное. Читая стихи, он в это мгновение жил именно этим, так же, как когда он летал — для него полет был как бы естественным продолжением его ходьбы по земле.

В моей кочевой жизни, которая проходит больше в путешествиях по Крайнему Северу, мне часто приходится встречаться с людьми незаурядными, значительными, крепко стоящими на земле. Жизнь многих из них я знаю с далекого детства. Сознание своей мужественности и ответственности как мужчин у них проявилось, когда они были подростками. И трудности, которые они преодолевали в этом возрасте, не были трудностями, похожими на искусственную полосу препятствий на спортивной площадке. Ответственные решения, которые им пришлось принимать тогда, не шли ни в какое сравнение с теми, которые принимают в пионерском лагере по подсказке старшего пионервожатого.

Оглядываясь на далекое уже детство, на свой былой отроческий и пионерский возраст, я хочу вам сказать, ребята, что это то самое время, когда нужно ковать свой характер, это та пора, когда отношение к событиям и людям уже перестает быть игрой и превращается в сознательное и ответственное отношение к жизни.

Приключения Васи Булкина в революционном Петрограде

ЗАКОНЧЕНЫ

В дневнике его на ноябрьской странице всего одна запись: «Иду добровольцем на фронт».

Мы не знаем, как сложилась судьба Васи дальше, но, наверно, она похожа на судьбу тысяч его братьев и сестер, революционных девчонок и мальчишек.

Им посвящаем мы подборку документов, которую так и решено назвать:

СВЕРСТНИКИ ВАСИ БУЛКИНА

И ДЕТИ, ПОДРАСТАЮЩИЕ ПРОЛЕТАРИИ, ДОЛЖНЫ ПОМОГАТЬ РЕВОЛЮЦИИ

В. И. ЛЕНИН

Красную песню, товарищ,
Дружно затягивай враз.
Молнии гроз и пожарищ
Золотом брызжут на нас.

Воля зардела, как пламя,
Гений зажгла в нас живой.
Дети, под красное знамя!
Миру наш клич боевой!

Смело, победно и юно
Бьется в нас сердце, спеша.
Здравствуй же, здравствуй, коммуна,
Ты наша мощь и душа!

Русь молодая в расцвете,
Творчества дни подошли,
Мы — пролетарские дети —
Сила и правда земли!

(Борис Богомолов. Из «Гимна пролетарских детей»)

«Отменить детский труд!» — с таким требованием вышли на улицы Петрограда незадолго до Октябрьских дней колонны рабочих-подростков

Кровавая бойня начата буржуазией. Отцы наши льют кровь за чужие интересы. Плачущие матери, обремененные горем и семьей, пошли на фабрики. Капитал неумолим. Безжалостно втянул он 10—13-летних детей в мрачные дымные стены заводов и фабрик и превратил их в машины.

Мы требуем прекращения ненужной народу войны! Мы требуем охраны детского труда, мы требуем полного запрещения труда малолетних!

(Из выступления делегата рабочей молодежи на Петроградской общегородской конференции большевиков в июле 1917 года)

...Как у участников революции наша работа заключалась в следующем: мы распространяли принесенные в мастерскую листовки, оповещали рабочих о митингах. На митингах мы группировались около оратора, охраняли его от меловых поме-

ток шпика и ареста. Во время стачек наша деятельность была более шумной и живой. Мы свистели, устраивали шум, крики, останавливали моторы, станки, бегали по мастерским.

(Из воспоминаний рабочего пушечных мастерских Путиловского завода, одного из создателей Союза рабочей молодежи в Петрограде Вани Скоринко)

В Октябрьской революции молодежь увязывалась повсюду, где была опасность... Милые «хвостики»! Много погибло вас тогда! Но проделана вами громадная организационная работа.

(Из воспоминаний Р. Землячки, секретаря ЦК РКП (б), члена партии с 1896 года)

Общим любимцем нашего отряда лесснеровцев был четырнадцатилетний заводской ученик **ПАВЛУША.** К сожалению, мне и моим товарищам не удалось восстановить в памяти его фамилию и выяснить его последующую судьбу. Павлуша раздобыл солдатскую шинель, которую так подкоротил, что она еле доставала до колен. На боку болталась сабля, а позднее он нацепил на сапоги шпоры, мечтая стать лихим кавалеристом...

Он не спал ночи напролет, поспевая всюду — и в бою, и в патруле, и в службе связи.

Молодые рабочие готовились к вооруженному восстанию: вступали в ряды Красной гвардии

Один из первых кружков Социалистического союза рабочей молодежи был создан в 1917 году в пушечной мастерской Путиловского завода

Я пишу о Павлуше, а ведь вся наша красногвардейская молодежь была такой же. Семнадцатилетний рабочий паренек **ВАНЯ ГРИШКО** всегда был вооружен с ног до головы. Я видела его в боевых операциях — он действовал смело, бесстрашно. В 1919 году я встретила его на Урале, где он воевал против Колчака. Среди этой молодой поросли были также **ВАСЯ КРУГЛОВ, ФЕДЯ БЕЛОВ, МИША ВОРОНЦОВ, СЕРЕЖА ШЕМБЕЛЕВ...**

(Из воспоминаний работницы завода «Новый Лесснер», члена партии с 1917 года А. Я. Тилтынь)

Октябрьские дни.

Трещат пулеметы, ухают орудия! Темная непроглядная ночь. Нужно людей в центр для связи. Кто пойдет? «Хвостики», конечно. Нужно выполнить опасное отчаянное поручение — прорваться через белогвардейские патрули с ценными секретными сведениями.

Из района в район, из района в центр — всюду под дождем пуль бегают члены союза молодежи. И ни тени страха, ни тени колебаний на их лицах.

«Победа или смерть», — вот о чем думает каждый из борцов.

В окопах, на баррикадах — всюду пламенной верой зажигают окружающих юные герои, всюду они в первых рядах.

(Ася Залкинд. «Коммунистическое движение молодежи в России»)

Член Союза молодежи из Москворечья, трамвайный кондуктор **ЗИНА ЛЕГОНЬКАЯ** много раз прошла окольным путем из районного штаба в Московский Совет и обратно, доставляя донесения и получая приказы.

...Под сводами Спасской башни толпились юнкера, удивленно разглядывая коленопреклоненную перед храмом Василия Блаженного девушку. И правда, было чему дивиться: который уж день в Москве бои. А тут вдруг такая набожная девушка.

Старательно бьет поклоны Зина. А за углом торговых рядов два паренька, невидимые для юнкеров. Они внимательно следят за девушкой, не пропуская ни одного поклона. Один, второй, третий — один, два, три юнкера у входа в Кремль. Пауза — и снова поклоны. Теперь они уже означают количество белогвардейских пулеметов. Опять пауза — опять поклоны. На этот раз разведчики подсчитывают артиллерийские орудия.

(Из книги В. Любовного «Молодежь Москвы на баррикадах революции»)

Было это в Лефортовском Военно-революционном комитете. Первыми в комнате появились три бравых офицера, увешанные шашками и револьверами. Подняв руки вверх, они шли, боязливо оглядываясь назад. Там гордо шествовал, подталкивая то одного, то другого «вояку» дулом винтовки паренек в длинной, явно с чужого плеча солдатской шинели. Пока у офицеров отбирали весь их «ар-

сенал», мальчик стал центром всеобщего внимания:

— Да ты откуда взялся?

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Небось 12?

— Винтовка-то у тебя сама не стреляет?

Весь красный от смущения, повертываясь от одного к другому, паренек очень внушительно отвечал всем:

— Ниоткуда я не взялся, красногвардеец я. И не 12 мне, а семнадцать... будет скоро. И винтовка у меня вовсе не заряжена: патронов не дали.

Только вот имя у него никто из присутствующих спросить не догадался.

(Оттуда же)

У Арбатских ворот юнкера обыскивают всех проходящих. У станции трамвая там орудие и окопы. На Арбате у гаража стоят автомобили... 8 грузовиков, легких 3, броневиков нет. У Никитских ворот в магазине Бланова на втором этаже стоит легкое орудие, все время бьет по направлению к Страстному монастырю.

мальчик КАУРОВ

(Донесение Московскому Военно-революционному комитету)

Во время самых напряженных боев у штаба Московского военного округа в нашем перевязочном пункте появились вдруг двое юношей, почти мальчиков, в форме военного фельдшерского училища, и предложили свою помощь, заверив, что по специальным предметам у них отличные оценки. И действительно, они оказались великолепными санитарами. До сих пор, к сожалению, так и не удалось выяснить фамилии этих юношей, которых все звали тогда **«МИША БОЛЬШОЙ»** и **«МИША СИНЕГЛАЗЫЙ»**.

(Из воспоминаний организатора первого санитарного отряда Красной гвардии Ольги Кравчук)

Комитет Губкома союза молодежи. Входит взрослый рабочий лет под пятьдесят с пятнадцатилетним мальчиком.

Массовым митингом встретили тульские ребята прибытие в их город агитпоезда «Октябрьская революция»

— Что тебе, дядя?

— Да вот, сына привел записать добровольцем, ему охота идти. Где тут можно?

— Как звать? — спрашивают мальчика-добровольца.

— **РУМЯНЦЕВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,** — отвечает скороговоркой за сына отец.

(Из «Воспоминаний рабочих Иваново-Вознесенска»)

Мы, пролетарские дети, в количестве 1500 человек собравшиеся на митинге, решили обратиться с воззванием к рабочим как оружейного, так и патронного заводов. Знайте, товарищи рабочие, что вы строите жизнь не только для себя, помните, что за вами идет сила — ваши дети.

Да здравствует мировая революция!

(Из резолюции, принятой на митинге детских коммунистических отрядов в г. Туле в 1919 году)

...Был случай, когда на пути приближения красногвардейцев повстречался вражеский броневик. Бешеная пулеметная стрельба из него не давала возможности продвигаться дальше. И тут из рядов бойцов вырвался вперед совсем еще юный **УЛЬЯНОХИН.** Короткими перебежками он добрался до удобного прикрытия, а когда вражеская машина подошла вплотную, швырнул гранату. Вспыхнуло пламя, броневик взорвался. Мужество молодого бойца ободрило красногвардейцев. С криками «ура» и винтовками наперевес кинулись они на врага.

(Т. П. Васильчуков. «Рабочая молодежь Киева на баррикадах Великого Октября»)

Я вспоминаю мальчика. Звали его **КОСТЯ.** Он всегда копошился в нашем молодежном клубе, что-нибудь да делал. Сверстников у него не было, и ему приходилось жить жизнью взрослой молодежи. Он мог остаться в Москве, но не усидел и решил во что бы то ни стало уехать на РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФРОНТ.

В полку ему дали место в обозе, но он запротестовал и потребовал послать его на позиции. Когда наши части были окружены, он один остался с повозкой и пулеметом. Несмотря на угрозу верной смерти, он пустил в ход пулемет и, отстреливаясь от наседавших казаков, добрался до своей части.

Мальчик, будучи четырнадцати лет, получил от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета орден Красного Знамени.

(Из воспоминаний секретаря Московского комитета РКСМ Делюсина)

Но это уже другая история. Начиналась гражданская война. Трудовой народ вставал на защиту завоеваний Октября. И мальчишки и девчонки, ваши сверстники, революционные Гавроши, старались ни в чем не отстать от старших.

Председатель предоставляет слово писателю Ивану Кононовичу Данилову. Он живет в далекой Якутии и не одну тысячу километров прошел по тайге вместе с мужественными людьми — охотниками и геологами — героями своих произведений. В этом году писатель закончил поэтичную книгу о своей республике, которую перевел на русский язык Р. Хакимов.

Рассказывает Иван Кононович о союзе великих следопытов.

Следы то расходились, то сходились, петляя по великим просторам тайги. Чтобы разгадать тайну этих хитроумных и замысловатых узоров, надо было изучить и обследовать огромную территорию.

Отряды геологов уже прочесали вдоль и поперек бассейны Вилюя, всю Западную Якутию, заглянули в самые отдаленные и труднодоступные уголки.

Маршруты переплетались, как паутина, сталкивались меж собой. Но алмазов все не было...

Пиропы — эти постоянные спутники алмаза и алмазные крупицы — находили повсюду: в руслах, на берегах рек, в тайге, во мху, в почве и даже на пнях.

Красные бисерные следы пиропов вели к глухой Ботобинской тайге. Здесь водилось много зверей, особенно черных белок, мех которых ценится очень высоко и славится на весь мир.

Геологи считали, что Ботобинская тайга может прославиться не только мягким золотом, но и драгоценными камнями.

Но одно дело — предположение, другое — действительность. А поиски затягивались...

И вот в часы раздумий и сомнений у таежного костра встретились две группы людей, разные по внешности и воспитанию, но близкие по духу и образу жизни.

Им достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что они одного поля ягоды.

— Капсе, догор! — сказал начальник геолого-разведочной партии, здороваясь за руку со старым охотником.

— Суох, эн капсе! — оживился тот, услышав якутское приветствие.

— Моя фамилия Хабардин, — сказал геолог, — а вас как зовут?

— Сонорукан! — ответил старик.

— По-русски понимаете?

— Мало-мало.

— Вы следопыт. Охотник. Так?

— Да, мы следопыты. Охотники. А вы? — спросил старик.

— Мы тоже следопыты! Геологи — следопыты камней. Мы идем по следам алмазов. Вот они! — и геолог бережно развернул пакетик, где хранились красные пиропы и другие минералы.

— Хорошие следы! — улыбнулся Сонорукан. — А если есть следы, то должен быть и зверь.

— Спасибо на добром слове! А вы не поможете нам выследить зверя и обнаружить его логово — месторождение?

— Мы всегда рады помочь хорошим людям.

Трудно сказать, когда и где именно скрестились в крепком рукопожатии натруженные рабочие руки геолога и охотника, но такой союз существует издавна.

Хабардин развернул карту и кончиком карандаша провел по извилистой линии реки.

— Это малая Ботобия! — догадался Сонорукан.

Кончик карандаша свернул в сторону, следуя по левому притоку Малой Ботобии.

— Это Ирелях! — проводник с интересом разглядывал карту. На ней он легко угадывал причудливые изгибы знакомых рек, родную тайгу, поселки, даже отдаленные охотничьи избушки.

— Нам надо сегодня добраться вот куда! — сказал Хабардин, отметив точку на карте. — Как ехать?

— Вот так! — сказал Сонорукан, немного подумав, и провел кончиком тонкой проволоки, которой очищал трубку, по руслу речки Ирелях. — Или так! — кончик проволоки, зажатой между узловатыми пальцами охотника, пополз по прямой.

— Прямо. По тайге!

— Сонорукан с грузом на оленях направится прямо, — сказал Хабардин, радуясь понятливости старика. — А мы пойдем по руслу реки. Встретимся вечером. Хорошо?

— Хорошо, хорошо! — отозвался Сонорукан.

...Поздно вечером усталые геологи увидели сизый дымок над костром и почуяли приятный запах вареной дичи.

— Здорово! — воскликнул один из молодых геологов.

— Вот это проводник! Даже таежный пир приготовил!

После ужина Хабардин развернул перед Сонорука-

ном большую карту. Немую. Отснятую с самолета. На ней было запечатлено все, что имелось на земле. Не было только надписей. Сонорукан потирал руки от удовольствия.

— Ок-се! — воскликнул он. — Слава науке! Я вижу родной край с птичьего полета, словно орел, поднявшийся на могучих крыльях высоко в небо.

— А смогли бы вы, уважаемый Сонорукан, сказать, как называются вот эти реки, озера, аласы, горы, поля, которые вы видите?

— Конечно, могу! — ответил старый охотник. — Что вижу, то знаю, что знаю, то могу и назвать.

И немая карта заговорила. Одна за другой стали появляться на ней надписи.

— Уму непостижимо! — удивился молодой геолог. — Как можно запомнить столько названий? Отец, откуда вы все это знаете?

— Как откуда? — возразил Сонорукан. — Это известно каждому охотнику. Мне, другому, третьему... Всем. Мы знаем леса, поля, реки, горы, озера родной тайги. Такая у нас, охотников, работа.

— Вы уверены, что в тайге есть алмазы?

— Конечно! Я слышал много интересных сказок о светлом камне.

— Ну, сказки — это для детей.

— Почему? — изумился Сонорукан. — Сказки сказывают старые люди, а слушает весь народ: и стар и млад.

— Это, конечно, так. А не попадалась ли вам где-нибудь в тайге зеленая или темно-зеленая порода? Кимберлит? Ну, глина такáя, твердая, почти как камень.

— Зачем вам камни или глина, когда нужны алмазы? — удивился Сонорукан.

— А они содержатся именно в такой породе. В земле.

— Вот как?! А я не знал, — задумался Сонорукан. — Но зато я знаю, где рождается мягкое золото!

— Это как же так?! — удивился в свою очередь геолог. — Ведь пушные звери водятся в тайге, а не в земле.

— Они рождаются в глубоких норах. Я знаю очень много лисьих нор... Если хотите, покажу. Здесь же, на берегу этой речушки. На логе Таяхтахском, — сказал Сонорукан, ткнув кончиком сухой ветки на карту.

— Как раз по маршруту, — сказал Хабардин. — Мы скоро придем туда.

* * *

В тот день Сонорукан разбил палатки на высоком берегу реки Ирелях, у того самого Таяхтахского лога.

Подкрепившись крепким чаем и дичью, все отправились обследовать лог и осмотреть лисьи норы — «месторождение» мягкого золота.

Место было болотистое, заросшее карликовыми березами. Но скоро путники выбрались на возвышенное место, к сосновому бору.

Под ногами хрустел ягель. Густо пахло смолой. Сонорукан двигался бесшумно. Наконец, остановился, пристально всматриваясь.

Геологи, затаив дыхание, проследили за его взглядом и увидели на склоне бугра лисьи норы.

— Смотри! — тихо произнес Сонорукан.

Геологам показалось, что недалеко от них трепещет огненный язык пламени. То был пышный хвост красной лисы, торчавший из норы.

Лиса, уйдя вся в землю, неистово работала передними лапами, выбрасывая задними землю. Только зеленая пыль висела над норкой и при свете заходящего солнца играла всеми цветами радуги.

Но вот лиса повернулась в норе и выставила оттуда изящную мордочку. Посмотрела по сторонам. Потянула носом. Нет ли постороннего глаза? Не угрожает ли какая опасность?

Затем над норкой вновь затрепетал огненный язык красного пламени, окутанный крошечной радугой.

Молодые геологи смотрели как зачарованные, и ничего, кроме красоты, не усмотрели. Но наметанный глаз Хабардина заметил нечто необычное.

— Братцы! Что я вижу! — закричал он и кинулся вперед.

Лису как ветром сдуло. Пламя мгновенно потухло. Радуга растаяла.

Хабардин, став у норы на колени, выгреб обеими руками землю, подбросил, вновь выгреб и радостным голосом закричал:

— Поглядите! Это же кимберлит!

И верно, у лисьей норы была набросана горка зеленоватой земли. Геологи растерянно смотрели на своего начальника.

— Дайте лопату! — крикнул Хабардин.

Через минуту геологи разглядывали вывороченную зеленоватую породу. Немного успокоившись, они стали рассматривать ее в лупу, мять в руках, крошить, просеивать между пальцами. Сомнений быть не могло. Это кимберлит! Ура!

Захлебываясь от радости, геологи обнимались, боролись, целовались. Сонорукан сидел поодаль и спокойно курил трубку. Первым его заметил Хабардин. Рывком притянул он охотника и обнял так, что у того затрещали кости.

— Нашли! Знаешь, что мы нашли? — геолог тряс старика.

— Вы счастье нашли!

— Вы слышали, что он сказал? — кричал Хабардин своим товарищам. — Мы нашли счастье! Это ты здорово сказал, дружище!

— Дети! — сказал Сонорукан, обращаясь к геологам. — Вы слишком взволнованы. Давайте присядем и покурим, а потом решим, что делать дальше.

Геологи достали папиросы, а Сонорукан вновь набил трубку и спокойно закурил. Вокруг приятно запахло табаком, и все постепенно успокоились.

Тогда Сонорукан отстегнул от пояса маленький топорик, подошел к золотистому стволу сосны и ловкими ударами сделал на ней зарубки с четырех сторон. Затем он обошел вокруг сосны, любовно погладил ее ладонями.

— Пусть эти знаки показывают людям дорогу к счастью!

И на гладких зарубках на золотистом стволе сосны появились слова: «Мы здесь нашли счастье и закурили трубку мира».

Так, обрастая все новыми подробностями, пошла гулять в народе легенда об открытии одного из первых и крупнейших месторождений якутских алмазов.

Может, лауреат Ленинской премии геолог Юрий Хабардин услышит в ней нечто для себя новое. На то она и легенда. А когда она дойдет до правнуков знаменитого геолога, наверное, образ первооткрывателя якутских алмазов станет сродни богатырям из якутских олонхо.

И это величайшее открытие советских геологов, так же, как и другие — открытия алданского золота, слюды, некоторых минералов — явилось результатом союза великих следопытов, сложившегося с давних времен.

Пусть живет и здравствует на благо народа союз великих следопытов!

Рисунки Е. Захарова

ХОРОШО ЛИ ТЫ ЗНАЕШЬ ГЕОГРАФИЮ СВОЕЙ РОДНОЙ СТРАНЫ?

Знатокам и любителям географии предлагается ответить на такие вопросы:

Правильно ли говорит уроженец Владивостока, что он намерен отдыхать на севере... в Ялте?

Верно ли, что город Петропавловск-на-Камчатке расположен севернее Москвы?

Не ошибается ли житель города Туниса, утверждая, будто собирается на юг, направляясь в советский город Кушку?

Действительно ли самолет, вылетевший из Ванкарема в Мурманск, будет держать путь из более южных областей в более северные?

Куда будет двигаться путешественник, выехавший из Смоленска в Омск: на север или на юг?

Вправе ли житель Охотска считать, что живет севернее жителя Ленинграда?

Если ты хорошо знаешь географию своей страны, то ответишь без труда.

Ждем ваших ответов.

Как село получило имя

Б. Никольский *Фото автора*

Трудно сказать определенно, имело это маленькое село, затерявшееся в целинных степях, название или нет. Когда-то раньше, когда здесь жили только казахи-скотоводы, местность эта называлась Кара-Куль. Но это было давно. А с тех пор, как здесь раскинулся огромный целинный совхоз «Самарский», старое название почти совсем забылось. И село стали называть по-новому: «Второе отделение совхоза «Самарский». А разве это настоящее название для села?

Но вот в прошлом году в газетах появился Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Село получило новое имя — ГАЙДАР.

Почему Гайдар? За какие такие заслуги? Наверно, многие новые поселки хотели бы носить это славное имя, так ведь не присваивают. А тут присвоили.

Страница из старого журнала

С Виктором Акимовичем Огневым я познакомился больше шести лет назад. В то время он был директором и единственным учителем в крошечной Ново-Палестиновской школе в Атбасарском районе.

Тогда же я написал очерк о нем и его ребятах. Вот небольшой отрывок из этого старого очерка.

«Никогда не было почты в Ново-Палестиновке, не заходили сюда почтальоны с толстыми кожаными сумками, не спешили разносчики телеграмм. Ближайшее почтовое отделение — за двадцать километров.

Подвернется попутная машина, скажут шоферу: «Передай-ка письмо в Ново-Палестиновку», возьмет шофер запечатанный конверт, спрячет в карман и — хорошо, если вспомнит, а забудет — так и пойдет письмо гулять по степным дорогам...

Никогда не было почты в Ново-Палестиновке...

А ребята решили: «Будет!»

Съездил Виктор Акимович в почтовое отделение, в Покровку, договорился, привез оттуда почтовый ящик — самый настоящий, выкрашенный в голубой цвет, с государственным гербом посередине и большими выпуклыми буквами: «Почта».

На другой день рядом с дверями школы ребята прибили ящик. Повесили объявление: «Пионерская почта».

И вот теперь, шесть лет спустя, в совхозе «Самарском» я снова встретился с Виктором Акимовичем.

Так уж случилось, что когда он переехал сюда, во второе отделение совхоза из Ново-Палестиновки, здесь тоже не было почты.

Виктор Акимович рассказал ребятам о Ново-Палестиновке, о пионерской почте, и ребята, конечно, сразу загорелись:

— Давайте и у нас организуем почту!

— А что! Давайте!

И если бы я стал писать о том, как начинала работать здесь пионерская почта, мне пришлось бы почти целиком повторить страницы из старого очерка. Потому что так же волновались и ждали первого письма пионеры, так же не верили им сначала взрослые,

Володя Ощепков и Мухтар Байкенев

так же настойчиво убеждал взрослых Виктор Акимович...

Уже больше пяти лет работает пионерская почта во втором отделении совхоза «Самарский», и за это время не мало здесь произошло разных событий — и забавных, и радостных, и даже печальных...

СОБЫТИЕ ЗАБАВНОЕ

Теперь уже Оля Шмиткаль и ее подруги вспоминают об этом давнишнем случае с улыбкой, а тогда им было не до веселья.

Пионерская почта только начинала работать. И существовал такой закон: почтальоны разносят письма и газеты в любую погоду.

И вот однажды Оля Шмиткаль и ее подруга отправились разносить газеты. Это сейчас уже у почтальонов есть самые настоящие почтальонские сумки. А тогда их еще не было. И почту девочки несли в руках. Неожиданно налетел вихрь и вырвал пачку газет.

— Мы бросились за ними вдогонку, — рассказывает Оля. — Гонялись, гонялись... А сами ревем... Что скажут люди?.. Понадеялись на нас, а мы...

Теперь Оля Шмиткаль и ее подруги — первые пионерские почтальоны — Вера Степасюк, Оля Слободнюк, Лида Кононович, Рая Письякова уже выросли и скоро кончают школу. И почти все мечтают обязательно стать связистами.

СОБЫТИЕ РАДОСТНОЕ

Недавно ребят пригласил в Алма-Ату министр связи Казахской ССР. До этого многие ребята не бывали дальше районного центра и даже на поезде не ездили, не то что на самолете.

А тут великолепный ИЛ-18 доставил их из райцентра прямо в столицу Казахстана. Автобус подкатил к зданию министерства. Стремительный лифт поднял ребят вверх. Этот лифт привел всех в восторг не меньше, чем ИЛ-18 — раньше никто из них не видел лифта.

И вот пионеры на приеме у министра.

Министр расспрашивает.

Ребята рассказывают. А рассказать есть о чем. Ни много, ни мало — 25 000 писем отправлено пионерской почтой. На 1000 рублей продано конвертов и марок. Лишь несколько человек выписывали раньше в селе районную газету. 537 экземпляров газет и журналов разносят теперь ребята.

Министру очень понравилось все, что рассказали ребята.

ВЕДЬ НА ОГРОМНОЙ ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА ВОЗНИКЛО МНОГО НЕБОЛЬШИХ ПОСЕЛКОВ, ГДЕ ЕЩЕ НЕТ ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЙ, НЕТ ШТАТНЫХ ПОЧТАЛЬОНОВ. И ЕСЛИ БЫ РЕБЯТА, ЖИВУЩИЕ ТАМ, ВЗЯЛИ ПРИМЕР С ПИОНЕРОВ СЕЛА «ГАЙДАР» И СОЗДАЛИ ПИОНЕРСКУЮ ПОЧТУ — ЭТО БЫЛО БЫ ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ, ОЧЕНЬ НУЖНОЕ, ОЧЕНЬ ХОРОШЕЕ ДЕЛО.

ЕЩЕ ОДНО ЗАБАВНОЕ СОБЫТИЕ

В Алма-Ате пробыли несколько дней. Ездили по городу. Побывали в музеях. Бродили по улицам и паркам. И вот тут в одном парке третьеклассник Вася Буйный так увлекся соревнованиями велосипедистов, что потерялся.

Правда, сначала он не испугался. Он был самостоятельным человеком. У себя дома уже в пять лет он смело отправлялся на рыбалку. И сейчас ему казалось, что найти детскую туристическую станцию совсем несложно. Надо только добраться до большого здания универмага, а там уж совсем просто.

И Вася решительно отправился на поиски.

Но те самые улицы, которые выглядели такими приветливыми и знакомыми, когда

они бродили по ним все вместе, теперь, когда он остался один, вдруг стали совсем другими.

Несколько раз Васе казалось, что вот-вот он выйдет на нужную улицу, и всякий раз вдруг выяснялось, что он опять ошибся.

Так он блуждал до позднего вечера. Он устал и проголодался. И, наконец, понял: дорогу ни за что не найти. И тогда он подошел к милиционеру и сообщил, что потерялся.

Милиционер вызвал свою милиционерскую машину и Васю доставили прямо в отделение милиции. А там ему очень обрадовались. Как только он вошел, дежурный сразу закричал:

— А-а! Вася Буйный! Не так ли?

Оказывается, его уже повсюду искали. И даже приметы его сообщили по отделениям милиции.

Но, конечно, больше всех волновался и переживал Виктор Акимович. Он даже осунулся за те несколько часов, пока Вася Буйный путешествовал по улицам Алма-Аты.

СОБЫТИЕ ПЕЧАЛЬНОЕ, КОТОРОЕ МОГЛО КОНЧИТЬСЯ ПЛОХО, НО КОНЧИЛОСЬ ХОРОШО

И вдруг над пионерской почтой нависла опасность. Как раз тогда, когда ребята меньше всего этого ожидали. Ведь все шло так хорошо!

Но то ли управляющему отделением совхоза показалось обидным, что в его отделении нет штатного почтальона — у других есть, а у него нет, — то ли были иные причины, только неожиданно он перестал выделять машину для подвозки почты.

И наступил такой день, когда мешок, опечатанный сургучной печатью, остался лежать в школе.

Ребята волновались. Ребята ничего не понимали.

Как же так? Неужели и правда никому не нужна их работа? Мол, побаловались и хватит. Но ведь жители села всегда были довольны. Ни одной жалобы никогда не было.

А тут вдруг — не дам машины. И все. И разговаривать не хочет. Но почему?

Может быть, другие бы на их месте повесили носы, но пионеры-гайдаровцы не собирались мириться с тем, что пионерская почта, их почта перестанет существовать.

Что делать? Предложения сыпались самые разнообразные. Лучше, пожалуй, здесь их не перечислять.

Саша Степасюк, неразлучный друг Васи Буйного, предложил идти к директору совхоза. Не может быть, чтобы директор, старый целинник, не помог им.

В контору за восемь километров отправились все вместе. Но директора в конторе не оказалось. Совхоз ведь огромный, время горячее — директор все время в разъездах.

Рассказали о своей беде секретарше. Секретарша обещала помочь. Даже приказ специальный напечатала на машинке.

Домой ребята ушли довольные — ну, теперь-то все в порядке. Но прошел день, второй, а все оставалось по-прежнему.

И снова расстраивались и волновались ребята. И не знали еще, что волнуются они не одни, что коммунистов совхоза тоже волнует судьба пионерской почты. Что событиями в отделении совхоза уже интересовался Атбасарский райком партии.

Айман Аглакова — пионерский почтальон

Обо всем этом они узнали уже позже. Узнали, когда управляющий отделением Иван Эдуардович Шмиткаль сам пришел в школу и извинился перед ребятами и сказал, что признает свою ошибку и отныне машину будет выделять регулярно.

И теперь работа на пионерской почте идет по-прежнему. Сортирует почту второклассник Юра Кошкин. Следит, чтобы он не ошибся, начальник почты Галя Мизева — ведь Юра еще новичок. Берут свои сумки, набитые газетами и журналами, почтальоны Мухтар Байкенев, Володя Ощепков, Тамара Шумаева, Айман Аглакова и, как обычно, в любую погоду отправляются в обход села. И люди встречают их с уважением и радостью...

* * *

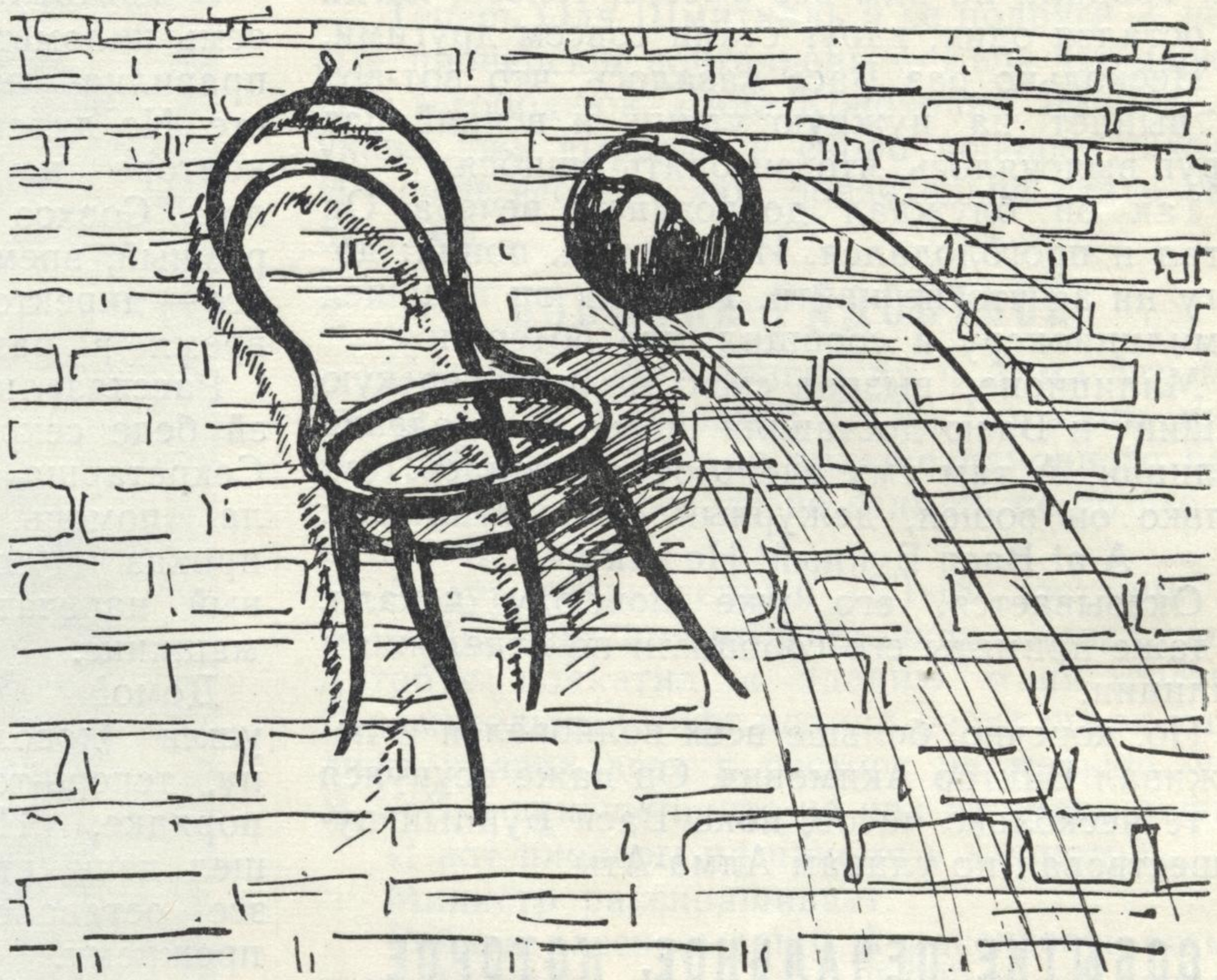
Кроме пионерской почты, есть у ребят из села Гайдар еще не мало интересных дел — обо всех не расскажешь в одном очерке. А если вы хотите узнать подробнее, как живут гайдаровцы, напишите им: *Целиноградская область, Атбасарский район, село Гайдар, школа.*

Стул из города Вена

РАССКАЗ

Сергей Вольф

Рисунки Н. Муратова

В сентябре в нашем доме пропал стул.

Дедушка сидел на нем сорок семь лет. Он отказался есть свои любимые оладьи с медом. Он сказал, что что-то не так. Возможно, сказал он, он перестанет теперь читать газеты и смотреть телевизор. Футбол, сказал он, теперь для него потерян, с десяти лет он сидел на этом стуле. Отличные стулья делали в городе Вене, добавил он и вздохнул, этот был последний.

— Дед, — сказал брат Бобка, — мы сколотим тебе с Жекой шикарную табуретку в школьной мастерской.

Бобка даже покраснел. Бобка обожает делать табуретки.

— Лошадь может сидеть на вашей табуретке, — сказал дедушка, запихивая в рот оладьи с медом, — толстая лошадь из цирка. Слон. Вы сами. Но не я.

— Объясни ему, Жека, — сказал Бобка.

— Дедушка, мы получили пятерку за табуретку, — сказал я.

— Венский стул, — сказал дедушка, — четыре нормальные гнутые ножки — вот в чем фокус. Сидите сами на вашей пятерке. Оладьи сегодня какие-то не такие. Вы это куда?

— На баскетбол, — сказал Бобка.

— А уроки?

— Нам ничего не задали, — сказал Бобка.

— Так я тебе и поверил, — сказал дедушка.

— Честно, — сказал Бобка.

Мы помчались во двор.

Солнце стояло высоко в небе. В нашем маленьком дворе было тепло и светло. Я даже немного зажмурился.

— Пас! — крикнул Бобка и кинул мне мяч.

— А-а-атлично! — крикнул я.

— По кольцу! — крикнул Бобка.

— Где? — крикнул я.

— Вон! — показал Бобка.

Я присел, чтобы сделать бросок получше... И раскрыл рот: на стене дома висел стул! Чудесный стул из Вены. Зацепленный за спинку. Гнутые ножки свисали вниз. Сиденья не было.

— По кольцу! — орал Бобка.

На меня мчался Сенька Блюм. Я сделал под него нырок. Та-та-та. Прыжок. Бросок. Мяч в кольце!

— Ну, как? — спросил Бобка, подбегая ко мне.

— Вещь! — твердо сказал я.

— Сделаю сетку, — пообещал Сенька.

— Торопись, Блюм, — сказал я. — А что, если играть в два кольца?

— Обшарили весь дом, — сказал Бобка. — Венских больше нет.

В пять часов во двор вошел папа.

Он шел с работы и нес большой арбуз.

— Пас, Жека! — крикнул он мне.

Я откинул ему мяч.

— Не перепутай, пап! — крикнул ему Бобка.

— Нет, — сказал папа и бросил мяч по кольцу.

— Мимо, — сказал Сенька Блюм.

— Наш стул, — сказал папа.

Мы побежали за ним.

За обедом дедушка сказал:

— Суп пересолен.

Папа сказал:

— Я видел наш стул.

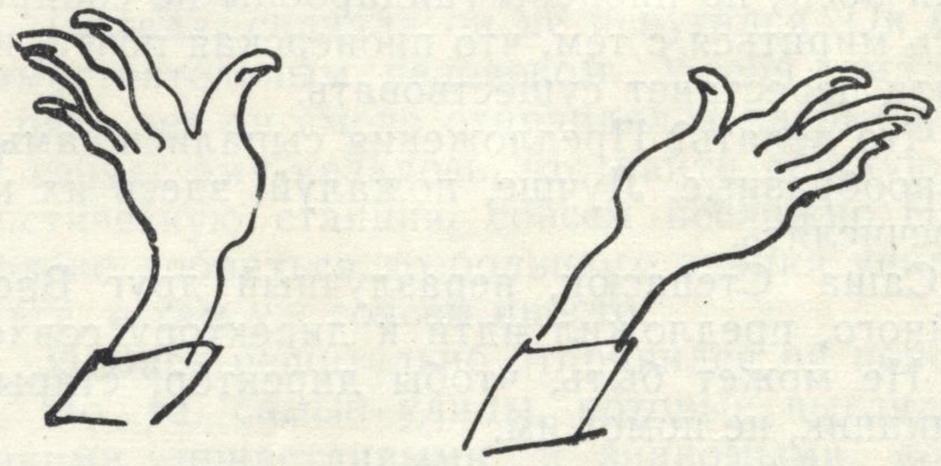
Бобка махнул под столом ногой и попал в дедушку. Дедушка вскрикнул и сказал:

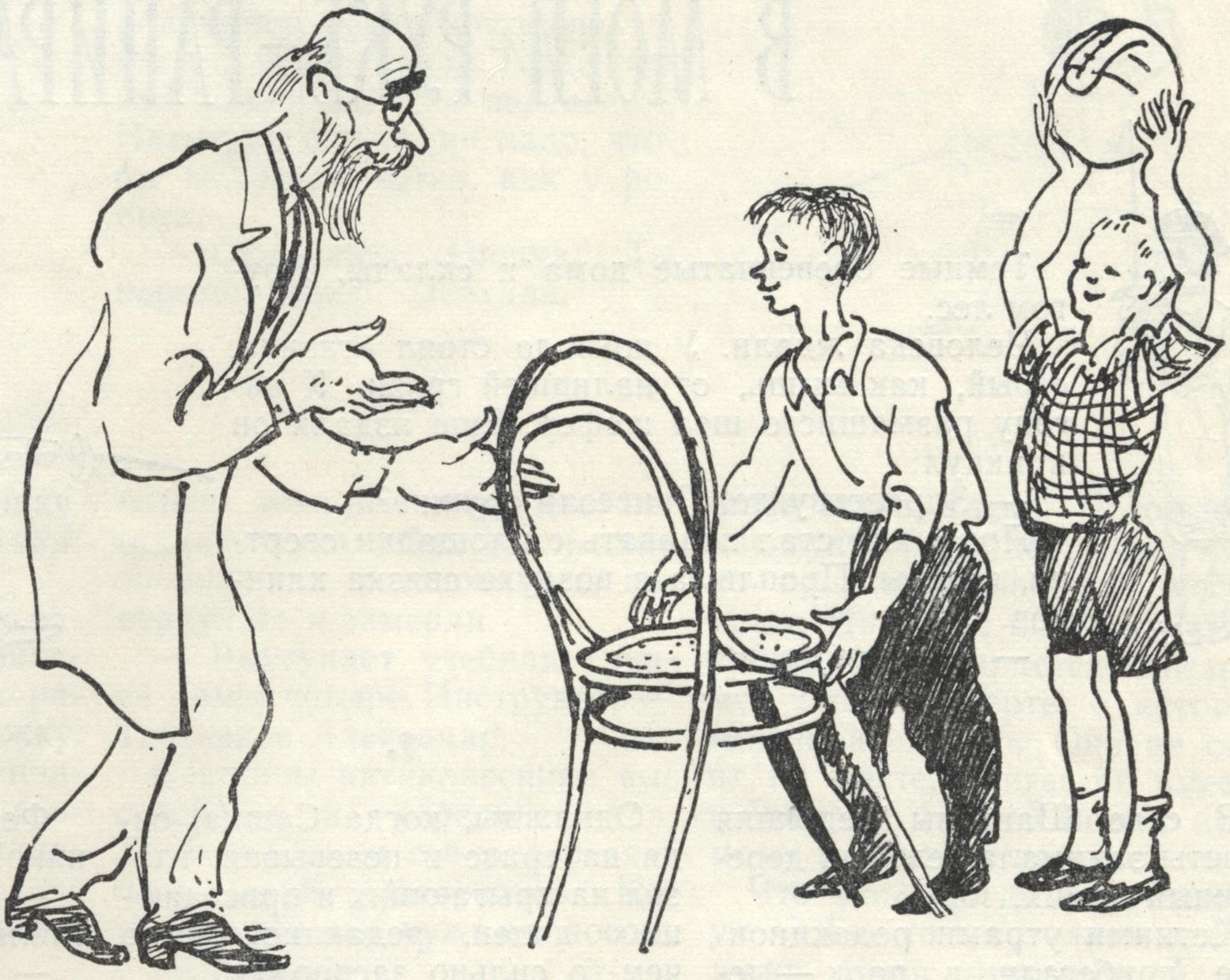
— Где?

Я запел песню.

— Во сне, — сказал папа.

— Похоже, — согласился дедушка.

— Сегодня по телевизору ЦСК и наш «Зенит».

— Будет скучная игра, — сказал дедушка.

— Почему? — спросил папа.

— Так, — сказал дедушка. — Ничего не поделаешь. Котлеты подгорели.

— Я больше не буду готовить, — сказала мама.

Через пять дней к нам во двор зашел симпатичный молодой дяденька. Он сказал, что его зовут Илья и что он спортивный журналист.

— Мне рассказывали о вашей инициативе, — пожимая нам руки, сказал он. — Лично я высоко ценю инициативу. Дайте-ка мяч.

Он бросил пять раз по кольцу и не попал ни разу.

— А что, если домохозяйство купит вам настоящее кольцо? — сказал он.

— Наше кольцо съемное, — сказал Сенька Блюм. — На ночь мы его прячем в подвал. Домохозяйство не позволяет привинчивать к стене настоящее кольцо. Будет шум.

— Я все понял, — сказал Илья.

Он снова промахнулся и что-то записал в блокнот.

— Отличный человек, — сказал Сенька Блюм, когда Илья ушел.

Дедушка отказывался сидеть на любых стульях, кроме венского.

Мама отказывалась готовить обед.

Папа отказывался понимать маму и дедушку.

Мы решили, что дедушке не нравятся наши стулья, потому что напоминают ему о венском.

Мы сделали с Бобкой толстую белую табуретку.

Он хотел поотломать ей ножки.

Это было смешно. Это были не те ножки, чтобы ломаться.

За такие ножки мы получили пятерку.

А через три дня мы чуть не сошли с ума.

Когда мы с Бобкой пришли после игры домой, мы увидели, что дедушка сидит на нашей толстой белой табуретке и читает газету.

— Про вас статья, — сказал он, и мы чуть не сошли с ума еще раз. — Статья называется «Стул из города Вена». Ее написал талантливый спортивный журналист Илья Шлепянов. Он пишет: «...город прекрасной музыкальной культуры, сам того не ведая, является главным поставщиком спортивного оборудования для ребят Подольской и прилегающих к ней улиц. Западные фирмы и не подозревают о такой великолепной, ничего им не стоящей рекламе. Домохозяйства не подозревают, чьими услугами они избавлены от заботы о наших ребятах. По моим скромным подсчетам, в двенадцати дворах используются венские стулья (!), гораздо реже — отечественные стулья с квадратным сиденьем, а также кастрюли, сетки для бумаги и т. д. Но мы не за дворы с настоящими кольцами. Мы — за настоящие баскетбольные площадки...»

— Дед, а он толковый парень, этот Илья, — сказал Бобка.

— Оч-чень! — сказал дедушка. — Нужно пригласить его к нам пить чай. Он человек дела. Того и гляди, теперь вам сделают пару площадок и мне удастся получить мой стул. Кстати, где сиденье?

— В кладовке, — сказал Бобка.

— А кольцо у вас с сеткой? — спросил дедушка.

— Нет пока. Сенька Блюм обещал сделать.

— Я сделаю, — сказал дедушка. — Сенька Блюм — это не человек дела.

В этот момент в комнату вошел папа с венским стулом в руках.

— На, — сказал он дедушке. — Вот тебе венский стул. Я купил его в комиссионном.

Дедушка стал вертеть его и щупать.

— Это не венский стул, — сказал он, поморщившись. — Это подделка.

— Дед, — сказал Бобка. — Может, твой снять со стены, а эту ерунду повесить?

— Не обязательно, — сказал дедушка. — Сделайте лучше себе во дворе второе кольцо. Мне здорово нравится ваша табуретка. Сорок семь лет я сидел не на том.

Мама принесла суп.

— Отличный суп, — сказал дедушка, пробуя, — хотя немного пересолен.

В МОЕЙ РУКЕ — РАПИРА

Темные бревенчатые дома и склады. Кругом лес.

Человека ждали. У вокзала стоял «газик», серый, как мышь, от налипшей грязи. К вагону размашисто шел шофер. Еще издали он крикнул:

— Здравствуйте! Привезли оружие?

Приезжий стал подавать с площадки свертки, пакеты. Проплыла в воздухе связка клинков.

— Привез, привез.

1.

В селе Шангалы редакция газеты занимала зеленый деревянный домик.

Летними утрами редакционные прибегали в парк — делать зарядку.

Приходил в парк еще один человек, Сашка Третьяков. Он только что перешел в шестой класс. Дни стояли жаркие, длинные и пустоватые. С утра — на речку, — больше в Шангалах делать нечего.

Однажды, когда Сашка, сидя на траве и позевывая, глазел на прыгающих и приседающих дядек, редакционные о чем-то сильно заспорили.

Длинный черный человек в тренировочном костюме поманил Сашку пальцем. Глаза у Сашки слегка округлились. Он подошел на безопасное расстояние.

— Ну-ка, парень, хочешь научиться фехтовать?

Фехтование Сашка видел в кино.

— Это как — на палках? Или сабли дадут?

— Будут и сабли, — проговорил человек, разглядывая Сашку. — А ну, покрути ногой вправо, а рукой влево. Нет, этой же рукой. Да ты не смущайся, сразу ни у кого не выходит. Так. Теперь слушай внимательно. Скажи своим товарищам...

2.

...Кеды под мышкой, руки в карманах пальто — Сашка Третьяков бежал на тренировку.

Каждый его шаг отдавался скрипом на всю улицу. Мороз набирал силу, вырастал. Он не просто щипал нос и щеки, а стоял плотными стенами стужи, сквозь которые нужно было пробиваться. Сашка не смотрел по сторонам. А смотреть было на что: дома с высокими заснеженными крышами были похожи на парусные корабли. Флотилия кораблей шла по холмам, как по волнам, и палила изо всех пушек: трещали дрова в печках.

В раздевалке было не намного теплее, чем на улице. Пока Сашка переобувался, его вовсе скрючило. В зале он во весь дух помчался за мячом: разминались, играли в баскетбол.

— Становись!

Побегали, окончательно согрелись. Тренер тоже бегал: в зале хоть и не мороз, а на месте не устоишь. Повозили друг друга на закукорках, поборолись. Походили выпадами.

— К бою!

Теперь легко выполнять команды. А наутро после первой тренировки, летом, Сашка еле сполз с постели. Ныло все тело, болели ноги.

Сашка сам не заметил, как уже стоял в фехтовальной стойке: правая нога впереди, левая сзади, обе полусогнуты, рапира смотрит в грудь противнику, левая рука по-балетному висит в воздухе.

— Шаг вперед!

Шеренга качнулась и переступила.

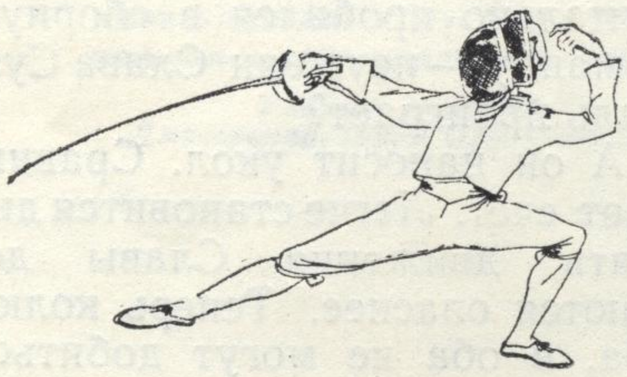
— Шаг назад! Покажи укол! Коли!

Дрогнул пол. Распластались над половицами фехтовальщики.

— Закройсь! Вольно, попрыгать.

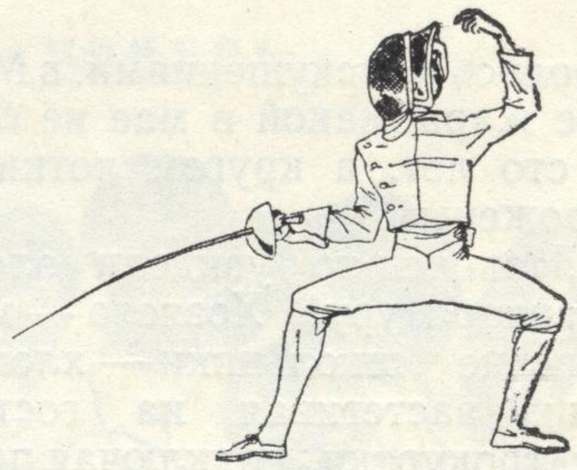
Сашка — тоненький, легкий, светловолосый — старательно прыгал.

Подходили к тренеру, получали задания. Сашка — в паре с Мишкой Буториным. Первый номер захватывает рапиру противника с шагом вперед. Вто-

рой номер берет круговую защиту с шагом назад. Тогда первый номер колет с переводом. Нехитрая штука, но надо, чтобы выходило четко, как у робота.

— Становись, Мишка. Ты первый номер. Поехали.

3.

Утром выходного дня Сашку словно подкинуло на постели: соревнования!

Ребята уже хлопотали в зале. Сашка бегал за скамейками, проверял наконечники рапир, наводил мелом дорожку. Поднял голову и ахнул: полный зал зрителей. Стал считать, досчитал до ста тридцати, сбился.

А металлический голос в репродукторе уже говорил:

— Товарищи зрители, весенние соревнования клуба юных фехтовальщиков Устьянской средней школы посвящаются дню рождения Владимира Ильича Ленина. Вначале вы увидите выступления новичков-пятиклассников, которых обучают старшие ребята. Затем начнутся командные и личные соревнования...

Сорок фехтовальщиков, томившихся в раздевалке, строем двинулись в зал, плавно перешагивая через порог. Сколько репетировали, бились с этим порогом. Грянул марш. Сашка шел, держа рапиру подвысь, клинком вверх. За ним старательно топали пятеро его пятиклассников. Фехтовальщики обошли зал, остановились, повернулись и замерли.

— Выступает учебная группа номер четыре. Инструктор — Третьяков Александр.

Сашкины пятиклассники выстроились на середине зала. Лицо у Сашки стало деревянным, щеки разгорелись. Команды отдавал чужим голосом.

— К бою!

(Позор, позор. У Честнейшина не развернуто колено. Сейчас кто-нибудь свистнет!).

— Шаг вперед! Шаг назад! (Так. Ничего.) Коли! (Вот срам-то! Где отмашка левой рукой?). Закройсь! Вольно. Нале-во!

Пятиклассники дружно повернулись направо... Зал смеялся, и этот смех драл Сашку по спине, как мочалка в бане.

Начались встречи команд.

Очередь Сашки. Семиклассник Коля Саваитов, тихий и прилежный Коля, у которого самая красивая стойка в клубе, четко салютует.

В первые секунды всегда мешает сетка маски. Потом она как будто пропадает. Коля мягко пританцовывает на месте, ждет. Надеется на контратаку.

Сашка подбирается к незримой опасной черте, с которой можно атаковать. Она не стоит на месте, двигается вместе с бойцами. На ней можно и самому нарваться на укол.

Что это? Когда он выиграл укол? Где-то в сознании мелькнуло: Коля открылся. А рапира уже уперлась в Колину грудь и выгнулась. Есть!

Сашке становится жарко от желания выиграть. На полусогнутых ногах он катается по дорожке, как бронепоезд. Укол переводом. Укол с обманом в нижний сектор. Конец.

Оживает металлический голос:

— Со счетом 3:0 победил Александр Третьяков.

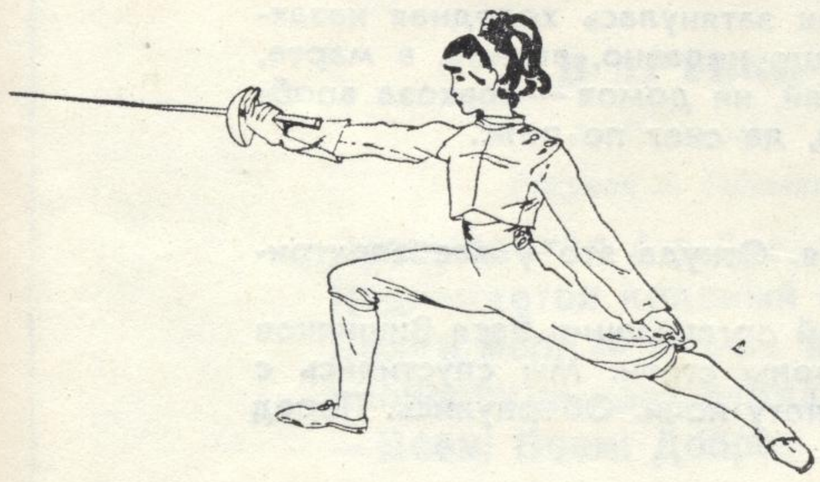
...Я стою на дорожке.

Мне тринадцать лет.

В моей руке рапира.

И, глядя побежденному противнику в лицо, я тонким стальным клинком отдаю ему салют...

4.

Вот они стоят на перроне станции Костылево. Пересчитаем их по именам: Виктор Филимонов, Михаил Яшников, Сергей Беляев, Вячеслав Суздаль, Александр Третьяков, Михаил Буторин, Галина Николаева.

Куда они едут? В Москву! Померяться силами со столичными ровесниками. Выиграть.

А если проиграют?

Вдруг окажется, что они просто не умеют фехтовать?

Солнцем, шумом, густой вокзальной толпой встретила Москва. С непривычки спотыкались на эскалаторах метро,

боролись с искушениями: в Москве жара, какой в мае не было сто лет, а кругом лотки с мороженым.

...Наконец-то увидели электроаппаратуру! Хозяева — московские школьники — хлопотали, застегивая на гостях электрокуртки, подключая провода. Началось!

Вспыхивает то зеленая, то красная лампочка — устьянские ребята наносят и получают уколы. Счет — 4 : 4. Все решит последний бой.

Слава Суздаль надевает электрокуртку. Ему салютует москвич, веселый черноглазый мальчишка. Из-под его маски слышится задиристое «готов!».

Они начинают бой. Оба нервничают. Слава забывает отвечать, москвич теряет точность

укола. И все-таки выходит вперед.

Неужели проигрыш? Сашка Третьяков ерзает на скамейке. Неужели Суздаль, который недавно пришел в клуб и так решительно пробился в сборную команду — неужели Слава Суздаль проиграет?

А он наносит укол. Сравнивает счет. Легче становится дышать, движения Славы делаются опаснее. Теперь колют оба, и оба не могут добиться четкого укола.

Неуловимое движение — и Слава Суздаль наносит решающий укол. Победа! Его обступили свои и чужие, поздравляют, помогают стащить потные доспехи.

...Вечером поезд медленно отплывает от московского перрона. Проводник приносит постельное белье. Но разве тут заснешь?

Они победили. Не кого-нибудь — фехтовальщиков первого юношеского разряда.

5.

Вот и вся история о начале спортивного клуба. Такое начало может положить любая школа.

А кто добавит хороший конец?

Когда вернулись из Москвы — загрустили. Ни электроаппаратов, ни курток. Мало рапир, не хватает нагрудников. Школа и так потратилась на фехтовальщиков, больше не может.

Пошли к директору устьянского леспромхоза. И услышали вот что:

— Мы теперь работаем по-новому. Леспромхоз сам распоряжается большими деньгами. У вас будет все. Пусть ребята занимаются спортом.

Так и получился хороший конец. Придумать его может любое крупное предприятие. А сам рассказ — не обязательно о фехтовании. Мало ли видов спорта? Был бы только настоящий спорт!

Михаил Мохов

★★★

Уголёк № 11

НОЯБРЬ

Рисунок Б. Семенова

ШУТКА

В парикмахерскую с плачем пришла девочка и говорит: «Мама сказала, что вы подстригли меня коротко. У-у-у! Подстригите меня теперь подлиннее. У-у-у».

Рисунок к шутке Сережи Дмитренко, город Орджоникидзе

Одна из рыбок приплыла из другой реки. Чем она отличается от других?

Загадка Наташи Виноградовой, город Кимры

В АРТЕКЕ

В. Торопыгин

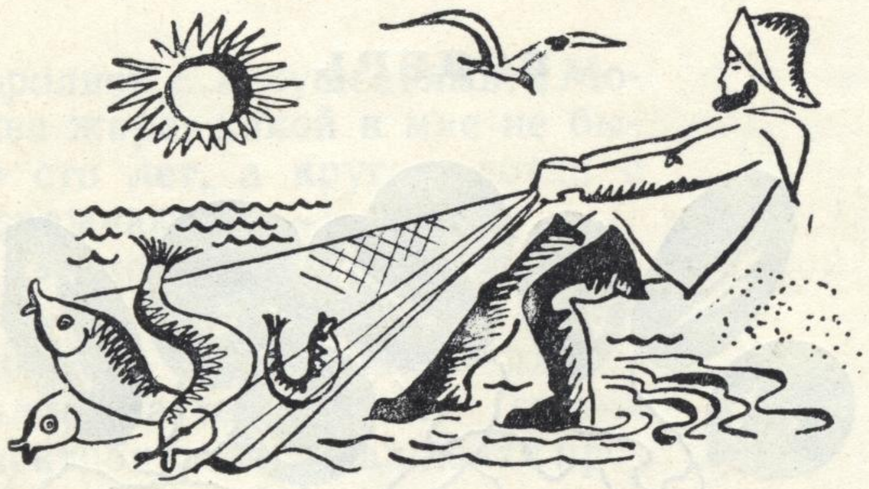
Рисунок В. Голявкина

Просыпается Аю-Даг.
Поднимается красный флаг.
Возле моря — четыре в ряд —
пионерский идет отряд:
— Всем! Всем! Доброе утро!

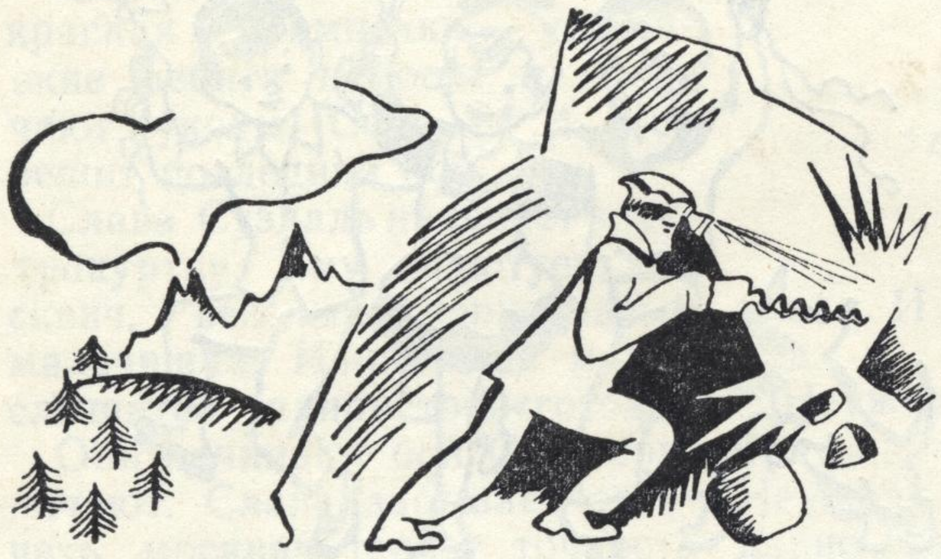
Людям, тем, что к морю пошли.
Людям в разных концах Земли,
чайкам, солнечному лучу
я с отрядом этим кричу:
— Всем! Всем! Доброе утро!

ЛЮДИ

Очень короткая сказка

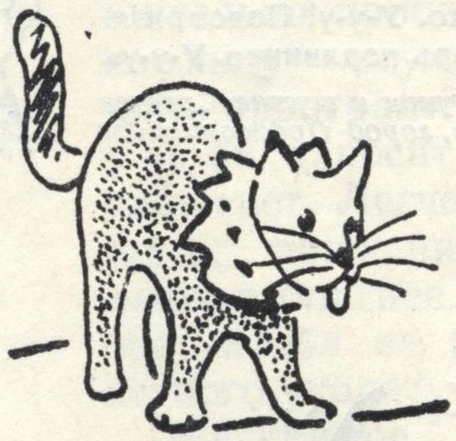

Море родило рыб — и люди пришли.

Горы родили металл — и люди пришли.

ЦИРКОВОЙ

КОТ

МАША СОБИРАЕТСЯ В ШКОЛУ

Маша сегодня идет в школу. Мама положила ей в сумку колбасу. Котенок почуял колбасу и залез в сумку. Маша взяла ее и пошла в школу.

На уроке учительница сказала:

—Дети, откройте тетради.

Маша открыла сумку, а оттуда—котенок. «Мяу! А колбаса была вкусная».

Саша Салмин, город Ершов

Рисунок Нади Новиковой, город Бийск

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ «УГОЛЬКА»!

В этом праздничном номере нашего самодельного журнала мы помещаем работы победителей конкурса «Самый малый уголёк».

ГРОЗА

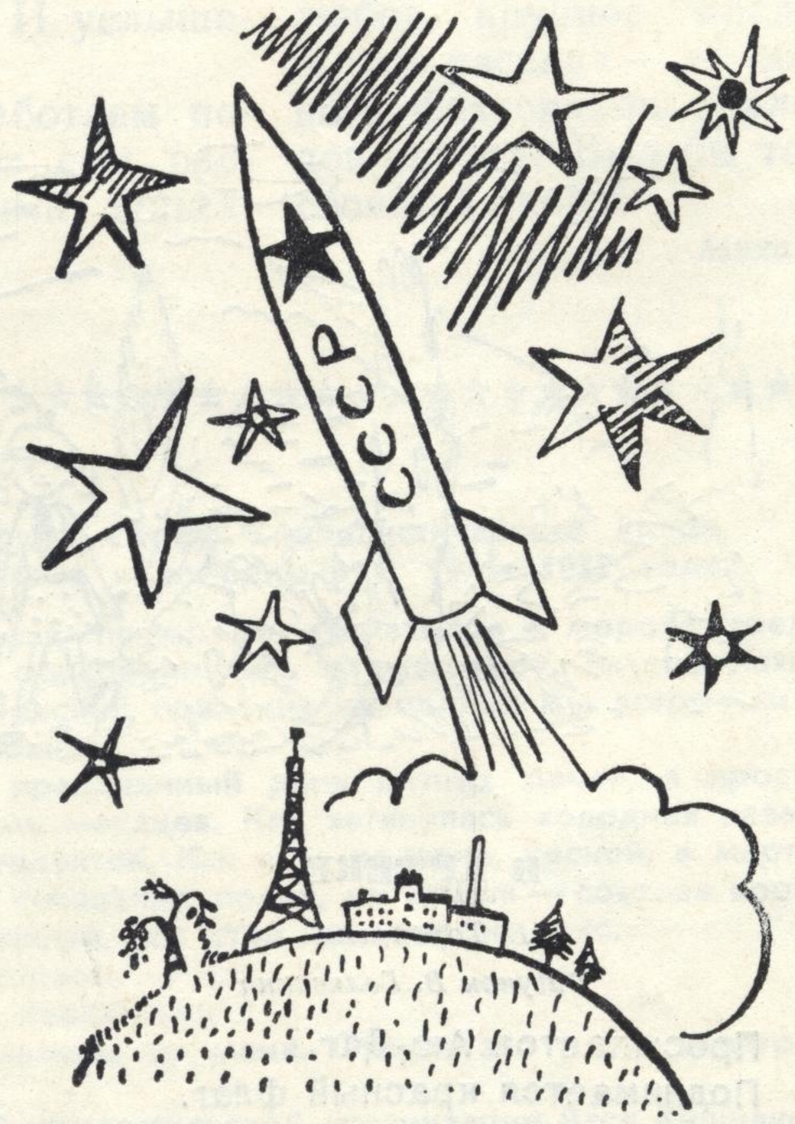
Когда была гроза, загорелось дерево.

Мне было жаль дерево. Я взяла насос, стала накачивать из бочки воду и поливать дерево.

Дерево сейчас стоит возле моего окна. Оно не погибло.

Я горжусь им.

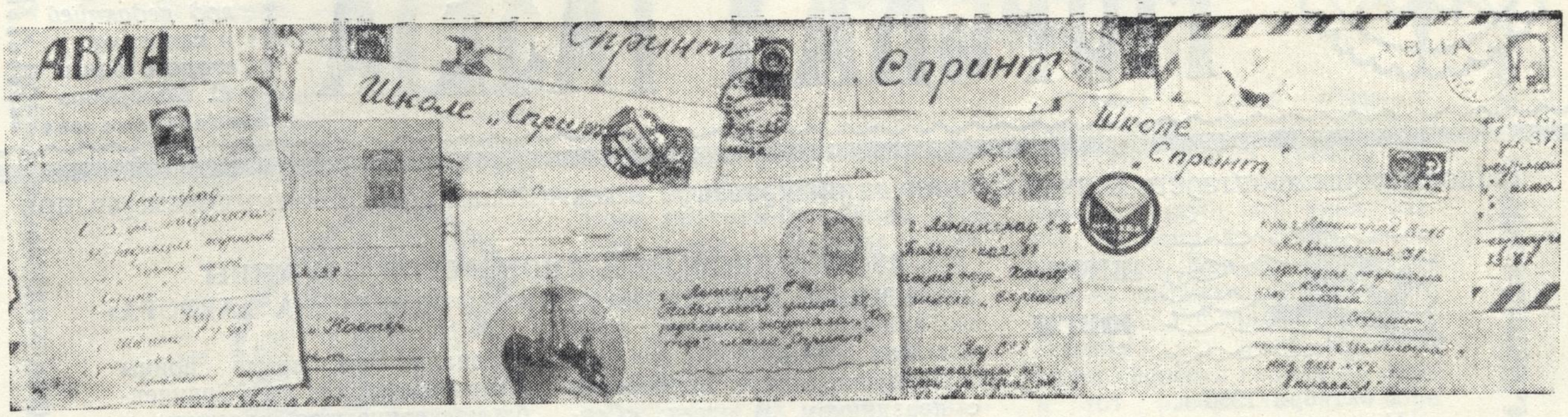
Рассказ и рисунок Оли Краевой. Иркутская область

Небо родило звезды — и люди пришли.

Вл. Бахревский

Рисунки И. Казаковой

ШКОЛА спринт

НА СЛЕТЕ В „ОРЛЕНКЕ"

«Флаг Всесоюзного слета юных бегунов, посвященного 50-летию Великого Октября, поднять!»

В небо, промытое дождем, ползет голубое полотнище. У флагштока обладательница кубка Галины Поповой Люба Яшкова. Рядом ассистенты — посланцы Севера, Юга, Запада и Востока — бегунья из заполярного Нарьян-Мара Ольга Огибина, юный спринтер из Термеза, что на Афганской границе, Валерий Репин, Видас Пимпе из Литвы и Володя Нам с далекого Сахалина. А на зеленом поле 24 команды, им предстоит разыграть финал Эстафеты быстроногих. В сотнях городов, сел, станиц и кишлаков, аулов шли состязания юных спринтеров в честь юбилея Октября.

Тысячи писем от наших учеников школы «Спринт» получены редакцией. 500 самых быстроногих удостоились чести побывать на Черном море, в «Орленке».

Два друга из белорусского города Гомеля — Слава и Женя вместе ходили всю зиму, весну и лето на тренировки, вместе бегали кроссы, играли в футбол. Слава постарше: его включили в сборную команду Белоруссии. В Москве Владислав Сапея стал чемпионом спартакиады народов СССР в беге на 100 метров. Женя Рывин — ученик школы «Спринт», ему пока 13 лет, но он, как и Слава, умеет побеждать.

На празднике открытия слета Женя дважды бежал на последнем этапе эстафеты и оба раза его команда «Алый парус» показала лучшее время.

За победу в финальных эстафетах ребята из «Алого паруса» и команды «Романтик» награждены золотыми медалями. Это первые медали слета.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

ШКОЛА ЮНГИ

2 октября 1965 г.

Наш отряд 5«д» класса получил задание изучить историю революционного крейсера «Аврора». Отправляемся в поиск. Читаем книгу Пронина «Легендарный крейсер».

Январь—февраль 1966 г.

Нашли Алексея Ивановича Холодняка, бывшего мичмана, вахтенного офицера. Он подарил нам макет корабля и фотографию. А мы ему подарили цветы.

Апрель 1966 г.

Саша Ковалев и Саша Сорокин познакомились с Леонидом Александровичем Деминым. Он служил на крейсере «Аврора» с 1917 года. Демин — главный редактор Морского атласа, инженер, кандидат географических наук, лауреат Государственной премии I степени.

22 апреля 1966 г.

Сбор всех шестых классов. В гости пришли Демин и бывший кочегар крейсера Марушкин. Слова наших авроровцев записаны на пленку. А фотографии, к сожалению, не получились.

ИЗ ЛЕТОПИСИ 152-Й ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖИНЫ ИМЕНИ КРАСНОЗНАМЕННОГО КРЕЙСЕРА «АВРОРА»

1 Мая 1966 г.

Поздравили всех авроровцев с праздником. В ответ: «Сердечно поздравляю учеников 5«д» класса с 1 Мая, желаю здоровья, успехов в учебе и полного во всем благополучия. Капитан I ранга в/о А. Холодняк. (За вашим цветком ухаживаю добросовестно, он растет нормально и напоминает о вас)».

2 декабря 1966 г.

Получили письмо от Неволина, бывшего матроса крейсера, участника штурма Зимнего: «Юные друзья! От всего сердца благодарю вас за приглашение на открытие зала трех поколений авроровцев. Поздравляю с присвоением отряду имени легендарного крейсера «Аврора». Нам, старым морякам, приятно, что вы являетесь нашей достойной сменой».

Январь 1967 г.

У нас была встреча с Владимиром Александровичем Штоценвальдом. Он пришел на крейсер по призыву комсомола. Мы нарисовали карту-схему заграничных походов крейсера «Аврора» в 1923—1930 гг.

Узнали: во время войны «Аврора» стояла в Ораниенбауме, прикрывая подступы к Ленинграду. Орудия «Авроры», снятые с корабля, были установлены на самых важных рубежах обороны города.

Март 1967 г.

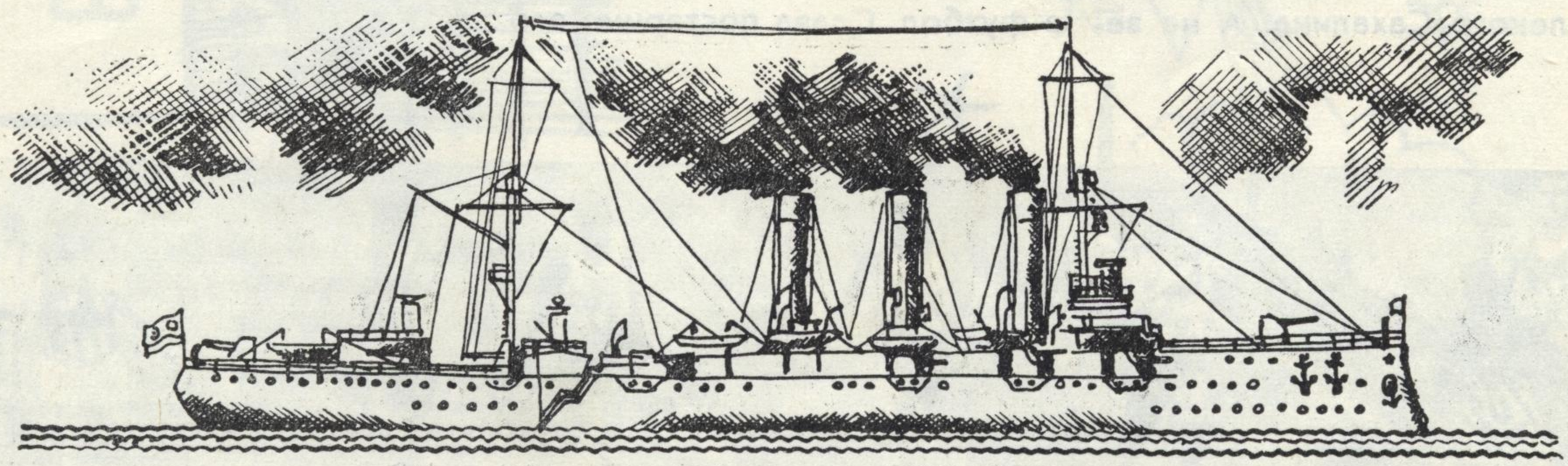
Поход на Воронью гору, где стояла батарея авроровцев. Вместе с нами ходила Антонина Григорьевна Павлушкина, участница боев. Принесли цветы к обелиску. На обелиске надпись: «На этом месте в сентябре 1941 года стояла пушка с крейсера «Аврора». Здесь стойко сражалась и героически погибла группа моряков во главе со старшим лейтенантом Смаглий А. В.»

Апрель 1967 г.

Каждое воскресенье несколько человек из нашего отряда едут на «Аврору» и дежурят там. Мы помогаем команде: следим за порядком, встречаем и провожаем гостей, даем некоторые объяснения в музее.

19 апреля 1967 г.

У нас большая радость. Мы заслужили право носить настоящие матросские воротники — гюйсы. Так решил экипаж крейсера «Аврора».

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя

МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В

ОПЕРАЦИЯ „64“!!!

Внимание! **Внимание!**

Я, знаменитый Ферзьбери, разъясняю:
АРЧЕБЕК — это Армия Рыцарей Черно-Белых Клеток.
АРЧЕБЕК — это консультации по шахматам и шашкам!
АРЧЕБЕК — это спортивные разряды!
АРЧЕБЕК — это призы!

Пока есть свободные места, принимаю — 1) ракетчиков из операции «64», 2) рядовых шахматистов и шашистов, 3) новичков, не умеющих играть.

Вступайте под мои знамена — в АРЧЕБЕК!

При записи указывайте имя, фамилию, класс, адрес. На конверте помечайте — «АРЧЕБЕК».

Все, ранее приславшие просьбу о зачислении в АРЧЕБЕК, зачислены.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Решения к десятому приказу Ферзьбери («Костер»№ 9)

Мат в позиции уртонца. 1. Kd2! f5 2. Kph4! f4 3. Kpg4! f3 4. Kph3 f2 5. Kpg2 f1—Ф+ 6. Kp : f1 и следующим ходом — мат.

В кафе (мат в 3 хода). 1. c8—Л! Kp : a2 (если c2, то 2. Kp : c2) 2. Л : c3.

На яхте (выигрыш). 1. f3 ef 2. Kpf1! f2 3. e4 de 4. Kp : f2 e3 + 5. Kpe1! e2 6. d5 cd 7. Kp : e2 d4 8. Kpd2! d3 9. c6 с несложным выигрышем.

На вышке (мат в 2 хода). 1. Kpe5!

Тайна городской стены. 1. h7—h8—KX. (Пешка превратилась в коня).

В лимонадной (выигрыш). 1. f8—g7 b2—c1 (если b2—a1, то 2. g7—h8X) 2. g7—b2!X.

В цирке (комбинация). 1. e3—d4! c5 : e3 2. c3—d4! e3 : c5 3. e1—f2 g5 : e3 4. f2 : h8X.

ВСПОМИНАЯ ГОДОВЩИНЫ

Николай Корнилович Горбадей, профессор, доктор медицинских наук, директор советского госпиталя в Эфиопии в 1962—1964 гг.

Бананы шелестят на ветру зелеными листьями. С утра до вечера злобно палит солнце. Эфиопский ноябрь совсем не похож на русский. Мы, советские врачи, работаем в госпитале, который построил в Аддис-Абебе Советский Союз. Мы лечим больных и учим эфиопов медицине. Через некоторое время в стране будут собственные врачи.

Сегодня — 7 ноября 1963 года, день рождения нашего государства. Рано утром у ворот и над зданием госпиталя поднимаются красные флаги.

Сегодня мы открываем на территории госпиталя клуб. Новенький, красивый, он стоит в глубине эвкалиптовой рощи. Мы уедем из Эфиопии, а клуб останется нашим друзьям. Эфиопы пришли на открытие. Мы угощаем их русскими пирожками. Нам хочется, чтобы все сегодня было так, как дома.

Специально к открытию подготовлены номера художественной самодеятельности. Я написал пьеску. Для нее нужно было украсить сцену березками. Где их возьмешь! Срубили эвкалиптовые деревца. Отыграли спектакль. А потом кто-то из медсестер посмотрел на мелкие темно-зеленые листочки и вдруг запел «Вниз по матушке по Волге».

Черное небо тропиков смотрит в окна клуба. Незнакомыми голосами шепчется за стенами роща.

Мы далеко от тебя. Мы всегда с тобой, Родина!

Обложка Т. Ксенофонтова. На второй странице обложки и на титуле плакат Н. Кустова
На I вклейке рисунок В. Курдова. На II и III вклейках рисунок В. Бескаравайного

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор *Ю. П. Мезерницкий*
Рукописи не возвращаются
Технический редактор *А. А. Двораковская*
Корректор *В. А. Маевская*

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-16436. Подписано к печати 3/X 1967 г. Формат 84×108 1/16. Печ. л. 8+1. 6,36 усл., 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 330 000 экз. Заказ № 834 Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

ПЛАКАТЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ

В. Маяковского, Д. Моора, В. Дени

25 к.

Ученик 4р 8-4
Додину

